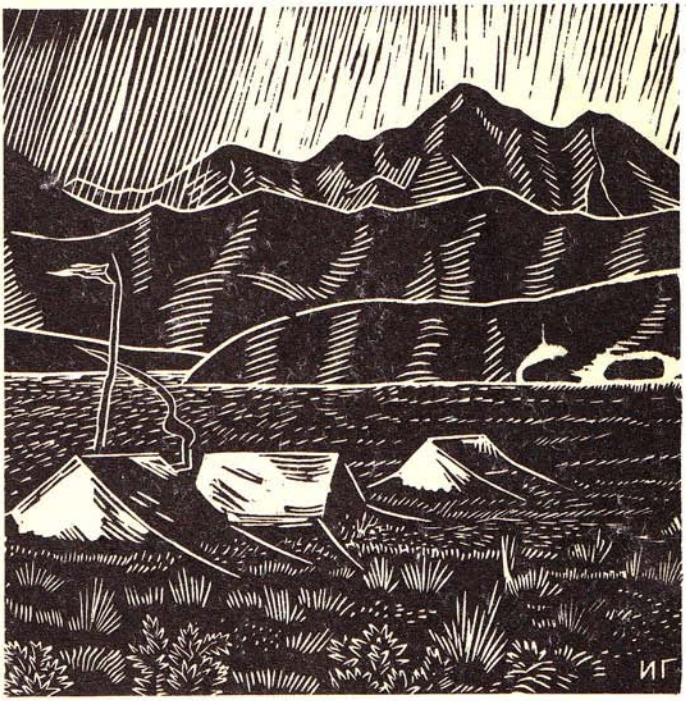
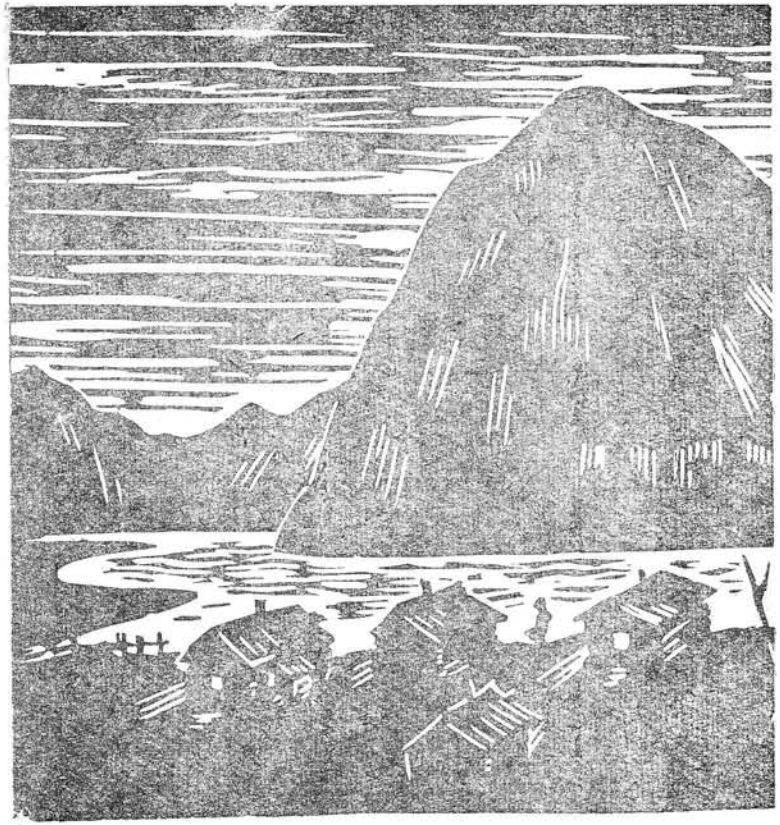
Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ



первопроходцы

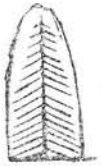
Магаданское
книжное
издательство
1975



Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ

Записки участника первых
геологических экспедиций на Чукотке



Герман Борисович Жилинский. Фото 1974 года.

© Магаданское книжное издательство, 1975

Книги-воспоминания, записки людей интересных профессий, ярких жизненных судеб всегда привлекают внимание самого широкого круга читателей, ибо в них огромный заряд душевной бодрости, бесценное сокровище богатого жизненного опыта.

Предлагаемая вниманию читателя книга «Следы на Земле» принадлежит известному геологу Северо-Востока Герману Борисовичу Жилинскому.

В 1938 году двадцатичетырехлетним юношей Жилинский приехал на Крайний Север и, как пишет сам, «волею судьбы и по зову сердца» оказался участником событий, которые теперь стали уже историческими.

Первые геологические экспедиции к «белым пятнам» на географической карте Чукотки; увлекательные маршруты в глубь этой «терра-инкогнита» — земли неизвестной, какой была она в конце тридцатых — начале сороковых годов; первые, но довольно смелые по тому времени прогнозы золотоносности Чукотки; первая промышленная золотая россыпь, открытая и разведанная в Чаунском районе; новые месторождения олова в Кукенейских горах и в верховьях реки Апапельхин; значительная роль в раскрытии подлинных масштабов и перспектив промышленного Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения — вот далеко не полный итог поистине золотого двенадцатилетия (1938—1950) Жилинского, его весомый вклад в изучение и промышленное освоение Крайнего Севера.

Мне довелось трижды встречаться с Германом Борисовичем. И каждая встреча зримо обогащала. Самая первая была заочной. В 1953—1955 годах я, тогда еще молодой специалист, знакомился с добротными, высокопрофессиональными отчетами Г. Б. Жилинского. Отчеты были сделаны в лучших традициях геологов колымской школы. По ним училось новое поколение геологов, от них можно было идти дальше.

Вторая встреча состоялась совсем недавно, в мае 1975 года, в Магадане. Автор книги представлялся мне человеком, отягченным званиями и титулами. Г. Б. Жилинский в настоящее время — лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, профессор, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки и техники Казахской ССР. Но, неожиданно для себя, я встретил очень энергичного, живого человека, интересного и общительного собеседника. Несмотря на солидный возраст, Герман Борисович полон творческих замыслов, ради воплощения которых не прочь еще раз круто изменить весь свой образ жизни и вновь готов связать свою судьбу с Севером.

Третья моя встреча с Г. Б. Жилинским состоялась уже как с автором этой книги, и я рад возможности представить его книгу читателям. Юноша, «обдумывающий житье», найдет в ней многое из того,

что необходимо знать о романтике поиска и трудовых буднях геолога. Зрелого читателя эта книга заставит задуматься о своих собственных «следах на земле», ибо в ней бескомпромиссный вызов обывателю. Труд, тяжелый, изнурительный, но плодотворный, труд на благо родины — вот простейшая формула счастья для героев Жилинского.

Достоинства книги и в ее документальных зарисовках. В ней нашли отражение важные вехи в истории Чукотки, один из трудных и ответственных периодов ее — начало промышленного освоения.

Но особую ценность представляют образы и характеры героев книги, людей подчас сложных, но объединенных одними высокими идеалами и стремлениями. Нравственная сила и патриотизм этих людей совершенно органичны. И созидатели, строители будущего не могут быть иными.

А. А. СИДОРОВ,
доктор геолого-минералогических наук

ОТ АВТОРА

Подобно тому, как золотоискатель, тщательно промывая речной песок, выделяет из пустой породы крупицы драгоценного металла, так время отсеивает в нашей памяти все случайное, второстепенное. И чем дальше от пережитого, тем ценнее становятся воспоминания.

Можно считать, что мне в жизни крепко повезло. Волею судьбы и по зову сердца я оказался в конце 30-х годов на Крайнем Севере. Двенадцать лет, самые лучшие годы в жизни, безоглядно отдал этому навсегда полюбившемуся мне далекому и суровому краю.

Значительная часть этих лет пришлась на нелегкие годы Великой Отечественной войны. И здесь, вдали от переднего края титанической борьбы нашего народа против фашистских захватчиков, девизом жизни каждого из нас было — все для фронта, все для победы, все для разгрома ненавистного врага!

Смелые и мужественные люди, настоящие романтики нашей нелегкой профессии, великие труженики встречались мне на пути. Они первыми проникали туда, где до них не ступала нога человека. С их приходом в тундре начиналась новая жизнь, возникали прииски, рудники, города и поселки... А они, как только освобождался от строительных лесов первый жилой дом, снова уходили в неизведанное, в поиск — туда, где еще оставались на карте Чукотки «белые пятна»... И все для них начиналось опять сначала... опять с первого колышка, забитого в мерзлую землю.

Но самое удивительное заключалось в том, что порою поистине героические дела люди совершали как-то по-обыденному просто.

Такими тогда в небольшом коллективе чукотских геологов были почти все. Но если иногда и заносило кого-то попутным ветром в наш дружный коллектив, то они долго не задерживались...

Не всем, разумеется, выпало счастье сделать крупное открытие — подарить родине новое месторождение ценных металлов, установить неведомые ранее закономерности геологического строения изученного района, дать смелый научный прогноз. Зато каждый имел полную возможность раскрыть перед товарищами самого себя — показать, чего стоит он, если спросить с человека по большому жизненному счету.

Это была замечательная школа жизни — школа гражданственности, товарищества, патриотизма и дружбы. Прошедшие через нее оставили заметный след на Земле и с полным основанием могут по-корчагински сказать, что «жизнь прожита не так уж плохо».

ВСЛЕД ЗА МЕЧТОЙ

Разные пути-дороги приводили людей на Крайний Север в конце тридцатых годов нашего беспокойного века...

Одних увлекала романтика сурового края, других заносило сюда по воле случая, немало было и таких, которые ехали в эти места в погоне за «длинным» рублем.

Меня же привела на Север давняя мечта...

Родился я и вырос «на диком бреге Иртыша», в небольшом тогда провинциальном городке Семипалатинске.

Учился в школе. Целыми днями с товарищами пропадал на Иртыше. Дружил с коньками, лыжами. Летом не разлучался с лодкой, удочками, а став постарше — и с ружьем. Рано научился понимать и любить природу.

В школьные годы, как и многие мои сверстники, зачитывался книгами о путешествиях и географических открытиях. Нас манили дальние страны, мы мечтали об увлекательных путешествиях, о благородных поступках, о героических подвигах...

Но не только книги делали тогда нас такими безудержными мечтателями и фантазерами. Сама жизнь властно вторгалась в наши мечты. В те годы время неумолимо убыстряло свой бег. По Стране Советов могучей поступью шла индустриализация, воплощались в действительность грандиозные планы Первой Пятилетки. С этим героическим временем совпало и начало быстрого освоения Арктики. Вот почему мы, мальчишки, все чаще и чаще стали устремлять свой взор на Север; нас, жителей степей, неудержимо влекло в тайгу и тундру, в ледовые просторы северных морей...

Но по-настоящему меня потянуло в Арктику после того, как я увлекся радиолюбительством. Немалая заслуга в этом моего школьного товарища Коли Лесникова, который научил меня мастерить простейшие ламповые радиоприемники.

Радио в конце двадцатых — начале тридцатых годов только еще входило в быт людей, потому у нас был большой творческий простор для выдумки, поисков. Поднаторев в изготовлении радиоприемников, мы начали мастерить простейшие самодельные телевизоры. Приемники и телевизоры получались у нас громоздкими, некрасивыми, но зато сколько было радости, ликования, если конструкция удавалась и среди воя и свиста, излучаемого волшебным эфиром, в ночную тишину квартиры неожиданно врывался громкий голос из Новосибирска, Москвы, Парижа или вдруг на светящемся катоде неоновой лампы появлялось нечто похожее на изображение размером со спичечный коробок.

Постепенно наши творческие интересы расширялись. Мы начали изучать азбуку Морзе, радиолюбительский код, международный язык эсперанто, стали строить простейшие любительские радиопередатчики и осваивать радиосвязь на коротких волнах.

Вот тогда-то и появился у нас новый кумир, ас эфира — выдающийся спортсмен-коротковолновик Эрнест Кренкель.

О радиолюбителе, ставшем впоследствии известным полярным исследователем, доктором географических наук, Героем Советского Союза, много писали тогда в газетах и журналах. Эрнест Теодорович Кренкель зимовал на полярных станциях, был членом высокоширотной международной экспедиции на дирижабле «Граф Цеп-

пелин», участвовал в походе «Сибирякова» и в легендарном плавании «Челюскина».

Позднее он вместе с Папаниным, Ширшовым и Федоровым совершил героический дрейф на льдине через Северный полюс.

С этих пор Север и Арктика стали нам как-то ближе, и мы с Колей уже строили свои планы наступления на Великую ледовую пустыню. Но моему другу лишь наполовину удалось осуществить свою мечту. После окончания школы Коля Лесников заведовал радиостанцией в Семипалатинске, потом поступил в Ленинградский электротехнический институт связи, стал радиоинженером, работал в крупном радиоцентре в Восточной Сибири. В сорок первом году он добровольцем ушел на фронт и вскоре геройски погиб вместе с экипажем бомбардировщика, на котором Коля был воздушным стрелком и радистом.

Меня же после окончания средней школы надолго приковала к постели тяжелая болезнь. Острый суставной ревматизм и развившийся на этой почве порок сердца сделали меня инвалидом. Казалось, теперь навсегда нужно было расстаться с мечтой о Севере.

Но неожиданные обстоятельства все изменили. В 1932 году в Семипалатинске открылся геологоразведочный институт — первое высшее техническое учебное заведение в Казахстане. И я стал студентом этого института. Любопытно отметить, что при зачислении мне была выдана зачетная студенческая книжка за номером первым, а впоследствии, в тридцать седьмом году, когда я получал диплом горного инженера-гидрогеолога, он тоже был зарегистрирован за номером первым.

В тридцать четвертом году наш институт из Семипалатинска перевели в Алма-Ату — столицу Казахстана. Это обстоятельство сыграло для меня немаловажную роль. Оказавшись вдали от заботливых родителей и выйдя из-под контроля знакомых врачей, я решил избавиться от тяжелого недуга собственными силами.

Ревматизм считался в те годы простудным заболеванием, значит, рассудил я, надо закаляться. Коньки, лыжи, воскресные походы в горы, военизированные переходы на шлюпках по Или и Балхашу, плавание, волейбол, стрелковый спорт, турник, гири, бокс и даже парашютные прыжки с самолета — таков далеко не полный перечень «лечебных процедур», которые я тогда прописал себе. И вскоре, как ни странно, я перестал замечать свои недуги. Разумеется, ревматизм и порок сердца еще не прошли, и для того, чтобы заниматься спортом, приходилось обманывать врачей и вовлекать в эти «преступления» своих друзей. В таких случаях меня обычно выручал мой друг Женя Алеев. Он имел богатырское здоровье и при необходимости невозмутимо показывался врачам вместо меня.

Быстро пролетели годы учебы в институте. Пора было серьезно подумать о дальнейшем жизненном пути. И меня опять властно потянуло на Север, в Арктику. Случилось так, что с Севера приехал в отпуск мой бывший сокурсник Володя Миляев. Он ушел из института со второго курса и стал работать прорабом с геологом Ю. А. Одинцом сначала на Памире, а затем на Чукотке. В тридцать седьмом году Володя открыл вблизи мыса Шмидта перспективное Иультинское оловянно-вольфрамовое месторождение.

От его рассказов о Чукотке захватывало дух и приятно щемило сердце.

«Да, там на Крайнем Севере, в Арктике — настоящая работа!» — твердо решил я про себя.

И, долго не раздумывая, весной тридцать восьмого года увольняюсь из управления Турксиба, где после окончания института работал инженером-изыскателем в проектном отделе, и еду в Москву с надеждой «определить себя» на Север.

Прибыв в столицу, отправляюсь в представительство Дальстроя — было тогда такое на Лубянке. Там в лабиринте узких коридоров разыскиваю комнату, в которой, как мне сказали, «вербуют» геологов. Приняли меня Соловейчик и Рабинович — геологи, уже поработавшие на Колыме. От них я впервые узнал много интересного о Колымском крае, о таежных золотых приисках, о роли Дальстроя в геологических исследованиях Северо-Востока.

Из их рассказов передо мной постепенно вырисовывался не тот Север, с белыми медведями, ледовыми пустынями, который представлялся мне в юношеских мечтах, а настоящий, трудный и суровый Север, который в недрах своих, скованных вечной мерзлотой, таит богатые природные ресурсы, Север, который остро нуждается в преданных ему и мужественных людях...

Мои консультанты предложили мне интересную работу по геологической съемке и поискам месторождений полезных ископаемых. Я согласился и вот, оформив договор, стал уже дальстроевцем. Получил солидный аванс и поспешил прежде всего обзавестись новенькой фотокамерой ФЭД и одноствольной «ижевкой».

Через несколько дней транссибирский экспресс «Москва — Владивосток» уже мчал меня к незнакомым берегам далекого Тихого океана...

В нашем вагоне ехало много дальстроевцев, возвращающихся из отпуска, и они наперебой «просвещали» новичков. Рассказчики при этом не скупились на яркие краски, живописуя привольную жизнь на приисках и разных «командировках», как тогда называли небольшие таежные дальстроевские поселки.

Под впечатлением этих рассказов, в которых, конечно, было больше досужих вымыслов, чем правды, я постепенно начал сознавать, что сделал опрометчивый шаг, связав свою судьбу с Дальстроем.

В довершение ко всему мне пришлось вдоволь насмотреться на кочевую жизнь в «транзитках», в полной мере отведать в пути неудобство и грязь твиндеков стальной громады «Феликса Дзержинского» и вкусить все «прелести» перехода через штормующее Охотское море.

Словом, было отчего расстроиться и проклинать все и вся на свете. Но отступать уже было поздно: солидный денежный аванс я растратил настолько, что о расторжении договора не могло быть и речи.

24 июня 1938 года наш корабль, окутанный плотной пеленой серого тумана, входил в бухту Нагаева. Моросил мелкий, по-осеннему неприятный дождь. Тяжелые тучи ползли так низко, что задевали верхушки мачт. Сквозь густую пелену тумана не видно было берега, и только у самой воды чернела узкая полоска омытых волнами скал, лишенных какой-либо растительности.

«Феликс Дзержинский» с большим трудом пришвартовался к узкому деревянному причалу, на котором маячили сгорбленные фигуры озябших людей, а поодаль угадывались силуэты грузовиков с натянутыми над кузовом брезентовыми тентами.

Изрядно помокнув из-за царившей на берегу неразберихи, мы наконец погрузились в кузов одной из машин и отправились в город. Из кузова, до отказа набитого людьми и вещами и плотно обтянутого толстым брезентом, ничего не было видно. Только когда кончилась тряска, можно было понять, что наконец-то мы выехали на дорогу. Через некоторое время нас, группу, таких же как я, договорников, высадили около новенького двухэтажного деревянного здания, временно превращенного в общежитие для приезжих.

После грязных трюмов это наше жилище выглядело комфортабельно: светлые уютные комнаты, новая мебель, чистая постель, тишина, порядок и даже некоторый

уют, по которому за долгие недели пути мы порядком истосковались. Это был для нас приятный сюрприз, и мы, несмотря на отвратительную погоду и усталость, с хорошим настроением закончили свой первый день в Магадане.

А утро следующего дня встретило нас чудесной солнечной погодой. Из окна гостиницы открывалась панорама молодого строящегося города, окруженного со всех сторон сопками. В ложбинах сопок, покрытых редколесьем и кустарником, несмотря на конец июня, блестели большие пятна нерастаявшего снега. Белые северные ночи и по-материковски погожие солнечные дни немного развеяли то мрачное настроение, с которым мы ступили на магаданскую землю.

Особенно запомнились нам в первые дни пребывания в Магадане белые ночи. И не только своей неповторимой экзотичностью. С непривычки из-за них мы постоянно везде и всюду опаздывали. Определив время на глаз, по наступлению сумерек, отправлялись мы обычно в городской парк (был тогда уже такой в Магадане) или спешили в кино на последний сеанс. Каково же было наше удивление, когда, пройдя по безлюдным улицам до парка или кинотеатра, мы натыкались на закрытые двери. И только тогда, сверив время по часам, убеждались, что уже далеко за полночь.

Однако пора было заканчивать затянувшееся путешествие и получать направление на работу.

Отдел кадров Дальстроя, куда надлежало мне явиться, находился в другом конце города, и я, пока шел туда, смог хорошо осмотреться. Магадан быстро строился. В центре уже возвышались большие каменные здания жилых кварталов и учреждений, заметно выделявшиеся среди временных построек одноэтажных бараков, хозяйственных дворов и складов. По улицам города с ревом проносились большие грузовики, со скрежетом проходили

гусеничные тракторы с громоздкими санными прицепами. Во всем улавливался напряженный ритм работы...

Мою дальнейшую судьбу должен был определить главный геолог Дальстроя Валентин Александрович Цареградский, который ведал распределением прибывающих на Колыму геологических кадров.

С волнением открываю дверь кабинета главного геолога и оказываюсь в почти совершенно пустой маленькой комнате. За небольшим столом лицом к двери сидит высокий худощавый человек с усталым обветренным лицом и с пышной копной вьющихся волос. Одет он подчеркнуто строго и просто. На его груди замечаю орден Трудового Красного Знамени. Орденоносцев среди геологов в те годы было немного, и люди, удостоенные таких высоких правительственных наград, пользовались особым авторитетом.

Я уже был достаточно хорошо наслышан о Юрии Александровиче Билибине, Валентине Александровиче Цареградском, Сергее Дмитриевиче Раковском и других мужественных участниках первых геологических экспедиций на Колыму, с именами которых связано создание золотодобывающей промышленности на Колыме и начало хозяйственного освоения Крайнего Севера.

О В. А. Цареградском люди неизменно говорили с большой теплотой и всегда подчеркивали его интеллигентность, доброту и отзывчивость.

— Присаживайтесь,— приветливо сказал мне Валентин Александрович.— Рассказывайте, откуда приехали? Что закончили? Где работали?

Когда я рассказал, что приехал из Алма-Аты и что окончил геологоразведочный факультет Казахского горно-металлургического института, Цареградский заметно оживился.

— Неужели и в самом деле из солнечной Алма-Аты! — удивленно воскликнул он.— Я и не знал, что там

неожиданными крутыми перевалами с экзотическими названиями вроде «Дунькин пуп» или «Дедушкина лысина». Встречались придорожные «командировки» и рабочие поселки.

Уже в те годы Колымская трасса была оживленной транспортной артерией, связывавшей Магадан с золотыми приисками, рудниками, подсобными хозяйствами и речными пристанями. По ней непрерывным потоком мчались тяжело груженные машины. Нужно было спешить в короткие летние месяцы забросить в глубинку все необходимое для жизни и работы десятков тысяч людей.

На Колыме уже начался промывочный сезон, и напряженный трудовой ритм золотодобывающих предприятий чувствовался во всех звеньях большого и сложного хозяйства Дальстроя.

Быстро остались позади такие крупные населенные пункты, как Палатка, Атка, Мякит, Стрелка. И в тот же день я уже был в Оротукане. Административный центр Южного горнопромышленного управления Дальстроя имел вполне обжитой вид. Поселок Оротукан, расположенный на широкой правой террасе одноименной реки, выглядел чистеньким и опрятным. Вдоль единственной и очень широкой улицы ровными рядами выстроились одноэтажные двухквартирные деревянные домики, окруженные низенькими палисадниками из штакетника. Среди этих строений заметно выделялись солидное деревянное здание клуба и несколько тоже деревянных двухэтажных домов. Здесь же на площади перед клубом возвышался монумент отважной комсомолке Татьяне Маландиной, недавно трагически погибшей от руки бандита. Южное горнопромышленное управление размещалось в большом одноэтажном здании.

Прибыв в Оротукан, я прежде всего зашел в геологоразведочный отдел. Там от руководителя геологопоисковых работ Ивана Николаевича Зубрева я узнал, что все экспедиции давно выехали в тайгу и что многие из них не укомплектованы геологами. Он же сообщил мне, что самая дальняя — Верхне-Сеймчанская геологопоисковая партия, в которой тоже не хватало прораба-геолога.

Затем я зашел к главному геологу управления. Меня встретил уже немолодой, довольно тучный мужчина. Черные чарли-чаплинские усики, такие же черные волосы и брови, темно-карие глаза, орлиный профиль и характерный гортанный говор выдавали в нем южанина, жителя кавказских гор. Георгий Александрович Кечек — это был он, главный геолог Южного горнопромышленного управления Дальстроя,— принял меня любезно, но направить в поисково-съемочную партию решительно отказался.

— Сейчас в самом разгаре промывочный сезон, на приисках днем и ночью идет добыча золота, а приисковых геологов не хватает,— быстро и напористо говорил Георгий Александрович.— Я направлю вас на прииск «Майорыч». Быстрее оформляйтесь в отделе кадров и завтра же поезжайте туда.

Я уже знал понаслышке, что у геолога на прииске во время промывочного сезона нет покоя ни днем, ни ночью. Да и характер самой работы приискового геолога меня никак не устраивал. Главное же — рушилась надежда получить новую специальность геолога-поисковика, ради чего в основном я и поехал на Колыму. Поэтому я решил проявить упрямство и настоять на своем. «Тяжба» продолжалась целую неделю. Какие только аргументы не выдвигались и с той и с другой стороны! В конце концов победило мое упрямство.

И вот я спешу на пристань Усть-Утиная, чтобы сесть на пароход и следовать по Колыме до Нижнего Сеймчана, где обещанного прораба-геолога уже давно должен ждать завхоз партии с припасенными для этого лошадьми.

До пристани добираюсь опять на попутной машине. Дорога — все та же Колымская трасса — проходит здесь по самому оживленному району, мимо приисков «Пятилетка», «Разведчик», «Утиный»... Издали хорошо видны ажурные силуэты многочисленных деревянных эстакад и промывочных приборов, конусы насыпанного грунта и снующие туда-сюда человеческие фигуры с тачками. Все это напоминало растревоженный муравейник.

К вечеру добрался до пристани. Усть-Утиная расположена на правом берегу многоводной Колымы. Здесь еще в 1929 году было открыто месторождение россыпного золота. Отсюда начинался водный путь, соединявший Нижнеколымск, Среднеколымск и все другие населенные пункты в бассейне реки с автомобильной магистралью, дававшей выход к Охотскому морю и центральным районам страны.

Увидев стремительные воды Колымы, я невольно вспомнил о родном Иртыше. Много общего было между этими реками — обе полноводны, стремительны, раздольны и своенравны. Плавать по таким рекам хотя и трудно, но интересно.

В ожидании парохода я прогуливался по крутому берегу и с любопытством разглядывал речную гальку, в которой встречались обломки самых разнообразных горных пород, принесенные сюда могучей рекою и отшлифованные ею до блеска. По этим камням, как по книге, можно прочесть об особенностях геологического строения верховий Колымы, составить представление об истории геологического развития земной коры в этом крае. Очень много было обломков песчаников и сланцев, свидетельствовавших о том, что когда-то, в далекие геологические времена, здесь плескалось море. Встречались обломки гранита и других изверженных пород — продукты внедрения или излияния на поверхность расплавленной магмы. Попадались кварцевая галька, обломки кварцевых жил, которые часто несут в себе золото и другие металлы.

День выдался по-южному жаркий. Времени до отплытия было еще много, и я решил искупаться. Сказано — сделано! Быстро раздеваюсь и, чтобы избавиться от кровожадных комаров, тучей круживших около меня, стремительно разбегаюсь и прямо с крутого берега... бултых в воду. Но от леденящего холода тотчас пробкой выскакиваю на берег...

Так я в первый и последний раз искупался в Колыме и узнал, что реки на Севере, в зоне вечной мерзлоты, совсем не пригодны для купания.

Гудки парохода известили о скором отплытии, и я поспешил занять место на палубе небольшого колесного буксира.

Надолго мне запомнилось это путешествие...

Вот убрали трап, и на капитанском мостике появился человек в форменном кителе и в огромных болотных сапогах из толстой яловой кожи. Голенища сапог были молодцевато отогнуты ниже колен и напоминали граммофонные трубы. На голове капитана — а это был он — красовалась белая форменная фуражка, украшенная золотым дальстроевским «крабом» колымского речного пароходства.

Капитан явно был «навеселе», и чувствовалось, каких усилий ему стоило удержаться на ногах, поэтому его «подстраховывал» неотступно следовавший за ним помощник.

Среди матросов тоже не все твердо могли стоять на ногах. Распоряжения капитана выполнялись плохо, и у команды долго что-то не получалось со швартовочными канатами и буксирным тросом.

Но вот наконец-то пароход отчалил от пристани и, ведя за собой на буксире тяжело груженную баржу, тронулся в путь...

До пристани добираюсь опять на попутной машине. Дорога — все та же Колымская трасса — проходит здесь по самому оживленному району, мимо приисков «Пятилетка», «Разведчик», «Утиный»... Издали хорошо видны ажурные силуэты многочисленных деревянных эстакад и промывочных приборов, конусы насыпанного грунта и снующие туда-сюда человеческие фигуры с тачками. Все это напоминало растревоженный муравейник.

К вечеру добрался до пристани. Усть-Утиная расположена на правом берегу многоводной Колымы. Здесь еще в 1929 году было открыто месторождение россыпного золота. Отсюда начинался водный путь, соединявший Нижнеколымск, Среднеколымск и все другие населенные пункты в бассейне реки с автомобильной магистралью, дававшей выход к Охотскому морю и центральным районам страны.

Увидев стремительные воды Колымы, я невольно вспомнил о родном Иртыше. Много общего было между этими реками — обе полноводны, стремительны, раздольны и своенравны. Плавать по таким рекам хотя и трудно, но интересно.

В ожидании парохода я прогуливался по крутому берегу и с любопытством разглядывал речную гальку, в которой встречались обломки самых разнообразных горных пород, принесенные сюда могучей рекою и отшлифованные ею до блеска. По этим камням, как по книге, можно прочесть об особенностях геологического строения верховий Колымы, составить представление об истории геологического развития земной коры в этом крае. Очень много было обломков песчаников и сланцев, свидетельствовавших о том, что когда-то, в далекие геологические времена, здесь плескалось море. Встречались обломки гранита и других изверженных пород — продукты внедрения или излияния на поверхность расплавленной магмы. Попадались кварцевая галька, обломки кварцевых жил, которые часто несут в себе золото и другие металлы.

День выдался по-южному жаркий. Времени до отплытия было еще много, и я решил искупаться. Сказано — сделано! Быстро раздеваюсь и, чтобы избавиться от кровожадных комаров, тучей круживших около меня, стремительно разбегаюсь и прямо с крутого берега... бултых в воду. Но от леденящего холода тотчас пробкой выскакиваю на берег...

Так я в первый и последний раз искупался в Колыме и узнал, что реки на Севере, в зоне вечной мерзлоты, совсем не пригодны для купания.

Гудки парохода известили о скором отплытии, и я поспешил занять место на палубе небольшого колесного буксира.

Надолго мне запомнилось это путешествие...

Вот убрали трап, и на капитанском мостике появился человек в форменном кителе и в огромных болотных сапогах из толстой яловой кожи. Голенища сапог были молодцевато отогнуты ниже колен и напоминали граммофонные трубы. На голове капитана — а это был он — красовалась белая форменная фуражка, украшенная золотым дальстроевским «крабом» колымского речного пароходства.

Капитан явно был «навеселе», и чувствовалось, каких усилий ему стоило удержаться на ногах, поэтому его «подстраховывал» неотступно следовавший за ним помощник.

Среди матросов тоже не все твердо могли стоять на ногах. Распоряжения капитана выполнялись плохо, и у команды долго что-то не получалось со швартовочными канатами и буксирным тросом.

Но вот наконец-то пароход отчалил от пристани и, ведя за собой на буксире тяжело груженную баржу, тронулся в путь...

Колыма в среднем и верхнем течении имеет извилистое русло. Здесь много отмелей, островов и галечных перекатов. Фарватер реки был плохо обозначен навигационными знаками, и нужно было глядеть в оба, чтобы не сесть на мель.

Как только пристань осталась позади, наш капитан вдруг начал горланить хриплым пропитым голосом песню из кинофильма «Семеро смелых»: «Капитаны на мостиках смелые...» Словно в насмешку, стальное днище парохода заскрежетало о камни. Течение развернуло пароход поперек реки, и мы прочно сели на мель... Баржу быстрое течение снесло вниз, и она с треском врезалась в крутой берег высокого острова.

Так начался первый аврал, в котором участвовали главным образом немногочисленные пассажиры. Мы работали на ручных воротах-лебедках, заводили на берег и укрепляли за пни и деревья толстые пеньковые канаты, опускали за борт тяжелые сваи — словом, трудились в поте лица.

Через полтора-два часа пароход и баржу удалось снять с мели, и мы снова тронулись в путь. Но на следующем же крутом повороте пароход снова сел на мель. И это повторялось почти на каждом перекате или изгибе реки...

Пассажиров на нашем речном буксирном пароходе было немного, но все они выглядели заправскими таежниками и вызывали у меня беспредельный интерес. Особенно привлек мое внимание один из пассажиров. Лицо, обросшее рыжей щетиной, телогрейка, огромные сапоги с голенищами выше колен — «вытяжки», как их называли, старая широкополая шляпа, обмотанная черным тюлевым накомарником, и видавший виды винчестер, притороченный к поясному ремню, придавали моему случайному знакомому вид заправского охотника-зверобоя. Узнав, что я новичок на Колыме и узрев во мне по «ижевке» — простенькой отечественной одностволке — собрата-охотника, он всю дорогу назидательно поучал меня таежным премудростям.

— Самое главное, паря,— говорил он не спеша, раскуривая самодельную трубку из мамонтовой кости,— надобно знать повадки зверя, и тогда он твой. Тогда ты его, паря, голыми руками одолеешь. Взять, к примеру, ламута или якута. Они никогда не идут на медведя гурьбой. Зачем им это! Они знают зверя как свои пять пальцев. Знают, например, что медведь первым на человека не бросится, а завсегда норовит скрыться, удрать незаметно. Это если он не раненый, конечно. Знает всяк местный житель и то, что медведь, перед тем как тебя подмять, обязательно на задние лапы становится. Вот они и охотятся на него с рогатиной. Медведь — на задние лапы, а они ему рогатину в бок — прямо в сердце нацелят, и считай — готов косолапый. На рогатину он сам налезет, только упереть ее другим концом в землю надобно. Вот так-то, паря.

И, довольный произведенным впечатлением, мой собеседник продолжал дальше обучать меня таежной азбуке.

— Якуты — они сызмальства к охоте на медведя приучены. Мальцы ихние, коим лет не более десяти-пятнадцати, на медведя с одним только ножом ходят. Простое дело! Хошь, расскажу как?

— Конечно, расскажите,— с искренней заинтересованностью прошу его.

Я знал, что рано или поздно кочевая жизнь геолога-поисковика сведет меня с косолапым, поэтому с жадностью слушал рассказы бывалого таежника.

— Перво-наперво изготавливают «куклу»,— продолжал увлеченно рассказывать старик.— Это такой клубок из ниток и коровьего или конского волосу, а сверху в ём крючки острые, наподобие рыболовецких. Идет малец

туда, где медведь был примечен. Найдет ёво и давай дразнить. Медведь серчает и на мальца напирать начинает. Тогда малец ему эту куклу прямо в лапы и бросает. Медведь ее — хвать... и накололся... Начинает еще больше злиться. Рвет куклу передними лапами, а для удобства действия на задние лапы подымается... Хочет бросить, окаянную, ан не может — впиваются крючки в медвежьи ладоши. Он так озаботится этим делом, что совсем про мальца забывает. Тут-то малец изловчается — нырь под ёво и ножом ему брюхо вспарывает... Простое дело! И ружья не надо. Знай только повадки зверя, и он завсегда твой будет,— уверенно заключает рассказчик.

В пути нам несколько раз пришлось запасаться топливом. Причем когда пароход причаливал к берегу, где возвышались штабеля заготовленных дров, то опять все пассажиры включались в аврал, так как команда почему-то считала, что погрузка дров не ее дело.

Во время таких остановок я успевал совершать небольшие экскурсии по берегу и почти каждый раз видел на мокром песке пересохших проток огромные отпечатки следов косолапого. Иной след был с мою фуражку. «Каких же размеров должен быть сам хозяин?» — поражался я и на всякий случай стал держать ружье наготове. Мое пылкое воображение тотчас же во всех подробностях рисовало единоборство с огромным медведем, из которого я неизменно выходил победителем.

— Эй, парень! Иди-ка сюда,— как-то раз неожиданно окликнули меня.

Я оглянулся и увидел матроса, сидящего у штабеля заготовленной древесины.

— Ты, видать, ищешь медведя? — насмешливо спросил он.— Не трать зря время. Был на этом острове один топтыга, да в прошлый рейс мы его прикончили. Напал, стервец, на такого же любопытного.

Я подошел ближе к матросу.

— Грузили мы дрова вот так же,— продолжал он.— Один пассажир животом заболел и подался по этой надобности в кусты тальника, что рос поодаль на опушке. Вдруг слышим — орет он благим матом, а кусты — те ходуном ходят. Мы — туда. Глядь, а в кустах медведище огромный дерет человека. Хорошо, что топоры у нас в руках были. Медведь его не сильно помял, и он, возможно, испугом отделался бы, да вот беда — ухватился он со страху за холку косматого. Кто-то сгоряча рубанул топтыгу по голове, да и угодил мужику по пальцам. Так и лишился, родимый, трех перстов на руке. Теперь наверняка тот пассажир животом болеть никогда не станет — на всю жизнь медведь его вылечил. Да вот жаль только руку-то. Пальцы сызнова не вырастут...

Наконец погрузка дров была закончена, и мы отправились дальше, вниз по быстрой реке со множеством отмелей и перекатов. Колыма здесь делает много излучин, и после каждого поворота открывались взору очень живописные скалистые берега, покрытые таежными лесами.

К концу вторых суток наш караван благополучно добрался до Нижнего Сеймчана, где была в то время перевалочная база на пути к прииску Дерас-Юрега и руднику имени Лазо — первым оловодобывающим предприятиям Дальстроя.

Нижний Сеймчан в 1938 году мало чем отличался от других уже виденных мною поселков на Колыме. Десятка два небольших домиков и землянок, далеко разбросанных друг от друга. В них жили работники молочной фермы. Здесь же было сооружено несколько парников, в которых энтузиасты пытались выращивать редис и огурцы. Тогда это было новшеством на Колыме, и мало кто верил в успех такого начинания. Однако жизнь показала, что заниматься огородничеством на Колыме можно, и в дальнейшем Нижний Сеймчан стал крупным центром по производству овощей.

В Нижнем Сеймчане меня встретил завхоз Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партии Павел Космачев — молодой круглолицый паренек, приехавший сюда из-под Пскова. С ним мне предстояло добираться на лошадях до самых истоков реки Сеймчан, где на водоразделе с реками Таскан и Ясашная партия геолога Владимира Алексеевича Титова уже второй месяц вела геологическую съемку и поиски.

На другой день мы с Павлом поднялись очень рано и, оседлав наших коней, отправились в путь. Сначала ехали вдоль хорошо наезженной дороги, проторенной гусеничными тракторами к прииску Дерас-Юрега. Более сносно продвигались по пойме реки, но как только дорога свернула в тайгу, начались сплошные болота и топи. Лошади по самое брюхо тонули в перемятом тракторами вязком месиве. Приходилось спешиваться и, глубоко увязая в холодной грязи, помогать лошадям выбираться. Местами через болота были проложены деревянные настилы из бревен. Но нам по таким настилам продвигаться было еще труднее — бревна свободно плавали в грязи, копыта лошадей скользили и проваливались между бревен, и мы опасались, как бы лошади не сломали себе ноги. Конечно, ни о какой верховой езде по таким «дорогам» не могло быть и речи. Скоро мы сами и наши лошади вконец выбились из сил. К счастью, впереди показался небольшой шалаш, сооруженный из свежесрубленных веток, и мы свернули к нему.

Шалаш, как оказалось, был временным жильем двух мужичков из Нижнего Сеймчана, которые заготавливали здесь сено. Они напоили нас горячим чаем и, узнав, что я только что прибыл с «материка», стали засыпать меня вопросами.

В шалаше было темно, и я сразу даже не заметил, что в нем еще кто-то есть. Этот «кто-то» неожиданно обнаружил себя слабым плаксивым голосом:

— Дайте, пожалуйста, поесть — умираю с голоду...

— Кто это? — спросил я у мужичков, и один из них ответил:

— Говорит, что отстал от обоза, шедшего на прииск Дерас-Юрега и заблудился в пути. Восемнадцать суток колесил, бедняга, по тайге. Только вчера набрел на нашу стоянку.

— Откуда и кто вы? — полюбопытствовал я.

— Из Харькова. Биолог я по специальности.

— Как же вы, биолог, чуть с голоду не умерли в тайге? Разве не встречали ничего съестного?

— Думал, что потерплю два-три дня без еды. Надеялся — найдут меня. Потом стал сам искать пищу. Попадались зеленые ягоды, грибы. Один раз набрел на гнездо какой-то птички. Птенцов скушал. Ел мох, кору, комаров, оводов...

Глаза постепенно привыкли к полумраку, царившему в шалаше, и я разглядел говорившего. Это была живая тень человека — скелет, обтянутый кожей. От сильного истощения он не мог даже говорить. Каждое слово медленно выдыхал из себя со щемящим душу стоном. Хозяева шалаша не давали пришельцу много пищи, справедливо опасаясь, что с лишним глотком супа или ложкой каши он «отдаст богу душу».

Заблудиться в тайге — простое дело, особенно в ненастную погоду. Поэтому случай с биологом не был редким исключением. Но для меня, впервые прибывшего на Колыму, этот эпизод послужил хорошим уроком. Впредь я старался никогда не отставать в пути от других и всегда внимательно присматривался к окружающему миру глазами голодного бродяги, мысленно отмечая для себя, что и как может быть употреблено в пищу из местных «даров природы». Это тоже была крупица жизненного опыта. Так постепенно началось формирование во мне навыков заправского таежника, которые всегда необхо-

димы людям, посвятившим себя нелегкой профессии геолога.

Отдохнув и обсушившись у косарей, на следующий день мы снова продолжили свой путь. Топи и болота наконец-то кончились, и мы стали продираться сквозь нетронутые таежные дебри, преодолевать высокие сопки, с вершин которых открывались неповторимые пейзажи. Чистые горные речки нередко прокладывали себе русло в каньонах с отвесными скалистыми берегами. В глубоких ямах и тихих заводях можно было видеть небольшие стайки красавцев здешних рек — серебристых хариусов. В пути часто встречались юркие полосатые бурундучки и темные, почти черные летом, крупные колымские белки. Иногда попадались на глаза разжиревшие на привольной таежной пище сурки и большие сибирские зайцы. Не раз мы видели следы хозяина здешних мест — бурого медведя и великана сохатого. Много было кедровок, куропаток, рябчиков и иногда встречались даже глухари.

Я впервые оказался среди настоящей девственной тайги, и все окружающее было для меня непривычным и интересным. И я то и дело щелкал затвором своего новенького ФЭДа.

Но иногда во мне просыпался страстный охотник и рыболов, и я брался за ружье и удочки. Охота и рыбалка при таком изобилии всякой живности сопровождались неизменной удачей.

Словом, дни, проведенные в пути от прииска Дерас-Юрега до базы Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партии, промелькнули для меня быстро и незаметно. И вот в один из погожих августовских дней мы прибыли к месту назначения.

Так закончилось мое почти трехмесячное путешествие из столицы солнечного Казахстана в самое сердце сурового Колымского края.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Базовый лагерь Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партии находился в живописном месте. На небольшой поляне, покрытой серебристым ягелем и кустиками голубики, среди разлапистых старых лиственниц стоял добротно срубленный таежный барак, а чуть поодаль, у склона высокой сопки, густо поросшей стелющимися кедрами и ольхой, белели две большие, выцветшие под дождями брезентовые палатки. Барак еще был не достроен: в стенах его чернели пустые оконные и дверные проемы, не было крыши. Вот почему в одной из палаток жили рабочие и завхоз, а в другой хранилось снаряжение и продукты. Рядом с лагерем протекал небольшой хрустально чистый ручей — ключ Интересный, который, судя по количеству и величине нагроможденных в его русле камней, во время сильных дождей нередко превращался в бурную горную реку.

Нас давно уже ждали. Заслышав цокот копыт и фырканье лошадей, все население лагеря шумной гурьбой высыпало нам навстречу.

Дюжина бородатых или просто давно не бритых людей, одетых в грязные телогрейки и бушлаты, обутых кто в кирзовые и болотные сапоги, кто в ичиги, ботинки и даже в сибирские валенки, окружила нас с Павлом плотной толпой, бурно выражая свой восторг по поводу нашего прибытия. Как потом выяснилось, причина ликования бородачей была весьма прозаичной — они ждали спирт, который должен был привезти с собой наш завхоз.

На вновь прибывшего прораба-геолога, то есть на меня, в первые минуты встречи почти никто не обратил внимания, и я имел возможность приглядеться к людям.

Первое впечатление не дало основания для радости по поводу предстоящего знакомства. Внешний вид людей, блатной жаргон, изысканные ругательства, которыми они густо перемежали свою весьма выразительную речь, красноречиво свидетельствовали о том, что большинство этих людей в прошлом принадлежало к уголовной элите. Несколько мужичков, явно крестьянского происхождения, держалось среди этой публики особняком, и в общий разговор они не вступали.

Руководил Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партией Владимир Алексеевич Титов. Он и по сей день работает в городе Магадане. Уже тогда Владимир Алексеевич в коллективе оротуканских геологов имел заслуженный авторитет вдумчивого исследователя и талантливого поисковика, всесторонне развитого и весьма эрудированного человека.

Еще в те годы, будучи молодым специалистом, Владимир Алексеевич открыл на Колыме несколько крупных месторождений олова и был удостоен ордена «Знак Почета». Он слыл среди своих коллег большим специалистом в области стратиграфии, тектоники и металлогении.

Я до сих пор благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось свои первые шаги в геологии делать под руководством Владимира Алексеевича, и тому, что из меня потом получился неплохой геолог, я во многом обязан именно этому замечательному человеку.

Среднего роста, худощавый, всегда спокойный и рассудительный, В. А. Титов внешне мало походил на геолога. Он больше чем-то напоминал сельского учителя, может быть, еще и потому, что никогда не расставался с книгой. Каждую свободную минуту, даже в походе, во время непредвиденной остановки, когда рабочие перевьючивали лошадей, Владимир Алексеевич доставал из полевой сумки томик Пушкина и прислонившись к дереву или прямо в седле читал стихи любимого поэта. Он любил шутку, умел ценить юмор.

Вначале меня, заядлого охотника и рыболова, немало смущал тот факт, что наш начальник партии совершенно равнодушен к рыбной ловле и охоте. Я даже не видел никогда, чтобы он брал в руки ружье. Потом, ближе узнав его, я понял, что Владимир Алексеевич принадлежит к той категории людей, которых принято называть городскими жителями. Титов был коренным ленинградцем.

В день нашего прибытия начальника партии не было в лагере. Он задержался в очередном маршруте, поэтому мне пришлось дожидаться его возвращения и коротать время в компании рабочих, которые, по сути дела, были предоставлены самим себе: на работу никто не выходил, не прекращались картежные игры, зачастую оканчивающиеся дракой.

Но вот приехал начальник партии, и все моментально изменилось. В лагере стало спокойно. Видно было, что В. А. Титов имел большое влияние на рабочих. Они его слушались и беспрекословно ему подчинялись.

Владимир Алексеевич поручил мне провести детальную геологическую съемку расположенного около лагеря Кунаревского свинцово-цинкового месторождения, закончить поверхностную разведку и опробование рудных тел.

— Постарайтесь завершить все к концу сентября, до первого снега,— сказал он и, вспомнив о моей просьбе принять участие в поисковых работах, добавил: — Тогда у нас еще будет время сделать вместе несколько маршрутов в верховья Ясашной и Судара.

На другой день В. А. Титов уехал в свой отряд продолжать съемку и поиски, а я приступил к своим обязанностям прораба-геолога.

Надо признаться, на первых порах мне было очень трудно. Дисциплина среди рабочих была плохая, нормы выработки не выполнялись, работа долго не ладилась.

Моей опорой стали промывальщик Матвей Васильевич Куданенко — тихий, всегда спокойный и не в меру молчаливый мужчина лет сорока, и по-крестьянски трудолюбивые и исполнительные старички Солобоев и Теплинский.

Трудным и особенно неуживчивым в партии считался Филенко, по прозвищу Штырь. Он, будучи физически сильнее других, любил командовать и нередко, отстаивая свое привилегированное положение, обрушивал на проявившего непокорность поток отборной брани, а то и свои увесистые кулаки.

«А что, если назначить Филенко бригадиром горнорабочих, официально тем самым подтвердив его «руководящее» положение в бригаде?» — подумал я. И это решение оказалось удачным. Рабочие перестали оспаривать его власть над ними, а тот, почувствовав ответственность руководителя, стал более сдержанным. Постепенно жизнь вошла в нормальную колею, и к возвращению начальника партии мы уже выполнили полученное задание.

Как и договаривались, Владимир Алексеевич взял меня в свой отряд, где я под его непосредственным руководством проделал в верховьях реки Судар несколько самостоятельных маршрутов.

Вот там-то и произошла моя долгожданная первая встреча с медведем...

Жизнь геолога, из года в год проводящего много времени в походах по необжитым местам — по горам и таежным тропам, всегда полна неожиданностей, но если геолог к тому же еще в душе своей охотник и никогда не расстается в маршрутах с ружьем, то в его жизни много места и для интересных приключений.

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что именно эта

сторона повседневной жизни и нелегкой работы в поле в какой-то мере сглаживает трудности нашей профессии и доставляет иной раз не меньше радости, чем открытие нового месторождения. Мне не раз доводилось потом испытывать и то и другое, и я с равным удовольствием вспоминаю сейчас как о трудовых свершениях, так и о попутных охотничьих приключениях. Охота никогда не была для меня простым развлечением. Ею приходилось заниматься чаще всего по необходимости. Ведь геологи и сейчас нередко существуют в поле «на подножном корму» — сами добывают себе продовольствие. А в те годы, о которых говорится здесь, охота была для нас зачастую единственным средством существования. Вдали от населенных мест люди на Севере тогда встречались чрезвычайно редко, зато диким животным было раздолье. Сейчас человек проник в самые отдаленные и в самые труднодоступные места. Повсюду на Северо-Востоке страны появились новые города и поселки — вписалось в ландшафт стальное кружево опор высоковольтных линий электропередач, пролегли через тайгу и тундру автомобильные дороги. Вертолеты и вездеходы вошли в повседневную жизнь северян, днем и ночью они вдоль и поперек бороздят небо и утюжат землю, разрывая тишину мощным ревом моторов, распугивая и разгоняя диких животных. Не так-то часто встречаются теперь и медведи. Да и стали они умнее и гораздо осторожнее. Но тогда...

В этот запомнившийся мне маршрут мы отправились вдвоем — я и съемщик-топограф Иванчиков. В мои обязанности входило вести геологические наблюдения и документировать обнажения горных пород, а Иванчиков должен был производить глазомерную топографическую съемку местности и помогать мне отбирать и документировать образцы. Мы шли с ним, как полагается, вместе. Рюкзак Иванчикова был в начале маршрута совсем пустой, и, чтобы мне было удобнее орудовать геологиче-

ским молотком и горным компасом, я попросил его нести ружье. Мы уже приближались к гребню невысокого перевала, что между истоками Сеймчана и Ясашной, когда вошли в густые заросли стланика — так называется карликовая разновидность кедра, растущего пышными невысокими кустами. В зимнее время ветви этого кедра под тяжестью снега пригибаются к земле (стелются) и почти полностью скрываются под сугробами. Отсюда и происходит название «стланик» — стелющийся.

Здесь нам стали часто попадаться «следы» медведя: то разгрызанные кедровые шишки, то свеженадломленные ветви кустов. А кое-где примятый ягель и характерные отпечатки огромных лап зверя. При виде свежих медвежьих следов мое сердце усиленно забилось. Но работу нельзя было прерывать, и мы спешили к очередному обнажению горных пород, чтобы успеть выполнить намеченную на день программу. На одном из обнажений мой спутник немного замешкался. Я не стал его ждать и пошел один, договорившись встретиться около видневшегося вблизи скалистого уступа.

Скала оказалась сложенной известняками, в которых было множество окаменевших ракушек. Я увлекся сбором окаменевшей фауны и совсем перестал думать о медведе.

В разгар работы какое-то странное беспокойство заставило меня обернуться, и, взглянув вниз, я увидел совсем близко... огромного медведя. От неожиданности почему-то сразу присел. Сижу и смотрю на него. А он лежит себе, вытянув морду на передние лапы. После первого шока сознание заработало с лихорадочной быстротой. Я вспомнил о ружье. Но его при мне не оказалось... Что же делать? Убеждаюсь, что медведь никакой враждебности по отношению ко мне не проявляет. Вот он поворачивает голову в мою сторону и долго смотрит на меня в упор. Потом медленно приподнимает зад и низко прогибает спину в ленивом потягивании. Встает. Поворачивается ко мне боком и продолжает смотреть на меня вполоборота.

Я же сижу на камне, не шевелюсь и не свожу с него глаз.

Медведю, наверное, начинает надоедать игра в переглядки. И он делает шаг-другой, потом неожиданно совершает резкий скачок в сторону и галопом улепетывает вниз по склону.

Тут проходит мое оцепенение, и я разряжаюсь залихватским разбойничьим свистом. Медведя как будто кто подстегнул кнутом. Он помчался с невообразимой для такого огромного, тучного животного быстротой, издавая в такт галопу тяжелые хриплые вздохи...

Вместе с подоспевшим Иванчиковым мы спустились к тому месту, где лежал удравший медведь, и вот что там увидели.

На довольно большой площади склона, поросшего в этом месте карликовой полярной березкой и кустиками голубики, виднелось множество развороченных сурочьих нор и чернели выкопанные медведем глубокие траншеи.

— Вот это поработал Мишутка,— сказал Иванчиков, оглядывая горы вывернутой земли.— Такого бы работягу к нам на канавы.

Он имел в виду разведочные канавы, которые проводились на Кунаревском полиметаллическом месторождении и где дела у нас долго шли не совсем успешно.

Легко было догадаться, для чего здесь трудился Топтыгин. Он лакомился нежным и жирным мясом сурка.

Вот так произошла моя долгожданная первая встреча с хозяином колымской тайги. И хотя я ждал этой встречи и от самой Москвы готовился к ней, она оказалась для меня неожиданной. При мне не было ни ружья, ни фотоаппарата. Мы мирно разошлись, и только какая-то слабость в коленях да сильное сердцебиение на несколько минут продлили «радость» первой встречи. Но эта встреча

с медведем развеяла в моем сознании миф о бесстрашии и свирепости его лесных собратьев.

Потом у меня были и другие встречи на таежных тропах. Но эта — первая, а все первое особенно впечатляет и остается в памяти на всю жизнь.

В напряженной работе незаметно пролетело короткое колымское лето — полевой сезон был на исходе. Мы стали подводить итоги и собираться в обратный путь. Приводились в порядок дневники, упаковывались коллекции, на топографические карты наносились последние штрихи и условные значки, отмечавшие выходы на поверхность и условия залегания различных горных пород, места взятия поисковых проб и содержание в них ценных минералов.

В первый мой полевой сезон Владимиру Алексеевичу и всем нам не очень повезло — в районе не оказалось крупных месторождений. Зато геологическое строение района было чрезвычайно интересным, и это полностью оправдывало наш труд.

В то время в партии В. А. Титова работала молоденькая девушка геолог Наталья Иннокентьевна Кондакова. На вид она была очень худенькая, хрупкая, но в работе Наталья Иннокентьевна не делала никаких скидок на свою слабость и молодость.

Я тогда только прибыл в партию, и мой вклад в результаты работ был довольно скромен. В основном все было сделано Владимиром Алексеевичем Титовым и его помощницей Натальей Иннокентьевной. Это они вдвоем с Владимиром Алексеевичем исходили вдоль и поперек рабочими маршрутами огромную территорию труднодоступной горной тайги. Это им долгие месяцы приходилось жить в маленькой палатке, нередко спать на холодной земле, мокнуть под дождем, страдать от гнуса. Не всякому мужчине под силу такие перегрузки, а что же говорить о молоденькой девушке. Но нужно отдать должное

Н. И. Кондаковой, которая мужественно переносила все невзгоды и неудобства кочевой жизни...

В конце сентября, когда земля покрылась снегом, наша партия отправилась в обратный путь.

Больше месяца добирались мы до Оротукана. Сначала пешком и верхом на лошадях до Нижнего Сеймчана, затем на санях по замерзшей Колыме до Среднекана и от Среднекана уже на автомашинах в канун ноябрьских торжеств прибыли в Оротукан.

Особенно трудным был начальный отрезок пути — от места работ до Нижнего Сеймчана. Хотя и установилась зима, но реки еще не успели покрыться ледяным панцирем, и их довольно часто приходилось преодолевать вброд. Но если учесть, что вода в этих реках ледяная даже летом, то в зимнее время она, конечно, не представляла никакого удовольствия для купания. В добавок ко всему в пути у меня обострился радикулит. Однажды меня так скрутило, что мы вынуждены были сделать непредвиденную остановку. Сообща решили, что мне необходимо попариться в бане. Но где взять эту баню в тайге? Оказывается организовать парную совсем несложно, были бы дрова и крупные камни.

За дело взялись наши рабочие старички Солодоев и Теплинский. Они разгребли глубокий снег, натаскали на очищенное место крупных валунов и булыжников, завалили кучу камней валежником и развели большой костер. Когда дрова прогорели, золу и угли смели и поставили над горячими камнями палатку. Баня и парная были готовы. Оставалось только нагреть на костре немного воды и наломать веток стланика для подстилки и веника.

Солодоев и Теплинский первыми вошли в палатку. Они плеснули на горячие камни немного воды, и палатка моментально раздулась, как дирижабль, от наполнившего ее пара. Баня удалась на славу. Моя лечебная процедура

была завершена порцией коньяка, бутылку которого на всякий случай припас Владимир Алексеевич. Утром следующего дня я уже смог передвигаться на собственных ногах, и наш зимний караван продолжил свой путь.

Недавно я встретился с Владимиром Алексеевичем в Магадане, и он напомнил мне, что при возвращении с полевых работ мы тогда надолго задержались в Нижнем Сеймчане. Жили на молочнотоварной ферме Дальстроя, где проводились опыты по акклиматизации на Колыме памирских яков. Эти выносливые и неприхотливые животные так и не смогли тогда прижиться на Севере. Но в 1938 году их только еще завезли, и мы успели полакомиться жирным молоком яков. Яки на Колыме! Необычный, но весьма показательный факт, свидетельствующий об огромной заботе советского правительства о людях, живущих и работающих в трудных специфических условиях Крайнего Севера.

В Оротукан мы возвратились самыми последними из всех полевиков.

Партии И. Н. Зубрева, П. Н. Спиридонова, В. Т. Матвеенко, Б. А. Сняткова, Е. П. Тараканова и других оротуканских геологов были уже здесь. Сезон оказался удачным. Руководители почти всех партий докладывали об открытии новых месторождений олова, золота и других ценных металлов.

Скоро отчет о результатах полевых работ Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партии был составлен, и Владимир Алексеевич уехал в отпуск на «материк». В камеральный период для меня подходящей работы в Оротукане, по-видимому, не нашлось, и главный геолог управления Г. А. Кечек снова предложил мне поехать на зиму поработать старшим геологом на прииск «Майорыч». Пришлось на этот раз согласиться, только при условии, что весной меня с прииска отзовут и опять направят в поле.

ПРИОБЩЕНИЕ К ЗОЛОТУ

Прииск «Майорыч» находился на левом берегу Колымы, недалеко от впадения в нее реки Оротукан. На прииске разрабатывались три участка: «Майорыч», «Бичуннах» и «Три медведя», называвшихся так по имени речушек, впадающих в Колыму. Участок «Майорыч» считался основным, здесь и размещалось управление. Золота добывалось не слишком много, потому прииск был маленький, но хозяйство его раскинулось на большой площади, что создавало значительные неудобства в работе.

Я прибыл сюда в канун нового года, когда массовую промывку золотоносных песков давно уже завершили, но прииск не выполнил годового плана и промывка песков должна была производиться на утепленных зимних промывочных приборах, впервые внедрявшихся тогда в Дальстрое. Одновременно здесь уже полным ходом велись работы по вскрыше торфов и подземной добыче песков для обеспечения плана золотодобычи следующего года.

Через несколько дней после моего приезда начальника прииска сняли за развал работы. Его заменил главный инженер Гаськов, а на место последнего прибыл молодой и энергичный Леонид Михайлович Абрамов, хорошо зарекомендовавший себя на прииске «Утиный», где он возглавлял коллектив комсомольско-молодежного участка. По долгу службы мне больше всего приходилось общаться с Абрамовым и с главным маркшейдером Черновым. Они чем-то даже походили друг на друга. Оба высокие, подвижные, энергичные. Оперативность, смелость в решении постоянно возникавших технических и хозяйствен-

ных вопросов, хорошая осведомленность о состоянии всех дел, умение руководить людьми — вот их главные достоинства. Такие люди составляли тогда основной костяк руководящих работников на местах, были золотым фондом дальстроевских кадров.

Обязанности старших геологов на приисках не сложны, но весьма ответственны. Когда идет зимняя вскрыша торфов и добыча песков или производится летняя промывка золота, геологу надо всюду успеть, чтобы своевременно пополнить планы эксплуатационных полей данными оперативного контрольного опробования и предотвратить тем самым потери золота с вывозимой в отвалы пустой породой. Надо было также следить за тем, чтобы в карьерах не осталось излишка пустых пород, что могло привести к резкому снижению содержания золота в промываемой породе.

На прииске, кроме того, производились разведочные работы по оконтуриванию площадей с промышленным содержанием золота и по поискам золотых россыпей в верховьях рек и в долинах небольших боковых притоков. Зима — горячий сезон на разведке россыпей, ибо летом невозможно проходить шурфы в насыщенных водой речных отложениях. Поэтому дел у приискового геолога не только летом, но и зимой много, и я метался по участкам, не замечая, как быстро летит время. К тому же меня избрали председателем приискового комитета профсоюза и в состав бюро комсомольской организации, так что и вечера были заняты общественной работой.

Раньше я никогда не бывал на приисках, и мне было интересно познакомиться с тем, как добывается золото из вечномерзлых грунтов в короткое колымское лето, когда за каких-то три-четыре месяца лихорадочной работы успевают промыть огромное количество оттаявшей золотоносной породы и выполнить в столь короткий срок всю годовую программу добычи ценного металла.

В конце тридцатых годов золото добывалось на приисках Колымы в основном вручную и с помощью простых механических устройств. Технология была самой примитивной. В зимнее время вели вскрышу торфов, то есть освобождали золотоносные пески от прикрывающей их пустой мерзлой породы. В небольших паровых котлах — бойлерах разжигали дрова, которые заготавливали здесь же, на склонах сопок. От котлов тянулись длинные резиновые шланги — паропроводы к поинтам — пустотелым стальным штангам. Нагнетаемым паром вытаивали в мерзлом грунте узкие каналы — шпуры.

Дровами «на пожог» оттаивали мерзлую землю и при проходке разведочных шурфов. Вот почему рядом с приисками торчали на склонах сопок высокие пни.

Пробуренные шпуры заряжали аммонитом и взрывали. Взорванную породу грузили вручную в деревянные короба, которые по ледяным дорожкам подтаскивали к подвижному «бесконечному» стальному тросу. Короб, зацепленный специальным крюком за трос, отправляли на отвал. Вся механизация состояла из лебедок, тянувших стальной трос и поднимавших короба на отвал.

Летом, когда оттаивали золотоносные пески, их аналогичным путем отгружали на промывочные приборы, только вместо коробов использовали деревянные тачки.

Промывочные приборы представляли собой длинные, наклонно поставленные деревянные желоба, к которым вода подавалась самотеком по высоким водозаводным эстакадам. Для улавливания золота дно промывочных желобов устилалось грубыми ковриками, а на них укладывались деревянные решетки. Решетки застилались стальными листами с отверстиями, так называемыми трафаретами. По трафаретам скатывалась крупная галька и валуны, а золотоносный песок через отверстия в листах беспрепятственно попадал на дно желоба промывочного прибора, где и оседали зерна тяжелого металла.

Издали такие промывочные приборы выглядели довольно эффектно — они напоминали огромные кружевные пирамиды, сооруженные из причудливо переплетенных между собой жердей, бревен и досок.

Здесь, на прииске «Майорыч», я впервые увидел не монетное и не обработанное ювелирами, а природное золото. От эксплуатационного опробования подготавливаемых к промывке площадей и от опробования разведочных шурфов за неделю у меня накапливалось иной раз до килограмма тяжелых желтоватых крупинок золота самой разнообразной формы, чаще пластинчатых, покрытых сверху «рубашкой» — красноватым налетом окислов марганца и железа. Иногда попадались довольно крупные золотины — «тараканы», как мы их называли, реже — небольшие ноздреватые и невзрачные на вид самородки причудливой формы весом до двадцати — пятидесяти граммов. А весной, когда пески оттаивали и легко осыпались с крутых уступов карьеров, можно было наблюдать, как вместе с пылью и мелкой дресвой то тут, то там мелькали падающие в котлован небольшие золотинки. Летом же после дождя можно было видеть золото в забое карьера прямо под ногами. Отмытые от глины золотинки и мелкие самородки иной раз матово мерцали в грязи, как звезды на фоне темного неба.

Золото — ценнейший металл. И давалось оно с большим трудом. Зачастую данные разведочных работ не подтверждались при разработке россыпей. Чаще всего золота оказывалось гораздо больше, чем предполагалось по разведочным данным. Этим определялся высокий коэффициент намыва золота при промывке россыпей. Но были случаи расхождения разведочных и эксплуатационных данных, когда количество добытого золота оказывалось меньше по сравнению с разведанными запасами.

Такая ситуация крайне неприятна для всех, но особенно для старшего геолога.

Чтобы как-то выйти из этого затруднительного положения, приходилось еще затемно бежать на отстающий участок. Обычно давалось указание о промывке песков из другого, более богатого места. На следующий день все обходилось благополучно. Золота намывали больше, чем намечалось по суточному плану. Но через два-три дня все опять повторялось. Такие бесконечные встряски быстро измотали нервы, и я проклинал себя за то, что согласился поехать на прииск.

К счастью, Василий Ефимович Роженцев — главный геолог Оротуканского РайГРУ, организованного к тому времени вместо ГРО Южного горнопромышленного управления, сдержал свое слово. В марте я получил вызов в Оротукан и больше на прииск не возвратился.

Но, несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться здесь, на прииске, я получил для себя и много полезного. Познакомился с работой золотодобывающего предприятия и с золотом, о котором до этого почти ничего не знал, набрался жизненного опыта и научился коечему у старых «золотарей», особенно у Л. М. Абрамова — к нему я проникся особой симпатией и уважением.

Опыт и знания, приобретенные на прииске, потом мне очень пригодились и помогли правильно подойти к оценке проявлений золотоносности на Чукотке. Но об этом несколько позднее.

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

К югу от поселка Оротукан — в те годы административного центра Южного горнопромышленного управления Дальстроя — открывалась взору ничем не примечательная, типичная для этих мест панорама: речка, за реч-

кой гравийная дорога — Колымская трасса, за дорогой тянулись склоны невысоких сопок, покрытых кустами стланика, между которыми сиротливо торчали высокие пни от срубленных лиственниц и чахлые деревца. За этими сопками, в десяти-пятнадцати километрах от поселка, протекала небольшая речушка Загадка. В долине ее еще совсем недавно был прииск, славившийся крупным и богатым золотом. Но золото здесь быстро вычерпали, и к началу 1939 года прииск был уже закрыт. На месте разработок чернели котлованы развороченной земли да кое-где виднелись кучи перемытой речной гальки. Россыпь была полностью отработана — «вывершена», как говорят золотодобытчики. Это значит, что разработки золотоносной струи закончились там, где начиналась россыпь. Но ведь россыпь берет свое начало от коренного месторождения, и, следовательно, геологи вправе предполагать, что найти здесь золотую руду — первоисточник россыпного золота, теперь совсем нетрудно. С этой целью весной тридцать девятого года и направили в бассейн Загадки небольшую геологоразведочную партию, возглавить которую доверили мне.

Время было уже позднее для полевиков. Все дальние геологические партии выехали к месту работ еще зимой — по санному пути. Но наша партия считалась самой близкой. Вот ее и организовали весной.

Узнав о своем назначении, прежде всего решаю подобрать себе хороших помощников. Прорабом-геологом ко мне в партию назначили спокойного и трудолюбивого Леонида Михайловича Попова. Небольшого роста, плотно сложенный, всегда приятно улыбающийся, Леонид Михайлович внешне мало чем походил на собрата по профессии. Носил он очки, длинные волосы, отличался молчаливостью и задумчивостью. Попов недавно прибыл с «материка», поэтому опыта у него почти не было, но любую работу он исполнял не спеша и очень аккуратно.

Прорабом-поисковиком я пригласил к себе в партию приглянувшегося мне комсомольца Петю Чепского, одессита, весельчака и балагура, большого любителя танцев. Страсть к танцам у него была настолько сильна, что в воскресные дни после напряженной рабочей недели он пешком уходил в Оротукан, чтобы потанцевать там со знакомыми девчатами. Ему было лет двадцать пять. Высокий, очень подвижной и энергичный, Петя скоро стал всеобщим любимцем в партии. Как все одесситы, он был влюблен в море и еще юношей ходил матросом на небольших кораблях. Затем так же страстно Петр Чепский полюбил нашу нелегкую профессию и навсегда связал свою судьбу с геологией. Впоследствии мы с ним еще много лет работали вместе.

Двумя другими моими помощниками стали коллекторы Федя Боев и Спиридон Решетников. Федя только что демобилизовался из рядов Советской Армии. До армии он жил и работал в родном сибирском селе. Как и все сибиряки, отличался хладнокровием, рассудительностью и молчаливостью, в работе показал себя очень выносливым и трудолюбивым человеком. Феде также полюбилась наша профессия. Он потом окончил курсы коллекторов, прорабов, геологов и остался работать на Колыме.

Спиридон Решетников попал ко мне в партию по «протекции». За него просили Миша Краснов и Володя Фейгин — наши комсомольские вожаки. Он был еще совсем мальчуганом, не достигшим совершеннолетия. Спиридон бросил в Иркутске отчий дом и отправился искать счастья на Север. Не имея определенной специальности, он в то же время не отказывался ни от какой работы. Больше всего ему приходилось заниматься канцелярскими и бухгалтерскими делами. Был экспедитором. Длинный, худощавый, со светлым пушком над верхней губой, с ярким румянцем на щеках и копной вьющихся соломенного цвета волос, угловатый и застенчивый, он

выглядел среди нас, как молодой тополек среди кряжистых кедров.

Геологическая профессия ему также пришлась по душе, и Спиридон, давно уже ставший Спиридоном Петровичем, по сей день работает на Севере, в заполярном Ботагае, и непременно к каждому празднику я получаю от него поздравительные открытки или теплые письма.

Мне особенно приятно вспоминать про этих троих молодых людей, ибо считаю их своими учениками и счастлив, что мне первому довелось приобщить их к нашей профессии.

1939 год оказался трудным для Дальстроя. В разгар промывочного сезона с Охотского моря вторгся в воздушные пространства Колымы небывалой силы циклон. Днем и ночью не переставая лил дождь. Реки переполнились мутными водами, и даже небольшие речушки моментально превратились в бушующие горные потоки. Размыло дороги, снесло мосты, на приисках затянуло грязью и песком подготовленные к промывке золотоносные полигоны. Словом, обрушилось настоящее стихийное бедствие.

В те трудные дни многие жители проявили мужество и смелость в борьбе с разбушевавшейся стихией.

Особенно запомнился мне случай на переправе через Колыму. Над могучей таежной рекой возвышался уникальный автодорожный мост, сооруженный целиком из дерева. Мост этот связывал прииски крупнейшего Северного горнопромышленного управления с базами снабжения, морским портом, Магаданом. Если бы при наводнении снесло этот мост — быть большой беде в Дальстрое.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Казалось, опоры моста вот-вот всплывут, деревянные фермы разорвутся и рухнут в пенящийся поток.

К месту события, как к самому ответственному участку сражения со стихией, прибыли руководители Дальстроя. Они не растерялись перед грозившей катастрофой и приняли очень смелое решение. На скрипящий и сотрясающийся от напора воды мост загнали вереницу тяжело нагруженных автомашин — придавили ими всплывающий мост к опорам. Риск был колоссальный. Но мост выдержал, не рухнул. Так людям удалось предотвратить катастрофу.

В те дни и нам пришлось вступить в борьбу со стихией. Свой лагерь мы разбили на высоком берегу небольшой речушки Загадки, недалеко от ее русла. Речушка спокойно перекатывала свои зеркальные струи через валуны и гальки почти пересохшего ручья. Развесистые лиственницы, среди которых раскинулись наши палатки, надежно укрывали нас от дождя и ветра, и мы, ничего не опасаясь, спокойно спали в ту ночь.

И вдруг меня разбудил отчаянный крик Пети:

— Полундра! Река смывает берег! Сейчас пойдем на дно!

Я выглянул из палатки и с ужасом увидел почти у самого входа неистово бушующий горный поток. Когда-то безобидный ручей грозил теперь все смести на своем пути. Проносились с корнем вывороченные стволы деревьев, с грохотом перекатывались огромные валуны... Казалось, еще мгновение — и берег вместе с палаткой обрушится в этот грозный поток. Надо было немедленно перебираться подальше от берега. В лагере объявили аврал. Под проливным дождем и сильным ветром мы перетащили все имущество и переставили палатки подальше от реки. Но тревожное состояние не покидало нас еще в течение нескольких ночей, пока бушевала стихия.

В тот год Дальстрой впервые не выполнил план по добыче золота. И это понятно. Ведь чтобы добыть в два-три летних месяца промывочного сезона нужное количество металла, на приисках в течение долгих восьми-девя-

ти месяцев вскрывают торфа и добывают пески — сооружают осушительные и водозаводные канавы — готовятся к промывке. Все это оказалось уничтоженным стихией. План невозможно было «вытянуть» никакими силами. Не спасла тогда и массовая зимняя промывка, впервые организованная на Колыме. Не помогло и «обезличивание» — конфискация золота из геологических коллекций. Сдали и мы свою уникальную коллекцию золота, хранившуюся в минералогическом кабинете в Оротукане. На небольших подушечках из черного бархата покоились чудесные произведения природы — золотинки из разных месторождений, различной формы и окраски самородки, золото в сростках с другими минералами. Но и это, повторяю, не могло спасти план, ибо стихийное бедствие в тот год обрушилось на огромную территорию, подведомственную Дальстрою.

В сезон тридцать девятого года не обошлось в нашей партии и без приключений.

Однажды, возвращаясь из маршрута и уже выйдя на тропу, которая вела прямо в наш лагерь, я увидел лежащий на земле матрасный чехол с прочными самодельными лямками из мешковины, до половины наполненный сухарями. Из стоящего рядом пня торчал остро отточенный топор. Хозяина этих вещей поблизости не оказалось.

Меня удивила и озадачила эта находка. Я хорошо помнил, что, когда проходил утром, на этом месте ничего не было. Прихватив с собой найденные вещи, я поспешил в лагерь. Сразу же начались поиски непрошеного гостя. А он не заставил себя долго ждать. Из кустов появился огромный бородатый детина.

— Ваша взяла,— сказал он мрачно и пояснил свою добровольную сдачу словами: — Если бы не забрали у меня сидор и топор, то я еще погулял бы на воле.

Так, благодаря случайности удалось избежать больших неприятностей, которые собирался принести нам

этот матерый бандит, каких вблизи золотых приисков в те годы бродило немало.

Другим памятным событием здесь для меня стала первая охота на медведя.

Собираясь в поле, я был разочарован тем, что район работ нашей партии на этот раз находился в самой обжитой части бассейна Колымы. Вдоль восточной и южной границ проходила оживленная автомобильная дорога, по которой летом днем и ночью носились сотни тяжелых грузовиков. Со всех сторон наш район окружали прииски и поселки. Тайга сохранилась от порубок лишь кое-где. Ясно, что такие места медведи должны были давно покинуть, и об охоте на них в бассейне Загадки не приходилось и мечтать. Встречалось только много куропаток, рябчиков, глухарей. А на склонах высокой горы Юкагир, в самой южной части нашего района, на водоразделе Оротукана с Нерегой, мне довелось однажды повстречать даже стадо снежных баранов. Поэтому я не разлучался со своей одностволкой. В маршруты ходили вдвоем с Федей Боевым. Он вел глазомерную топографическую съемку и помогал мне при описании обнажений — заполнял этикетки и упаковывал образцы.

Однажды в конце рабочего дня, продолжительность которого в белые ночи у нас была непостоянной — от десяти до шестнадцати часов в сутки,— мы, уставшие и тяжело нагруженные «камнями», как неуважительно называл Федя собранные образцы горных пород, возвращались в лагерь. До него оставалось уже совсем близко — надо было только подняться на водораздел и спуститься в другую долину. Решили идти параллельными маршрутами — он по одному строгу водораздельной гряды, а я по другому, предполагая почти одновременно прибыть в лагерь.

Утомленный долгим и тяжелым переходом, я с большим трудом поднимался в гору. От усталости и сознания

скорого окончания пути внимание и наблюдательность притупляются. В таких случаях как-то само собой получается, что ноги выбирают самый легкий путь — звериную тропу, оголенную почву, ровные склоны, плоский водораздел. Вот и на этот раз я с облегчением вздохнул и невольно ускорил шаги, когда вышел на старое лесное пожарище. Стланик здесь почти весь выгорел, и земля была голой и черной.

На пепелище тянул легкий ветерок и почти не было комаров — можно было идти без накомарника, легко вдыхая свежий прохладный воздух.

Настроение было хорошее. Я шел, не думая о делах, полностью отключившись от всяких забот. Лямки тяжелого рюкзака за день изрядно нарезали плечи, и, чтобы немного облегчить боль, я подложил под ремни свой геологический молоток, поместив его длинный черенок так, чтобы тяжесть рюкзака равномерно распределилась на грудную клетку.

На пепелище встречалось много спелой брусники, и я подсознательно отметил, что такие места любит посещать лакомка-медведь. Так, не думая ни о чем, выбирая поровнее путь и обходя стороной черные пни, я медленно поднимался в гору. Внезапно что-то темное и огромное метнулось рядом со мной из-под обгорелых ветвей стланика, обдав меня облаком черной угольной пыли. Медведь! — мгновенно сообразил я и схватился за ремни, чтобы быстрее сорвать с плеча ружье. Но это оказалось не так-то просто.

Дело в том, что я был буквально навьючен своими обычными геологическими доспехами. Кроме рюкзака и ружья на мне висели фотоаппарат, бинокль, анероид-высотомер и полевая сумка. Многочисленные ремни от этой утвари переплелись у меня на груди, и в спешке я в них запутался. Когда в конце концов ружье все же оказалось у меня в руках, медведь был уже далеко.

В лагерь я прибыл очень поздно, в состоянии сильного возбуждения и почти до утра оживленно рассказывал о том, что со мной произошло.

На другой день я почему-то был уверен, что опять повстречаюсь с медведем. Поэтому мы с Федей договорились быть теперь особенно внимательными, в пути не шуметь и далеко не отходить друг от друга.

В этот маршрут мы решили не брать с собой ничего лишнего. В дополнение к обычной экипировке захватили только большой кухонный нож на тот случай, если понадобится снимать со зверя шкуру.

Отправились мы с Федей по водоразделу, потому что с него лучше просматривались все ложбинки и склоны.

Закончив описание очередного обнажения горных пород, я стал внимательно осматривать в бинокль ближайшие окрестности в надежде увидеть зверя. И вот наконец-то я его заметил.

На широкой поляне на склоне глубокого распадка среди поваленных бурей лиственниц спокойно разгуливал хозяин тайги, выискивая что-то в низкорослом кустарнике.

— Федя! Кончай работу! Будем охотиться,— сказал я негромко своему спутнику и передал ему бинокль.

Зверь находился далеко. Он нас не видел и не слышал. Было безветрие. Я, как заправский зверобой, облизал указательный палец и поднял его кверху. Слабая прохлада почувствовалась на пальце с одной стороны, и это безошибочно подсказало, что к зверю надо подходить с противоположного направления. Мы присели на камни и стали договариваться, как дальше действовать. У нас на двоих одно ружье, одностволка, его я беру с собой. А Феде даю кухонный нож и пару патронов.

— Ты пойдешь сзади, шагах в пяти, и, если медведь подомнет меня, хватай ружье и добивай его этими патронами,— говорю я Феде, и он соглашается с моим планом.

Оставив все лишнее на водоразделе, мы стали заходить к зверю с подветренной стороны.

Медведь, занятый своим делом, не замечал нас, и мы подошли к нему совсем близко. Подаю Феде знак, чтобы он шел еще осторожнее и не отставал далеко от меня. Приподнимаюсь чуть повыше и вижу стоящего в сорока — пятидесяти шагах от меня большого медведя, который внимательно наблюдает за нами. Теперь все. Надо стрелять. Прицеливаюсь, но соображаю, что стрелять рано. Слишком мала цель, надо, чтобы зверь повернулся боком. А медведь словно окаменел,— стоит и не шелохнется. У меня от напряжения мышц уже начинает ходить ходуном ствол ружья.

Гремит выстрел... И — о чудо! — вижу, зверь ткнулся головой в землю, но тут его заволокло пороховым дымом.

— Готов! — кричу я Феде и ликующе оглядываюсь на своего спутника. Он стоит в нескольких шагах сзади меня с зажатым в руке столовым ножом, бледен, но не испуган.

Тут я снова оборачиваюсь в сторону медведя и вижу: прямо на меня несется раненый зверь с явно недобрыми намерениями.

Молниеносно перезаряжаю ружье и успеваю сделать еще один выстрел. Медведь в двух шагах от меня шарахается в сторону и скрывается в густых зарослях ольхи. Мы с Федей осторожно обходим кусты — следов нигде не видно. Значит, залег в кустах. Что делать? Шутить с раненым медведем нельзя, поэтому заходить в густые заросли, где притаился хищник, мы не рискнули.

Время шло, а медведь не появлялся. Благоразумие все же взяло верх, и мы с Федей благородно ретировались. Ни о какой работе в этот день, конечно, не могли и думать. Только когда прошло нервное напряжение, наперебой стали упрекать себя за неоправданный риск и глупую храбрость. Однако благоразумие не долго сдерживало

меня, и я снова испытывал свою судьбу. И если я пишу обо всем этом теперь — значит, мне сопутствовала удача.

Наши поиски рудного золота в бассейне Загадки не увенчались успехом. Никаких признаков оруденения мы не обнаружили, хотя тщательнейшим образом и очень детально опробовали все склоны в ближайших окрестностях былого прииска. Единственное, что нам удалось установить: в том месте, где начиналась россыпь, коренные породы (сланцы) содержали много крупных кристаллов пирита, в котором последующими анализами было определено высокое содержание золота. Мы пришли к выводу, что золото могло поступать в россыпь только из пирита и, следовательно, крупные золотины должны были образовываться уже в самой россыпи. Словом, Загадка так и осталась для нас загадкой. Она не разгадана и до настоящего времени.

Когда мы возвратились в Оротукан, я узнал, что на Чукотке тоже создано Районное геологоразведочное управление Дальстроя и что начальником нового РайГРУ назначен уже знакомый мне геолог из Оротукана Иван Николаевич Зубрев. Я сразу же выразил желание поехать на Чукотку, на тот дальний Север, о котором так много мечтал еще в юные годы.

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧУКОТКИ

Чукотка вплоть до тридцатых — сороковых годов нашего века обозначалась на картах большим белым пятном. Сравнительно изучена к тому времени была лишь узкая полоска земли, примыкающая к морскому побережью Чукотского полуострова.

Многие русские исследователи давно мечтали об организации регулярного судоходства по северным морям, о сквозном плавании из портов европейского Севера — Мурманска и Архангельска в порты Дальнего Востока — Петропавловск-Камчатский, Владивосток и другие.

Освоение Северного морского пути, превращение его в постоянно действующую магистраль сулило колоссальные выгоды. Достаточно сказать, что путь кораблей, следующих из Архангельска или Ленинграда во Владивосток, должен был сократиться более чем вдвое по сравнению с плаванием южными морями через Суэцкий канал. Важно и то, что Северный морской путь — это внутренний путь, к которому примыкают в транспортно-экономическом отношении огромные территории Севера СССР, обладающие колоссальными и разнообразными природными ресурсами.

Долгое время полярные льды препятствовали претворению в жизнь исконной мечты русских мореплавателей.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России по декрету, подписанному в 1918 году В. И. Лениным, началось планомерное наступление мореплавателей и ученых на полярные льды. Страна предоставила им все самое необходимое — новые мощные ледоколы, экспедиционные суда, авиацию. В Арктике была создана разветвленная сеть постоянно действующих метеорологических станций.

Успех пришел в 1932 году, когда по заданию правительства экспедиция Арктического института на ледоколе «Сибиряков» впервые совершила сквозное плавание по Северному морскому пути за одну навигацию.

В декабре 1932 года было создано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), в задачу которого входило проложить окончательно Северный морской путь и превратить его в регулярно действующую мощную транспортную артерию.

В связи с поставленной задачей Арктический институт развернул широкие экспедиционные работы по изучению природных ресурсов прибрежных территорий вдоль Северного морского пути и на островах арктического бассейна. Вместе с полярниками рука об руку шли и геологи.

В 1932—1933 годах на Чукотке проводила аэрогеологические исследования так называемая Летная экспедиция известного ученого геолога С. В. Обручева, доставившая первые интересные сведения о признаках оловоносности Певекского полуострова.

В 1933 году на полярной станции мыса Шмидта зимовали геологи В. И. Серпухов и Д. Ф. Байков. В невероятно трудных условиях они впервые охватили геологическими исследованиями огромную территорию к юго-западу от мыса Шмидта. В результате было открыто месторождение богатых оловянных руд. Пробы и образцы руд, привезенные в Ленинград, показали очень высокое содержание в них олова. И хотя впоследствии открытое ими месторождение из-за неточности глазомерных географических карт того времени так и не было найдено, легенда о богатейших оловянных «Точках Серпухова» привлекла пристальное внимание геологов к этому району. Ведь олово — это станки, автомобили, самолеты, поезда, книгопечатание, электроника. Без него не могут обойтись ни химическая, ни пищевая промышленность. А у нас в стране тогда своего олова практически еще не было. Капиталистические страны, проводившие политику «сдерживания коммунизма», грозились вообще прекратить нам поставки этого дефицитного металла.

Приступив к освоению Северного морского пути, Арктический институт в 1934 году направил на Чукотку сразу несколько хорошо снаряженных геологических экспедиций. Три из них, возглавляемые опытными геологами А. П. Никольским, М. И. Рабкиным и А. В. Андриановым, проводили детальные геологические исследования и пои-

ски полезных ископаемых в восточной части Чукотского полуострова, непосредственно примыкающей к Берингову проливу, а три других, под руководством С. В. Обручева, В. Г. Дитмара и В. А. Вакара, изучали геологическое строение обширной территории между устьем Колымы и мысом Биллингса.

Все экспедиции 1934 года возвратились в Ленинград с интересными данными, но на востоке Чукотки месторождения олова или золота не были обнаружены, сходство с геологией золотой Аляски, расположенной по другую сторону Берингова пролива, тоже не подтвердилось, и выводы А. П. Никольского, М. И. Рабкина и А. В. Андрианова о перспективности изученной территории были в общем отрицательными. Эта точка зрения в отношении золота впоследствии была распространена чукотскими геологами А. В. Андриановым и М. И. Рохлиным и на Чаунский район, что на несколько лет отодвинуло время открытия там золота.

Более интересные данные, несмотря на предварительный, рекогносцировочный характер исследований, были получены С. В. Обручевым и В. А. Вакаром. В. А. Вакар первым дал положительную оценку золотоносности рек бассейна правых притоков Колымы — Большого и Малого Анюев.

Особую ценность представляли результаты С. В. Обручева. Во многих образцах кварцево-турмалиновых пород и в поисковых пробах, взятых на Певекском полуострове, при детальном изучении в Ленинграде был обнаружен оловянный камень — черный тяжелый минерал — касситерит. Сразу отпали все сомнения. Олово на Чукотке есть! Его надо искать. И вот в 1936 году Арктический институт снаряжает на поиски олова большую Чаунскую экспедицию, в задачу которой входило разведать месторождения олова, открытые С. В. Обручевым на Певекском полуострове, и произвести поиски других месторождений на восточном берегу Чаунской губы. Возглавил экспедицию геолог Николай Ильич Сафронов, его помощниками были М. И. Рохлин и М. Л. Молдавский.

Разведочные работы, проведенные экспедицией Н. И. Сафронова на Певекском полуострове, подтвердили промышленную ценность открытого С. В. Обручевым месторождения оловянных руд, которое было названо Валькумейским, а поисковые работы М. Л. Молдавского в бассейне реки Куйвивеем привели к открытию первых оловянных россыпей. Осенью 1937 года Первая Чаунская экспедиция возвратилась в Ленинград и привезла с собой неопровержимые данные о промышленной оловоносности Певекского полуострова и прилегающих к нему районов.

Для продолжения разведочных работ на Валькумейском месторождении и развертывания поисковых работ в ближайших от него районах в 1937 году на смену Первой Чаунской экспедиции была направлена из Ленинграда Вторая.

В состав Второй Чаунской экспедиции вошли геологи Г. Л. Вазбуцкий, В. П. Подольский, А. В. Андрианов, Я. С. Зубрилин, В. И. Малиновский, Н. И. Тихомиров, геофизик А. П. Соловов. Экспедиция обследовала огромную площадь и установила широкое распространение оловянной минерализации. Чаунский район превращался в перспективный оловоносный район, обещающий в недалеком будущем стать основной сырьевой базой развивающейся оловодобывающей промышленности на Северо-Востоке страны.

Особенно интересными оказались открытые В. И. Малиновским россыпные месторождения олова в долине реки Пыркакай и в других притоках реки Млелювеем. Дело в том, что россыпные месторождения не требуют больших затрат на организацию приисков, и взять из них олово быстрее и легче.

В 1938 году Арктический институт организует Третью Чаунскую экспедицию для продолжения разведки оловянных месторождений. Летом, когда Третья Чаунская экспедиция находилась в пути, решением правительства все геологические работы на Чукотке были переданы Дальстрою.

Прибывшие в Певек геологи Арктического института, среди которых был молодой ученый, доцент Ленинградского горного института, кандидат геолого-минералогических наук Борис Никонович Ерофеев, составили основной костяк только что организованного Чаун-Чукотского районного геологоразведочного управления Дальстроя.

Летом следующего года экспедицией Б. Н. Ерофеева были найдены первые коренные месторождения олова в бассейне реки Пыркакай: «Первоначальное», «Нагорное», «Незаметное» — и подтверждена промышленная ценность ранее открытых в этом районе россыпей.

Одновременно в бассейне реки Куйвивеем геолог Б. С. Анденсон открыл новые рудные и россыпные месторождения олова. Продолжались поисковые разведочные работы на Валькумее, которыми руководили геологи В. П. Подольский, Н. С. Лычкин, А. П. Соловов.

В конце 1939 года была начата детальная промышленная разведка пыркакайских россыпей. Осенью почти все геологи бывшей Третьей Чаунской экспедиции Арктического института возвратились в Ленинград. На смену уехавшим весной 1940 года в Певек стало прибывать пополнение геологов с Колымы.

Вот как писал об этом геолог М. И. Рохлин в своей книге «Чукотское олово»:

«В августе 1939 года руководство Дальстроя приняло решение начать геологическую съемку, поиски и разведку оловянных месторождений на громадной территории — от реки Колымы на западе до Берингова пролива на востоке, от побережья полярных морей на севере до рек Анюя

и Анадыря на юге. С этой целью было организовано Чаун-Чукотское районное геологоразведочное управление.

Четкая организационная структура нового предприятия, мощные материальные ресурсы Дальстроя и умелый подбор кадров — все это решило успех дела.

Главным, конечно, были люди — целый отряд прибывших на Чукотку в 1939 году полярных энтузиастов, готовых преодолеть любые трудности, знающих и любящих свое дело, многие из которых уже немало поработали в суровых условиях Крайнего Севера. Теперь они были полны желания продолжить начатое наступление на Чукотку и завершить освоение крупных минеральных богатств этого дальнего заполярного края.

Начальником нового геологоразведочного управления был назначен молодой геолог — коммунист И. Н. Зубрев...» И далее: «...кроме Зубрева, на смену геологам экспедиции Б. Н. Ерофеева в Певек прибыли геологи-колымчане М. Н. Злобин, А. П. Коптев, Г. Б. Жилинский. Вместе с ними приехали опытные горные мастера, бурильщики, проходчики, механики.

Это был опытный народ. Они смело брались за дело, шли в тайгу, в тундру, в долины неизвестных ключей и распадков, к подножью безлюдных сопок, чтобы поставить там первую палатку, вбить в мерзлую землю первый колышек, где потом вырастали прииски и поселки. Они научились бороться с суровой природой колымского Севера и побеждать ее...»

Вот, пожалуй, и все, что было для меня историей в освоении месторождений Чаунского района, ибо, начиная с этого времени, я сам стал участником событий, ставших теперь тоже историческими.

Конечно, аналогичные события почти одновременно происходили и на востоке Чукотского полуострова, где также работали геологические экспедиции Арктического института и тоже были открыты месторождения олова —

Иультинское и другие. Но это уже ближе ко второму периоду моей работы на Чукотке, который, возможно, я еще когда-нибудь опишу. В этой же книге речь идет только о первом — чаунском периоде, который приходится на 1940—1946 годы, когда только начиналось мое «золотое» чукотское десятилетие.

ТАК ВОТ ТЫ КАКАЯ, ЧУКОТКА!

Когда я узнал, что нужны геологи на Чукотку, тотчас попросил направить меня в Певек. Ответа из Магадана не пришлось долго ждать. Неделю спустя пришла телеграмма от начальника геологической службы Дальстроя Валентина Александровича Цареградского — моя просьба была удовлетворена. И вот в апреле 1940 года мы с женой прощаемся с обжитой Ларюковой (Усть-Таежная), где размещалось Оротуканское РайГРУ.

Визит в Магадан оказался весьма кстати: мы воспользовались им, чтобы юридически оформить в местном загсе наше бракосочетание, которое было отмечено полгода назад лишь комсомольской свадьбой.

Тяжело нагруженный, просторный, как железнодорожный вагон, списанный с вооружения четырехмоторный бомбардировщик ТБ-3 с трудом оторвался от наутюженного до блеска катками и лыжами снежного поля и взял курс на север. Тонкая гофрированная, как стиральная доска, металлическая обшивка крыльев и фюзеляжа у нашего военного ветерана пробита во многих местах. Мороз и ветер беспрепятственно проникают во все углы темного металлического чрева самолета. Никаких окон, зато между центропланом и фюзеляжем зияет широкая

щель, через которую можно сколько угодно любоваться панорамой заснеженной колымской тайги, проплывающей под широченными самолетными лыжами.

Человек десять пассажиров, среди которых были геологи Р. Даутов, К. Пузик, А. Коптев и А. Курилик, разместились между большими связками стального троса, толстыми мотками бикфордова шнура, пучками буровой стали, ящиками с какой-то техникой. Всем на дорогу выданы спальные мешки, меховые сапоги и кухлянки, но и они не могли спасти от пронизывающего холода. Так и дрожали мы среди обилия мехов и металла до самых Крестов Колымских, где нас ждал промежуточный аэродром.

Недалеко от того места, где мы приземлились, проходит край леса — кончается тайга и начинается тундра.

На высоком правом берегу реки Колымы приютились небольшие хибарки, торчат чахлые приземистые, искореженные ветрами лиственницы — жалкая карикатура на своих стройных и рослых колымских сестер.

Окоченевшие и посиневшие от холода, мы все же долго не заходили в помещение. День выдался тихий и ясный — всем хотелось вдоволь насмотреться на окружающий мир. Как-никак это была уже Арктика! Северный полярный круг мы оставили в трехстах километрах южнее.

Опытный глаз геолога сразу отметил неподалеку береговой обрыв, где выходили на поверхность древние горные породы. Синевато-серое плотное кристаллическое образование было иссечено вдоль и поперек извилистыми тонкими прожилками кальцита и разбито трещинами на остроугольные глыбы. Мы бурно заспорили — что это такое? И оказалось — большинство из нас видели такую породу впервые. Это были спилиты — продукты древних подводных вулканических излияний. Так еще в пути Чукотка начала нам задавать свои первые загадки.

Мы спешили. Самолет уже заправлен горючим, все готовы к посадке. Но не тут-то было! Чукотка — не Колы-

ма. Это поняли мы сразу. У нас в Крестах стояла чудесная погода, а Певек не принимал. Там внезапно подул сильный ветер — «южак». Никто не мог сказать, когда он перестанет, и мы все настроились на длительный отдых.

Не прочь были передохнуть и пилоты. Они, вероятно, промерзли не меньше нас, пассажиров, и как только было объявлено об отмене вылета, сразу же стали усердно отогреваться принятием внутрь изрядных доз чистого спирта.

Но на следующее утро нас вдруг подняли чуть свет — летим! Оказывается, «южак» стих, и надо успеть проскочить в Певек, пока ветер снова не задул. К тому же в Крестах погода стала ухудшаться, и это не сулило ничего хорошего.

Все бы ничего, но вот наши пилоты... По всему было видно, что вчерашний хмель еще не выветрился из их буйных головушек. Но в те времена на Севере медицинского контроля за здоровьем пилотов, вероятно, еще не существовало. И, опасливо косясь в сторону пилотской кабины, мы молча быстро погрузились в наш «летающий вагон».

К счастью, все обошлось благополучно. И через два часа, показавшиеся целой вечностью, в канун Первого мая мы — в Певеке.

Певек в то время был маленьким поселком. Управление размещалось в фанерном домике, а все приезжающие в ожидании настоящего жилья подолгу жили в большой брезентовой палатке.

Однако признаки нового уже видны были повсюду. Дети местных жителей, чукчей, учились в хорошей просторной школе-интернате. Больница, рабочая столовая, новые жилые дома выглядели вполне добротно, основательно. Повсюду шло строительство.

Но одну землянку, оставшуюся еще от первых поселений, старожилы свято берегли и обязательно показывали всем приезжим. В этой приземистой, невзрачной хибарке с единственным подслеповатым оконцем, что стояла у самого берега моря, жил когда-то первый секретарь первого Чаунского райкома партии Наум Филиппович Пугачев. Вместе с ним жили его жена Екатерина Дмитриевна, трое маленьких сыновей и престарелый отец. Сам Наум Филиппович, отлично знавший чукотский язык и умевший управлять собачьей упряжкой, месяцами кочевал из одного стойбища в другое, организовывал колхозы, фактории, открывал школы, медпункты, разъяснял местной бедноте политику нашей партии. «...Мне по году не платили зарплату, — писал он впоследствии,— сам строил себе жилье, собирал на берегу топливо, замерзал в тундре и тонул в море. Но трудности меня не победили, победил я их».

Мне посчастливилось поближе познакомиться с этим замечательным человеком, когда в 1941 году избрали меня секретарем комсомольской организации управления Чаун-Чукотского горнопромышленного комбината. Последовательно, принципиально Пугачев боролся за то, чтобы каждый коммунист и комсомолец, на каком бы участке он ни работал, вкладывал в свое дело всю душу, был активным, целеустремленным.

— Нам нечего делить,— говорил он.— У нас одно общее дело, одна задача. Перед партией мы в одинаковом ответе за все.

Надо ли срочно разгрузить корабль в порту, строить автомобильную дорогу, помочь прииску вытянуть план, Пугачев всегда первым шел на самый трудный участок. И его примеру следовали другие.

В кипучей напряженной работе Наум Филиппович никогда не щадил самого себя. Но тяжелая болезнь слишком рано подорвала его здоровье. 27 июля 1942 года на 37-м году жизни перестало биться сердце этого замеча-

тельного человека, оставившего неизгладимый след в памяти знавших его людей. И лучший памятник ему — полярный город Певек с его новыми светлыми домами, заводами, электростанциями, с большим океанским портом.

Нас, только что прилетевших, поместили в большой двадцатиместной палатке, что стояла на голой галечной косе рядом с фанерным домиком, в котором размещались все службы Управления. В центре палатки жаром пылала круглая печка, сделанная из железной бочки из-под горючего. На ней в кастрюлях и жестянках из-под консервов варилась пища. Над ней сушилась мокрая одежда. Рядом возвышались целые штабеля валенок, меховых унтов и кирзовых сапог, густо смазанных тюленьим жиром, победно перебивавшим все прочие запахи. Вдоль стен двумя рядами теснились железные кровати, кое-где разделенные временными перегородками, роль которых выполняли куски старого брезента. За перегородками жили семейные.

Вечером, когда собирались все обитатели транзитки, как мы называли свою палатку, становилось тесно, шумно и весело. Кого здесь только не было! Геолог из Средней Азии, топограф из Центральной России, тракторист с Украины, шлифовальщик из Ленинграда, моряк с Балтики, учитель с Урала, врач из Москвы. Чукотке нужны были люди буквально всех профессий.

Долго в транзитке никто не задерживался. С первой оказией люди ехали в глубь тундры, туда, где начиналось строительство новых приисков и рудников. Но для нас, геологов-поисковиков, Певек стал единственным постоянным домом. Куда бы ни уводили нас беспокойные пути-дороги, мы отныне будем всегда возвращаться сюда.

Весна сорокового года оказалась очень трудной для молодого коллектива Чаун-Чукотского РайГРУ. Предстояло резко расширить поисковые работы, организовать ускоренную разведку уже выявленных месторождений,

развернуть строительство, наладить быт. Не так-то это просто, когда каждый гвоздь, каждую банку консервов надо привезти издалека, за тысячи километров.

Начальник управления Иван Николаевич Зубрев встретил меня как старого знакомого. Он решил поручить мне самую далекую и самую трудную Еропольскую геологорекогносцировочную партию, которой предстояло впервые провести геологическую съемку и поиски золота на территории обширного «белого пятна» в верховьях реки Анадырь.

Местные жители рассказывали, что в верховьях Анадыря старатели тайно добывали золото и где-то, по слухам, в бассейнах рек Яблон и Еропол должны быть богатые золотоносные участки.

Сборы наши к выезду в поле были недолгими, но очень напряженными. Что уж лукавить — пугали огромные расстояния, с которыми приходится иметь дело на Чукотке, озадачивали трудности работы на «белых пятнах». Нам предстояло очень долго жить вдали от людей, без всякой связи с внешним миром. Надо было брать с собой все необходимое, не забыть ни одной мелочи, которая потом вдруг могла вырасти в неразрешимую проблему. Трудно было с подбором людей, особенно рабочих.

Все эти вопросы требовалось решать быстро, так как время не ждало — надвигалась весенняя распутица. На Чукотке тогда не было ни дорог, ни вездеходов, ни вертолетов, поэтому все необходимое забрасывалось еще зимой на собаках, тракторами или самолетами. Работа партий начиналась с продолжительной «весновки», то есть с ожидания, когда сойдет снег, закончится весенняя распутица и можно будет выходить в маршруты.

Осенью, после окончания полевых работ, надо было добираться до ближайшего населенного пункта пешком, вынося на себе все снаряжение, материалы, образцы горных пород и поисковые пробы.

Большей части геологических партий в сороковом году предстояло искать месторождения олова вблизи Певека. Но необходимо было смотреть и в будущее — выяснять перспективы других районов. Поэтому несколько геологических партий направлялись в дальние и совсем еще не изученные районы, где, по слухам или отрывочным данным, имелись предпосылки найти месторождения олова или золота.

К концу апреля наша поисковая партия, получившая название Еропольской, была полностью сформирована. В ее состав кроме меня вошли прораб-геолог Константин Александрович Пузик, топограф Георгий Николаевич Лапин, промывальщик Феликс Томасович Чеховский и рабочий Нургали Садвокасов. Только Чеховский был среди нас преклонного возраста, остальные — молодежь. Поэтому Еропольская партия была названа комсомольско-молодежной, и это ко многому обязывало.

Отныне мы долгие месяцы будем работать вместе, жить одной семьей, делить поровну все радости и невзгоды. И, забегая вперед, хочется сказать — испытание на прочность, выносливость, верность в дружбе с честью выдержали все.

Феликса Томасовича Чеховского, поляка по национальности, еще в дореволюционное время нужда привела в Сибирь. Долго работал он здесь старателем, исходил в поисках «фарта» с лотком в руках все Забайкалье, Алдан, Лену. Потом забрел на Колыму, так здесь и остался. Феликс Томасович был одинок. Его домом, как он сам говорил, была тайга, а семьей — геологическая партия. Не очень легко в его шестьдесят семь лет вести бродячий образ жизни, но спокойная оседлая жизнь ему претила, и он из года в год откладывал свое возвращение на «материк».

У Чеховского были кудрявые, тронутые сединой, огненно-рыжие волосы, и жители Севера, никогда не видевшие

такой шевелюры, обычно при первой встрече удивленно восклицали: «Симбир лисица!» — совсем как лисица.

Наш топограф Георгий Николаевич Лапин родился на Зее в семье потомственного золотопромышленника. Еще ребенком приехал он с родителями на Колыму. Впоследствии, самостоятельно освоив геодезию, маркшейдерское и чертежное дело, он стал хорошим специалистом. По характеру это был добрый и покладистый человек. К тому же он до нашего приезда целый год прожил в Певеке — как-никак имел полярный стаж по сравнению с нами, новичками в Арктике.

Мой непосредственный помощник Константин Александрович Пузик выделялся среди остальных массивной фигурой тяжелоатлета, большой кудлатой головой и манерой витиевато излагать свои мысли. Он только что окончил Киевский университет и потому при каждом удобном случае старался показать свою ученость. Эта черта впоследствии отразилась и на работе: в его полевых записях было много общих фраз и заумных рассуждений и очень мало конкретного описания фактического материала.

Немножко замкнутый, малоподвижный и обидчивый, Костя Пузик в общем-то оказался покладистым парнем, и работать с ним можно было.

Единственным рабочим, отправившимся с нами из Певека, был мой земляк казах Нургали Садвокасов. Тихий и скромный, в работе он показал себя очень выносливым и, что называется, мастером на все руки.

Весна в том году наступала катастрофически быстро, а мы все еще не могли вылететь — не было самолетов. Потому первомайские праздники отмечали в Певеке. На площади около школы состоялась демонстрация. В ней участвовало около двухсот человек — почти все население Певека, и самой многочисленной была, конечно, колонна РайГРУ.

На праздник из ближайших стойбищ приехали чукчи, одетые в свои традиционные меховые костюмы. Они с детской непосредственностью и любопытством наблюдали за всем, что происходило в торжественно разукрашенном Певеке. Такого скопления людей в одном месте они, жители снежных пустынь, еще никогда не видели.

Но для нас, сотрудников только что организованной Еропольской геологорекогносцировочной партии, и праздник был не в праздник. Давно уже собрано и уложено все, а уехать не можем...

От Певека до Еропола по прямой не более шестисот километров, но добраться туда можно было только окружным путем: через мысы Биллингса и Шмидта, населенные пункты Анадырь и Марково, проделав путь около полутора тысяч километров. На Чукотке в то время самолеты летали только от случая к случаю. Полярные летчики на своих хрупких У-2, одномоторных Р-5 и на двухмоторных ТБ-1 творили чудеса — садились в любом месте, перевозили любой груз, пробивались сквозь пургу и метели.

Каждый день из Певека в Анадырь летели тревожные радиограммы: «Ждем самолеты», «Шлите самолеты», «Когда будут самолеты?».

Наконец где-то в середине мая они прилетели, и мы, погрузившись в Р-5 и ТБ-1, отправились в путь.

Единственное, что меня тогда угнетало и тревожило, так это судьба моей жены, которая оставалась в Певеке и ждала ребенка. Жить с грудным ребенком на Севере в палатке молодой женщине, даже и не очень привередливой в смысле комфорта, не так-то просто. К тому же в Певеке у нас не было ни родных, ни знакомых. А просить для себя каких-то особых удобств мы просто стеснялись.

И вот, когда все уже было уложено и готово в дорогу, ко мне подходит Иван Николаевич Зубрев.

— Работай спокойно и о семье не тревожься. Когда надо будет, все сделаем, что нужно.

Я еще раз убедился, что у этого человека слово не расходится с делом. Вскоре после моего отъезда геологи потеснились и выделили моей жене комнату, а их жены взяли шефство над молодой матерью и нашим сыном Ростиславом.

И потом мне не раз доводилось убеждаться, что чем трудней условия, тем ярче проявляются в людях лучшие, благороднейшие черты характера.

Погоду во время нашего полета только с большой натяжкой можно было назвать летной. Дважды нам пришлось пережидать пургу: на мысе Биллингса и на мысе Шмидта.

Этот перелет на ТБ-1 из Певека в Анадырь запомнился мне на всю жизнь.

Снятый с вооружения как «морально устаревший», двухмоторный бомбардировщик конструкции знаменитого А. Н. Туполева, перейдя «на гражданку», не претерпел никаких изменений. Единственное, что было сделано, чтобы приспособить ТБ-1 к полетам в Арктике,— перекрасили в яркий оранжево-красный цвет его фюзеляж, крылья и хвостовые оперения. Но наш второй самолет Р-5 не удостоился даже и этого.

Я занял место в «Моссельпроме» — так летчики в шутку называли открытую сверху, застекленную со всех сторон небольшую кабину, помещавшуюся в самом носу самолета.

«Моссельпром», по замыслу конструктора, предназначался для воздушного стрелка, потому отсюда был отличный обзор. И я не преминул воспользоваться этим.

Наш маршрут пролегал по историческим местам, от одних названий которых голова шла кругом: остров Шалаурова, мыс Шалаурова Изба, губа Нольде, мыс Биллингса, мыс Шмидта, Коса Двух пилотов... Какое созвез-

дие имен. Сколько замечательных свершений, человеческих подвигов и трагедий связано с ними!

Остров Шалаурова и мыс Шалаурова Изба названы в память об отважном русском купце и мореходе Никите Шалаурове — одном из первых исследователей побережья Северного Ледовитого океана между устьем Лены и Чаунской губой.

Шалауров с небольшой дружиной предприимчивых купцов и промышленников совершил в 1760—1762 годах беспримерный по трудности переход на утлых лодчонках от Якутского острога к устью Лены и далее морем до Колымы. В 1762 году он двинулся дальше на восток, достиг Чаунской губы и составил первые карты морского побережья этой части Чукотки.

В 1764 году Шалауров вновь отправился в трудное плавание, намереваясь пройти морем далее на восток, но где-то в районе острова, впоследствии названного его именем, судно было раздавлено льдами. Через несколько лет чукчи нашли на берегу избу, сделанную из обломков досок и рваных парусов, а в ней — обглоданные песцами человеческие кости...

В названии мыса Биллингса увековечено имя русского морского офицера, который в 1792 году проделал беспримерный переход на собаках и оленях от Берингова пролива до Чаунской губы, завершив описание морских берегов далекого Северо-Востока России.

Еще совсем недавно названия здешних мест не сходили с первых страниц газет всего земного шара. Это было в 1934 году, когда мир с тревогой и надеждой следил за спасением отважных полярников, высадившихся на ледяные торосы Чукотского моря с раздавленного льдами «Челюскина».

Именно с челюскинской эпопеей связано учреждение почетного звания Героя Советского Союза. Первыми были удостоены этой награды летчики М. В. Водопьянов,

И. С. Доронин, Н. Т. Каманин, С. А. Леваневский, А. В. Ляпидевский, В. С. Молоков и М. Т. Слепнев, снявшие людей с дрейфующей льдины.

Первая остановка в пути — на мысе Биллингса. Здесь мы переждали непогоду в небольшом ветхом строении, именуемом школой, но ни учителей, ни школьников в ней не оказалось. Учителя, как и все чукчи-оленеводы, вели кочевой образ жизни и находились со своими учениками где-то в тундре.

Школа на мысе Биллингса была построена из обломков шхуны «Нанук» американского предпринимателя и торговца Свенсона. В 1930 году шхуна села на мель у этих берегов, и ее разбил свирепый шторм. Стены школы изнутри были обиты зеленым матрасным тиком, а мебель состояла из всевозможной корабельной утвари. Местные старожилы рассказывали нам, что море нет-нет да и выбросит на берег свенсовское добро — тюк мануфактуры либо ящик с разными безделушками, которыми запасался предприимчивый коммерсант для обмена на ценную пушнину.

С этой историей связана еще одна трагедия в Арктике. Чтобы не опоздать на пушной аукцион и предотвратить тем самым дополнительные убытки, Свенсон вызвал по радио самолеты из Америки. Награбленную им пушнину вывозили летчики Эльсон и Борланд. Однажды, пролетая над узкой, вытянутой почти на сто километров галечной косой между мысом Шмидта и устьем Амгуэмы, летчики попали в пургу и разбились. С тех пор и стали называть это место косой Двух пилотов.

Скоро погода улучшилась, и мы благополучно добрались до легендарного мыса Шмидта. Здесь был административный центр полярников Восточного сектора Арктики. Несколько деревянных домиков, большой самолетный ангар, двухэтажный дом для пилотов и полдюжины разбросанных больших упаковочных ящиков из-под са-

молетов — вот, пожалуй, и все запомнившееся мне «хозяйство Конкина», так в Певеке уважительно называли центральную базу Чукотского авиаотряда Главсевморпути.

Порядки на базе авиаторов, по традиции Главсевморпути, были морскими. Все служебные помещения и предметы назывались по-корабельному: камбуз, каюта, кают-компания.

Нам особенно понравилась кают-компания. Большая светлая комната, со вкусом обставленная удобной мебелью, создавала домашний уют. Находясь в ней, мы совершенно забывали, что дом наш далеко-далеко и что за окном бушует чукотская бесснежная вьюга.

На мысе Шмидта, как и в Певеке, и на Биллингсе, и везде на северном побережье Чукотки, была идеальная чистота. Весь мусор, бумагу, консервные банки и даже пустые бочки из-под горючего ураганные ветры сносили в море, к ближайшим торосам.

В Певеке торосы — явление редкое. Обычно Певекский залив, отгороженный от открытого моря островом Большой Раутан, покрывается ровным ледяным панцирем. Приливы и отливы в Восточно-Сибирском море почти не ощущаются, морских течений в заливе нет, и потому не происходит образования торосов. Ураганные ветры сдувают с северных склонов гор Певек и Янра-Паак и с галечной косы, на которой раскинулся поселок, весь снег, песок и даже мелкие камешки. Все это сносится в бухту, и в иной год песок так отполировывает лед, что поверхность его становится зеркально гладкой. И если бы не соль, вымораживаемая из морской воды, то в Певеке в иной год можно было бы иметь отличный каток длиною около пяти километров.

С мыса Шмидта мы вылетели лишь спустя много дней. Летим вдоль косы Двух пилотов до устья Амгуэмы — самой большой реки Восточной Чукотки, которая пересекает почти весь полуостров. Самолеты круто разворачивают вправо и берут курс на юг. Примерно через полтора-два часа впереди показалась высокая горная гряда. Это Анадырский хребет — главный водораздел чукотских рек. Самолеты набрали высоту, а я воспользовался отличной видимостью, чтобы щелкнуть несколько раз своим ФЭДом. Горы Анадырского хребта с высоты птичьего полета изумительно красивы. Их остроконечные вершины, глубокие ущелья и ледниковые отроги напоминают типичный альпийский рельеф.

Самолеты, надсадно гудя моторами, медленно перевалили через Анадырский хребет и вместе с ним оставили позади тот условный пунктир, которым на географических картах обозначается Северный полярный круг. Мы перешагнули из Арктики в Субарктику.

Вскоре двигатели прекратили свой надрывный вой, мы поняли, что идем на снижение. Внизу замелькали холмы, разделенные широкими пространствами тундры, появились посиневшие озера, проталины, и вот мы уже над Анадырским лиманом, вернее — над тем его местом, где смыкаются заливы Онемен и Канчалан.

В этом беспосадочном перелете мы преодолели около семисот километров и передвинулись на юг более чем на семь градусов широты, причем наш полет проходил вдоль стовосьмидесятого меридиана, по которому, как известно, здесь пролегает условная граница между Восточным и Западным полушариями Земли.

Не слишком ли много географических курьезов за каких-то два часа? Но такова Чукотка. Расстояния здесь измеряются не километрами, а днями: два дня пути, четыре дня пути, неделя.

Вот и мы уже вторую неделю в пути. До Марково и Еропола по здешним понятиям совсем близко, «каких-то» пятьсот километров, а мы добирались туда почти три месяца.

Анадырь расположен гораздо южнее Певека и мыса Шмидта. Здесь уже властвовала весна. Лед на лимане посинел, покрылся лужами и проталинами. Самолеты садились, вздымая лыжами фонтаны брызг. Никакие уговоры лететь дальше, в Марково, не действовали на пилотов и начальника Чукотского авиаотряда Главсевморпути Е. М. Конкина — зимняя навигация закончилась. Самолеты должны сегодня же возвратиться на мыс Шмидта, где им предстояло сменить лыжи на поплавки и превратиться в гидропланы.

Вот так оказались мы «на мели» и стали в буквальном смысле «ждать у моря погоды» — начала летней навигации по реке. Положение наше было довольно тяжелое. Короткое чукотское лето быстро вступало в свои права, а до района работ все еще оставалось много сот километров. Было отчего прийти в отчаяние.

Пришлось раскинуть свой лагерь прямо на берегу залива, рядом со штабелями пустых железных бочек из-под горючего, и коротать безрадостные дни в ожидании начала летней навигации.

Окружной центр Анадырь располагался на противоположном берегу залива. Переходить через залив по льду уже не разрешалось, и местные власти строго следили за тем, чтобы никто этого постановления не нарушал. Но мы все же сумели до вскрытия залива сходить разок в окружной центр, чтобы представиться местным руководителям и попросить помочь нам добраться в район работ. Нас заверили, что с первым же караваном барж мы будем отправлены вверх по Анадырю до Марково или Крепости.

Сам Анадырь запомнился мне скопищем небольших избушек, тесно прижавшихся к узкой песчаной косе. С косы на высокий тундровый левый берег был переброшен через небольшую речушку ветхий деревянный мостик, от которого шла тропинка к двум-трем сравнительно

большим деревянным домам, занятым школой и учреждениями. Никакой планировки улиц как таковых здесь не было, если не считать одну широкую магистраль, протянувшуюся вдоль узкой песчаной косы.

Это теперь Анадырь — город, а тогда он был просто очень маленьким и тихим поселком, оживавшим лишь с началом путины, когда сюда на рыбоконсервный завод приезжало много сезонных рабочих.

А пока была еще зима. Анадырь жил размеренной и спокойной, даже, пожалуй, какой-то ленивой жизнью.

Так без дела жили мы в своих палатках, как и авиаторы, у которых наступил межсезонный простойный период. Лишь местные корабелы да бондари с рыбного завода трудились в поте лица, спеша завершить подготовку бочек и лодок к летней путине. В воздухе пахло горячей смолой, паклей и древесиной.

Целыми днями бродили мы по берегу и окрестным холмам, коротали время, наблюдая за жизнью местного населения.

Однажды нам удалось увидеть, как кастрируют ездовых собак. Делалось это без ветеринарного врача и хирургических инструментов. Пожилой чукча опрокидывал на землю пса, двое помощников растягивали его за ноги, и главное действующее лицо, вооруженное перочинным ножом, быстро и ловко завершало дело. Прооперированного пса отбрасывали в сторону, и окрестности оглашались жалобным визгом и воем волчком крутившейся по земле собаки. Вскоре она успокаивалась и принималась зализывать языком кровоточащую рану. Тем временем к операции готовился очередной пес. Если не подвергать ездовых собак такой операции, их трудно приучить к работе, и каюру немало забот доставляли бы обычные собачьи схватки, во время которых вся упряжка превращается в сплошной клубок разъяренных псов.

Оживляли поселок, пожалуй, еще дети.

Интересно было наблюдать за играми чукотских ребятишек, их состязаниями в бросании бола — ловчей снасти в виде нескольких коротких ремешков с небольшими шариками из кости на концах. Этой снастью, как объяснили нам, ловят линючих гусей и даже сбивают низко летящую гагу. Но дети были заняты пока игрой, и пернатых им заменяли гимнастические кольца на школьной спортивной площадке. Они поочередно раскачивали их и на лету набрасывали снасть, которая моментально обвивалась своими ремешками вокруг колец. И это получалось у них поразительно метко и ловко. Будущие охотники, добытчики.

Чукотские дети, как и их сверстники любой другой национальности, очень любознательны. Природа наделила их незаурядной смекалкой, наблюдательностью, отличным зрением, развитым слухом и обонянием.

В Певеке я слышал много интересных рассказов из жизни чукотских ребят. У нас в РайГРУ работал прорабом-геологом Василий Большаков, который до этого учительствовал в поселке Усть-Чаун и вместе со своими подопечными много лет кочевал по тундре. Он хорошо знал чукотский язык, изучил обычаи и нравы местных жителей. Василий часто рассказывал о своей жизни в Усть-Чауне. Мне запомнился его рассказ о школьных переменах.

— Приходя в школу,— говорил Василий,— дети снимали свои меховые шапки и складывали их на стоявший в коридоре стол. Заканчивался урок, и ребятишки шумной ватагой устремлялись из класса, чтобы успеть во время перемены поиграть в снежки, покататься на льду застывшей лужи, просто побегать... Второпях они в полутемном коридоре хватали со стола набросанные кучей шапки. Подносили их к носу и снова бросали в общую кучу. В конце концов по запаху находили свою шапку и, нахлобучив ее на голову, выскакивали во двор.

Рассказывая этот эпизод, Василий каждый раз сопровождал свое повествование комментариями о необычно развитых чувствах восприятия окружающего мира у его бывших питомцев.

Дожидаться навигации пришлось долго. Лишь 17-го июля вверх по Анадырю отправился первый караван судов. С ним мы через несколько дней добрались до Крепости и на другой же день были в Марково.

Здесь было безлюдно, потому что по реке начался ход кеты и все взрослое население ушло на путину. И вообще, это поселение производило довольно унылое впечатление. На небольшом пустыре разбросаны ветхие, покосившиеся бревенчатые избушки. Никаких палисадников, заборов, надворных построек. Улиц нет, просто от одного дома к другому тянутся извилистые тропинки. И только к тем избушкам, где размещались учреждения, было больше протоптано тропинок, ничем другим от остальных они не отличались.

Нам предстоял долгий и трудный путь вверх по реке. От Марково в поселок Еропол можно было попасть только на весельных лодках — карбасах. Но ни моторок, ни простых лодок-карбасов тогда здесь не было, их должны были пригнать из Еропола. А тем временем наступил уже август...

Пришлось обратиться за содействием к секретарю марковского райкома партии, который с полным пониманием отнесся к нашей просьбе и, когда из Еропола прибыли первые лодки, помог организовать для нас караван из трех карбасов.

Тогда же к нам присоединился в качестве проводника и переводчика местный житель камчадал Фома Алин. И вскоре он оказался просто незаменимым членом нашего маленького коллектива.

В верховьях Анадыря в летнее время без вьючных оленей шагу не ступишь. А мы, геологи, которым месяца-

ми приходится кочевать с места на место, таская за собой большой груз, не имели никаких транспортных средств. Вот мы и попросили нашего проводника раздобыть оленей в эвенском колхозе. Но местные жители, с большим трудом приручавшие оленей возить поклажу, очень неохотно расстаются с такими животными. Мало того, чтобы выделить нам, допустим, двадцать оленей, приходится отряжать с ними в кочевку целое стадо в пятьдесят — семьдесят голов. Иначе ездовые олени разбегутся по тундре. «Рассыплются» — по меткому выражению Фомы Алина, — как дробь из ружья.

И вот начались долгие «дипломатические переговоры». В самой большой яранге стойбища кипятился самый большой чайник, и Фома Алин не спеша произносил речь. Вкратце изложив собравшимся все новости, Фома долго и обстоятельно рассказывал колхозникам о целях и задачах нашей экспедиции, о трудностях, на которые мы будем обречены, если местные жители не придут нам на помощь. Красноречиво и терпеливо взывал к их сознательности.

В конце концов оленей мы все же получили.

Очень интересно было слушать рассказы нашего проводника о прошлом этого края, о давних экспедициях, в которых он участвовал. Это от него мы узнали, что в бассейн Анадыря, еще до установления Советской власти на Чукотке, наведывались в погоне за золотом американские проспекторы и геологи. Фома даже запомнил, что одну из экспедиций возглавляла женщина-геолог мисс Колли.

И мы действительно не раз потом встречали в тайге старые затесы с выжженными на дереве латинскими буквами, находили заброшенные лабазы с полуистлевшими промывочными лотками американского типа, ржавые металлические коробки из-под табака «Принц Альберт» и другие следы пребывания заокеанских пришельцев.

А однажды в долине одного из притоков реки Яблон нашли даже полуистлевший человеческий череп.

Рассказы Фомы Алина о золотоискателях перестали удивлять нас, так как мы сами во многих местах встречали в речных отложениях «знаки» золота — небольшие крупинки драгоценного металла, указывающие на то, что где-то в верховьях реки могут быть найдены золотые россыпи. Но следов горных работ нигде не было.

И еще одно интересное наблюдение: все камчадалы считают себя русскими — родной язык у них русский. Но это не тот язык, на котором говорят современные люди, это язык семнадцатого века, сохранившийся здесь почти в неприкосновенности, видимо, со времен первых русских землепроходцев. Местный житель, например, не скажет: «Надо плыть по середине реки», а скажет: «Однако, паря, осередыш пойдем». Слово «однако» вообще тут пользуется большой популярностью. И как выражение одобрения, восхищения, и как вопрос, и как осуждение. Все зависит от интонации.

В поселениях камчадалов до сих пор живы старинные русские песни, обряды, традиции, сказания.

Путь от Марково до Еропола оказался нелегким. Уровень воды в реке был паводковым, высоким, течение быстрым. Преодолевая его, мы продвигались вверх по реке очень медленно. Каждый карбас, грузоподъемностью около тысячи килограммов, тянули бечевой бежавшие по берегу собаки. Но как только путь им преграждали заросли, скалы или завалы плавника, нам приходилось садиться в лодку, браться за весла и переплывать к другому берегу, где виднелись русловые отмели или коса. Лодку при этом сносило вниз по течению. К тому же у собак на перекатах и порогах часто не хватало сил справиться с быстрым течением, и тогда мы соскакивали в холодную воду и общими усилиями перетаскивали карбас через быстрину.

Медленно продвигалась наша флотилия к Ерополу, а чукотское лето подходило к концу. Только шестого августа добрались мы до места.

Еропол, хотя и довольно большое село, во многом напоминало Усть-Белую и Марково: такие же ветхие, покосившиеся бревенчатые избы с узкими темными окнами, ни улиц, ни дорог — одни тропинки. Так пусто, что казалось — в селе никто не живет. Однако большое, светлое здание новой школы, сложенное из гладко обтесанных золотистых бревен лиственницы, наглядно свидетельствовало о начале больших социальных перемен, коснувшихся и этого медвежьего уголка. Но кругом еще было много старины.

Как-то странно было видеть в центре этого села почерневшую от времени небольшую площадку, застланную досками, возле которой на высоком столбе был водружен вечевой колокол. На этой площадке проводились все общественные мероприятия, она же была местной сценой под открытым небом и танцевальной площадкой.

В трудном положении оказалась наша экспедиция — лето заканчивалось, а мы только теперь могли приступить к работе. Хорошо хоть, нам сразу же удалось обзавестись вьючными оленями, что давало возможность часто передвигать свой базовый лагерь.

Оленей помог нам арендовать Фома Алин в эвенском колхозе. Центральная усадьба колхоза была расположена на правом берегу реки Анадырь, выше впадения в нее реки Большой Пеледон,— в сорока—пятидесяти километрах от Ерополя. В этом колхозе были построены два домика, но эвены в них не жили. Они предпочитали привычные юрты, которые стояли рядом с пустующими домиками. Новая жизнь с трудом пробивала себе дорогу.

Из этого колхоза на работу к нам поступили эвены Костя и Дарья Чаин, Алексей Долганский и Гаврила Дилянский.

Костя и Дарья кочевали со своей юртой, и с ними был их шестилетний внук Иван Чаин. Старики его очень любили. Внешне эта любовь чаще всего проявлялась в том, что дедушка или бабушка угощали своего внука папиросами либо давали потянуть ему из своей вечно дымящей трубки — мальчуган был заправским курильщиком.

Кочевать приходилось часто — через каждые три-пять дней, и поэтому забот, связанных с переездами, выпасом оленей, разбивкой и свертыванием лагеря, было много. Наши рабочие — эвены хорошо справлялись с этим. Но нам, геологам, было все же очень трудно. Работу, рассчитанную на все лето, мы должны были выполнить за тридцать—сорок дней. Приходилось ежедневно трудиться по шестнадцать—восемнадцать часов и ходить в маршруты при любой погоде. В отдельные дни мы отмеряли по тайге тридцать—сорок километров.

Я всегда ходил в маршруты вместе с Георгием Николаевичем Лапиным. Он был ответственным за составление топографической карты района, а я — за документацию геологических наблюдений, но нам часто приходилось помогать друг другу в работе.

Начиная очередной маршрут, мы прежде всего определяли по компасу направление до ближайшего обнажения горных пород, которое надлежало обследовать, и после этого отсчитывали шагами расстояние до него. Даже простейших приборов — шагомеров у нас тогда не было. Зато мы так наловчились считать шаги, что могли одновременно и думать, и наблюдать, и говорить между собой. Не помню случая, когда бы мы сбились со счета. Зато помню, что, возвратившись с полевых работ в Певек, долго еще ловили себя на том, что, идя по поселку, машинально повторяем про себя: «Один, два, три, четыре...»

Проходя километр за километром, мы пристально наблюдали за сменой окружающего рельефа, грунта, со-

ставом щебня или гальки под ногами и даже за сменой растительности, которая зачастую указывает на изменение почвы, а это, в свою очередь, связано с изменением состава залегающих под ней горных пород.

Добравшись до намеченного пункта — именно добравшись, так как на пути по пересеченной таежной местности приходится то и дело преодолевать всевозможные препятствия, — достаем из рюкзака, из полевой сумки и из карманов наш несложный производственный инвентарь: компас, анероид-высотомер, записную книжку, этикетки и мешочки для образцов, карандаши, небольшой лист ватмана или миллиметровки. А геологический молоток с длинным, как у трости, черенком у меня всегда был в руке.

Георгий Николаевич устраивается поудобнее на выступе скалы или на большом камне и начинает «колдовать» над листом ватмана — наносить на него ручьи и речки, террасы, холмики и горы. Измеренные расстояния и все детали рельефа наносятся на карту в таком масштабе, чтобы карта получилась наглядной и не слишком перегруженной деталями. Мы изображали все на карте в масштабе 1 : 100 000, а потом уже — в камеральный период — уменьшали ее в пять раз, и она становилась таким образом гораздо точнее, чем если бы съемка велась сразу же в заданном масштабе 1 : 500 000.

Зарисовав пройденный отрезок пути, с каждого такого пункта производили засечку характерных вершин, устий рек и других заметных ориентиров, то есть попросту — по компасу определяли направление на эти ориентиры. В дальнейшем такие засечки делались с каждого пункта, при каждой остановке в пути. Пересечением двух-трех направлений на ориентиры определялось их точное местоположение на карте. Пользуясь методом засечек, можно было не измерять расстояний шагами, что облегчало наш труд.

Пока Георгий Николаевич был занят своим делом, я внимательно осматривал обнажения горных пород, замерял горным компасом пространственное положение пластов: азимут простирания, направление и крутизну наклона пластов, детально записывал в полевую книжку, что собой представляет данное обнажение и какими породами оно сложено, отбирал образцы для геологической коллекции и последующего изучения, документировал и упаковывал образцы с этикетками в пронумерованные мешочки. Если в обнажениях встречались окаменевшие раковины или отпечатки растений, приходилось подольше задерживаться на таком месте и тщательно собирать их. Для геолога такая находка — настоящий клад. По отпечаткам и окаменелостям потом будет определен геологический возраст отложений, без знания которого невозможно составить точное представление о строении и истории развития земной коры где бы то ни было.

Еще больше работы задают нам такие обнажения, в которых обнаруживаются признаки полезных ископаемых. Тут уж нельзя «промахнуться» — надо детально, со всеми подробностями описать все, что видишь, отобрать побольше образцов и минералов для анализа и лабораторного изучения. Рюкзак быстро тяжелеет от ценного груза, но нести его в лагерь всегда приятно, ради этого мы и живем, в этом счастье каждого геолога — найти руду, хорошее месторождение.

Закончив описание обнажения и обозначив его на составленной карте, мы опять намечаем направление к очередному, привлекшему чем-то наше внимание обнажению горных пород, и все повторяется. Так, от пункта к пункту, от обнажения к обнажению, мы исхаживаем рабочими маршрутами всю отведенную нам площадь. И на нашей маршрутной карте постепенно начинает вырисовываться сложная картина геологического строения района. Обнаруживаются слабые места и слабые звенья

в этой цепочке наблюдений. Тогда совершаем дополнительные и контрольные маршруты, прослеживаем интересные контакты, геологические границы, уточняем взаимоотношения пород. И в конечном итоге получаем все необходимое для составления хорошей геологической карты — основы основ для поисков месторождений полезных ископаемых.

Одновременно другой отряд, в который входят промывальщик и рабочий, под руководством прораба-геолога Константина Александровича Пузика ведет поиски золота, олова и других металлов так называемым шлиховым методом. В обязанность прораба-геолога входит документирование проб, выбор мест взятия их и нанесение на карту, глазомерная съемка долин. Если по берегам рек встречались выходы коренных пород, то они тоже документировались и наносились на карту.

Поиски шлиховым методом — дело несложное, но требует вдумчивого отношения к выбору места взятия проб, а это дается лишь с опытом. Можно целое лето ходить буквально по золоту, а все пробы будут пустыми, и может одна хорошо взятая проба сразу открыть богатую россыпь.

Опытные промывальщики, каким был и наш Феликс Томасович Чеховский,— настоящая находка для каждого геолога. С таким специалистом можно быть совершенно спокойным за результаты поисковых работ — он золота не пропустит, да и олово от него не ускользнет.

Лучшим местом для взятия поисковых проб на золото считаются плотик или щетка — разрушенная поверхность коренных пород, на которых залегают речные рыхлые отложения. Золото, очень тяжелый металл, в увлажненных песках и галечниках быстро опускается на самое дно долин, на так называемые подстилающие речные отложения, коренные ложа. Здесь и накапливается. Следовательно, при поисках надо брать пробы не с поверхности

речных наносов, где золота нет, а под ними. Но коренное ложе долины залегает глубоко. Однако местами русло реки размывает галечники и обнажает коренное ложе, вот такие-то места самые ценные для нас. Ну а если нет таких обнажений, тогда как? Ведь не будешь же для каждой пробы бурить глубокие скважины или пробивать в мерзлой земле шурфы. Есть и из этого положения простой выход — надо знать, как распределяются тяжелые частицы среди рыхлых галечников, глин и песков. Бесполезно, например, брать поисковые пробы из чистого, хорошо промытого галечника. Из него золото наверняка ушло в более глубокие горизонты и задержалось там, где встретило плотный слой песка или глины. Глина даже образует ложный плотик, и на ней золото накапливается как на коренном ложе. А если берега заболочены, задернованы и поросли лесом? Приходится пробу брать прямо из русла, с речной отмели или песчаной косы. Тогда опытный поисковик возьмет пробу не в хвостовой части речной косы и не перед крупным валуном, а в головке косы и за валуном, где завихрения водных струй образуют ловушку для тяжелых минералов.

Много существует еще разных писаных и неписаных правил у поисковиков, но и этого мало для полного успеха дела. Важно не только умело взять пробу, но и правильно ее промыть в лотке, чтобы удалить всю пустую породу. Только после этого в оставшейся на дне лотка щепотке различных тяжелых минералов нет-нет да и блеснет золотинка или заиграет на солнце черными зеркальными гранями кристаллик касситерита — минерала, содержащего олово.

Когда проба отмыта, ее надо просушить на костре, ссыпать в бумажный пакет, надписать номер пробы, где взята, занести в журнал, надежно запрятать в рюкзак.

Все это отлично делал сам Феликс Томасович, а черновую работу с кайлом или лопатой в руках выполнял

Нургали. Он же разводил костер для просушивания пробы, переносил немудреное полевое снаряжение и продукты для всего поискового отряда.

Вот так и трудились мы изо дня в день.

В каждом районе есть свои особенности и трудности для исследования. В Чаунском районе на Чукотке или, например, в верховьях Колымы, Индигирки или Яны геологическое строение территории несложно и однообразно — почти повсюду распространены песчаники и сланцы, кое-где как бы проткнутые гранитными массивами.

В верховьях Анадыря таких отложений почти нет, зато очень широко распространены чрезвычайно разнообразные молодые вулканические образования — всевозможные лавы, лавобрекчии, пепловые туфы, туффиты, смятые в сложные складки, разорванные тектоническими разломами и прорванные разнообразными гранитами. Геологическую съемку в таком районе производить довольно трудно.

К тому же геологи Колымы и других районов страны в начале сороковых годов уже имели в своем распоряжении не только хорошие топографические карты, но нередко и аэрофотоснимки местности. У нас же на Чукотке топографической картой был чистый лист бумаги, а об аэрофотоснимках мы могли только мечтать. И все же, забегая вперед, мне хочется сказать: после нас никто больше не проводил геологических исследований в низовьях междуречья рек Яблон и Еропол, и наши материалы вошли во все современные государственные геологические карты.

Мне было приятно слышать недавно от геолога В. Ф. Белого, который через четверть века побывал на некоторых описанных нами обнажениях, что он легко находил нужные места и удивлялся точности составленной нами карты.

Эти похвалы следует отнести прежде всего в адрес нашего топографа Георгия Николаевича Лапина, большого мастера своего дела.

Столь же специфичны были и условия проведения поисковых работ. На Колыме русла многих рек в верховьях проложены среди узких каньонов с отвесными скалистыми берегами. Коренное ложе древних долин обнажено почти на всем протяжении реки, и золотые россыпи то тут, то там выходят прямо на поверхность. Известно, например, что когда С. Д. Раковский в 1929 году открыл золотую россыпь в долине речки Утиной, то он руками собирал самородки прямо в воде.

В верховьях Анадыря, да и во многих других районах Чукотки, реки текут в широких заболоченных долинах среди песчаных и глинистых берегов. Здесь россыпи всегда залегают глубоко, и при поисках их можно легко пропустить, если не делать глубоких шурфов.

Так случилось, например, с золотыми россыпями Билибино. Еще в тридцать четвертом году их мог найти В. А. Вакар, затем в сорок первом — А. В. Андрианов, еще позднее — М. Н. Злобин, Н. И. Кикас и другие работавшие здесь геологи. Но они их не нашли лишь потому, что пробы брали с поверхности — из верхних горизонтов речных отложений, где крупного золота не может быть. Россыпи Билибинского района были открыты спустя много лет, уже во второй половине пятидесятых годов, когда геологи Д. Ф. Егоров, И. Е. Рождественский, Ф. С. Пучков, А. И. Григорьев и другие взяли несколько проб из глубоких шурфов. Они сразу же зачерпнули со дна речных долин обнадеживающие пробы.

У нас не было возможности копать глубокие шурфы, но то, что золото часто встречалось в наших пробах, воодушевляло. И впоследствии надежды эти оправдались.

Когда впервые ведешь поиски и геологическую съемку на белом пятне, то перед тобой не ставится задача

обязательно открыть месторождение. Важно выяснить особенности геологического строения обширной территории и определить, исходя из этого, какие полезные ископаемые здесь следует ожидать. Если выяснятся благоприятные предпосылки для поисков, то на следующий год в этот район направят новые геологопоисковые партии, которые более детально обследуют изученный вами район и, возможно, найдут месторождения по тем признакам, на которые вы обратите их внимание. Именно так и случилось с нами. Мы никаких месторождений не нашли, но белое пятно изучили и обнаружили признаки олова, золота и молибдена.

На следующий год была организована Анадырская экспедиция, и в верховьях Яблона и Еропола геолог Борис Авенирович Снятков нашел хорошее месторождение молибденовых руд, а еще позднее по соседству с обследуемым нами районом были найдены и промышленные золотые россыпи. Таким образом, наш труд не пропал даром.

Сейчас уже не осталось на карте нашей Родины белых пятен. Мы, геологи Чукотки тридцатых—сороковых годов, были, вероятно, последними, кому довелось испытать приятное чувство первопроходцев и первооткрывателей.

Обычно мы выходили в очередной маршрут налегке. Из снаряжения брали с собой только легкий бязевый полог — защиту от комаров и гнуса. Этот полог нам вполне заменял палатку. Даже в дождь, который на Чукотке не хлещет как из ведра, а окутывает все вокруг мокрой мглой, как ватой, мы научились не промокать в нашем бязевом пологе. Для этого не надо было только прикасаться изнутри к набухшей от сырости ткани.

Окружала нас тайга, но это великое благо мы смогли оценить потом, когда пришлось работать в тундре.

Ходили мы в маршруты от зари до зари и устраивались на ночлег там, где настигали сумерки или сваливала

с ног усталость. Обычно для ночлега выбирали голую каменистую площадку и на ней разводили большой костер. Пока кипятилась вода в чайнике и готовился походный ужин, один из нас успевал найти и вырубить четыре длинных шеста для установки полога.

После ужина золу и угли сметали в сторону и на их место набрасывали сухие ветви, ставили жерди, связанные вверху пучком, и между ними подвешивали полог. Забравшись внутрь, придавливали края полога к земле чем-либо тяжелым.

Прогретые костром камни всю ночь отдавали свое тепло, и в таком шалаше можно в любую погоду чувствовать себя как дома на печке. И хотя мы не носили с собой спальных мешков, всегда спали в тепле и за ночь хорошо восстанавливали свои силы.

Однако вся эта премудрость была постигнута не сразу. Поначалу мы устраивали ночлег на берегу реки, где много крупных валунов и галек. Чтобы было помягче, набрасывали на прогретые камни пышные ветки зеленого стланика или лиственничного лапника. Спать было и тепло, и мягко, но мы промокали насквозь от сырости, которую выделяли мокрый грунт и сохнущие сырые ветки. Потом уж сообразили — лучше забираться повыше на каменистые осыпи, на склоны гор, а под себя стелить только сухие ветки. Пусть жестковатое ложе, зато сухое.

В тот памятный год немало случалось с нами всяких забавных историй. Запомнились многочисленные встречи с медведями, сохатыми, дикими оленями, удачная охота...

Однажды во время обследования гор, расположенных в междуречье Еропола и Яблона, Георгий Николаевич остановил меня и попросил помочь отремонтировать компас, которым он пользовался при составлении глазомерной топографической карты.

— Что-то заедает стрелку — совсем не показывает на Север,— посетовал он.

Мы сняли с плеч тяжелые рюкзаки, извлекли охотничьи ножи и стали разбирать по винтикам компас. Ось, на которой вращалась намагниченная стрелка, оказалась совершенно исправной. Агатовый подшипник стрелки тоже был цел. Опять собрали компас, но стрелка не вращалась. Один ее конец прочно прилип к медному донышку коробки.

— Что за черт,— выругался Георгий Николаевич,— ничего не пойму!

И мы снова стали разбирать инструмент. Провозились порядочно, а компас так и не исправили.

Пришлось мне отдать свой компас топографу. И тут обнаружилось, что мой тоже неисправен. Теперь каждый из нас занялся капитальным ремонтом своего инструмента. Без компаса ни карты не составишь, ни залегания пород не определишь, да и заблудиться в тайге немудрено.

Долго мы возились с нашими компасами, пока догадались, что виной всему магнитная аномалия. Забрели на поле базальтов, в них много магнетита, вот и перепутались все магнитные полюсы и стрелка компаса перестала вращаться.

Как быть? Ведь съемку все же надо вести.

Выручила смекалка: стали работать методом «обратных задачек» — определяли направление не туда, куда шли, а туда, откуда пришли. Обратные азимуты замеряли с тех мест, где не было базальтов. Так постепенно, крупицами накапливался ценный опыт.

Труднее было тогда, когда и смекалка не могла выручить. Уже на пути из Марково обнаружилось, что при выезде из Певека мы в спешке забыли взять соляную кислоту — необходимый реактив для определения касситерита методом получения «оловянного зеркала». Метод простой: на цинковую пластинку помещается испытуемое зерно, смачивается каплей слабой соляной кислоты; кислота, взаимодействуя с цинком, выделяет водород; водород вступает в реакцию с зерном касситерита, которое на ваших глазах покрывается серым налетом металлического олова,— значит, испытуемое зерно — касситерит. В отличие от него другие минералы не покрываются оловянным зеркалом.

Без соляной кислоты и цинковой пластинки касситерит могут безошибочно в полевых условиях определить только опытные поисковики-оловянщики, а мы были «золотарями», опыта поисковых работ на олово не имели. Не было у нас и соляной кислоты. Пытались достать соляную кислоту в Ерополе, но там ее не оказалось.

И вот однажды, когда Феликс Томасович намыл лотком обильный шлих, состоящий из каких-то черных и темно-коричневых минералов, мы собрались на «ученый совет». Долго крутили и вертели в руках таинственные кристаллики. Нургали даже пробовал их на зуб. В конце концов решили, что это касситерит.

Касситерит в пробах стал попадаться все чаще и чаще, иногда его было очень много. Мы обрадовались — решили, что нашли месторождение олова. И когда добрались до Крепости, в Певек полетела телеграмма: «В правых притоках Ерополa есть олово».

Так до возвращения в Певек мы и не знали, что ошиблись. Единственным утешением было то, что минерал, принятый нами за касситерит, оказался рутилом — кристаллографическим аналогом оловянного камня. Даже опытные специалисты-минералоги не всегда могут их различить — до того они похожи.

В нашем деле очень большое значение имеет наблюдательность. Но ведь и она приходит только с опытом.

Как-то, пересекая водораздел, Георгий Николаевич запнулся за крупный валун. Ледниковые и речные валуны встречались повсюду, даже на водоразделах, и мы уже привыкли к ним.

— Какой черт набросал здесь эти шарики! — изрек свое любимое ругательство Георгий Николаевич, потирая ушибленную ногу.

Это восклицание заставило меня остановиться взглянуть на «шарики». Камни действительно были почти правильной шарообразной формы. Я поднял один валун и стал внимательно рассматривать совершенно невиданное ранее образование, чем-то напоминавшее испеченный из теста каравай. Мелькнуло знакомое по учебникам геологии понятие «хлебная корка», и меня осенила догадка.

— Да ведь это настоящая вулканическая бомба! — воскликнул я обрадованно.

— Какая ж это бомба! Валун обыкновенный, к тому же поганый — разбил о него палец,— буркнул Лапин.

— Нет, это очень интересная находка. Посмотрите, сколько их тут.

Расколов несколько «бомб», убеждаюсь, что все они базальтового состава. Вблизи базальтовых покровов нет. «Бомбы» лежат на поверхности водораздела, сложенного песчаниками. Значит, они заброшены сюда в недалеком геологическом прошлом.

— Георгий Николаевич, эти «бомбы» выброшены из жерла вулкана, и не так давно. Ближайшие вулканы известны только на Камчатке. Разве это неинтересно?

— Не хватало еще, чтобы на наши головы обрушился такой «град». Нет уж, избавьте меня от этой экзотики,— отвечал сердито мой спутник. По лицу его было видно, что ушибленный палец все еще ныл.

— Не волнуйтесь, Георгий Николаевич, этим «бомбам» не одна тысяча лет. Но древний вулкан где-то близко, и надо не пропустить его.

Вулкана мы так и не нашли, однако наши предположения оказались верными. Спустя двенадцать лет такой древний вулкан был обнаружен совсем недалеко от тех мест, где мы работали, в верховьях Большого

Анюя, и это открытие было оценено как одно из самых интересных.

Евгений Константинович Устиев, талантливый ученый, геолог и писатель, посвятил этому открытию увлекательную повесть «По ту сторону ночи», вышедшую в издательстве «Мысль» и впоследствии неоднократно переиздававшуюся. Я бережно храню эту книгу с теплой дарственной надписью автора.

В непогоду, когда моросил холодный осенний дождь или на землю падали «белые мухи», отдыхать было некогда. Мы приводили в порядок коллекции и пробы, ремонтировали снаряжение, дописывали дневники, производили расчеты с рабочими, стирали белье, устраивали баню — словом, дел всяких было много у каждого. Один только Фома Алин не принимал участия в общем аврале. Он любил наблюдать за нами. С интересом смотрел он, как Георгий Николаевич старательно разрисовывает карту наших маршрутов, как мы с Константином Александровичем упаковываем образцы разнообразных горных пород, как Феликс Томасович тонкой иглой выуживает из шлиховых проб крохотные золотинки и внимательно рассматривает их через лупу. Увеличенные в пятнадцать раз, они выглядели как самородки.

Фома был молчаливым, но очень любознательным человеком.

— Однако, начальник, что-то нужное есть в этой мерзлой земле нашей? — спрашивал он меня с непроницаемым выражением лица.

— Есть, Фома, обязательно есть. Только искать надо. Мы не найдем — другие найдут. Придут сюда после нас и найдут. Где-то близко настоящее золото должно быть.

— Однако-о-о?! — удивлялся Фома. И, попыхтев трубкой, через некоторое время снова спрашивал: — Коли золото хлестко пойдет, люди придут в Еропол? Где жить-то станут?

— Если золото или олово найдем,— новые поселки, как грибы, в тайге вырастут. Еропол городом будет. Разве плохо?

— Однако,— качал головой Фома, и в этом «однако» на этот раз уже звучало одобрение.— Стараться надо. Много надо стараться. Тогда найдем золото. Давно его тут ищут. Еще американцы искали. Не нашли. Беглые люди тоже искали. Как волки, пришли. Куда подевались — не знаю, только золота, однако, не нашли. Ищи, начальник, путно ищи. Посылай другие экспедиции — золото будет.

И было видно, что Фома действительно очень заинтересован, чтобы в этом медвежьем уголке жизнь скорее изменилась к лучшему.

Наш друг Фома Алин дождался больших перемен в родном крае. Вскоре в Еропол пришли другие геологи. На Чукотке нашли-таки золото. Возникли прииски, рабочие поселки.

Четверть века спустя я был очень обрадован, когда одна из научных сотрудниц краеведческого музея в Магадане представилась мне как внучка Фомы Алина.

Давно уже Еропол перестал быть медвежьим углом! Поредела тайга, меньше стало пушного зверя и дичи. Ушли в глубь тайги и медведи. Зато пролегли через когда-то нехоженые места хорошие дороги, протянулись на сотни километров электрические и телефонные провода. Перед внуками моих старых друзей Фомы Алина, Кости Чаина открылись широкие жизненные просторы. И все это произошло за какие-то двадцать—тридцать лет. Это ли не чудо нашей советской действительности!

Вспоминаю, как однажды недалеко от Еропола, где-то в долине одного из притоков реки Оконайто, мы неожиданно набрели на тропический лес. Только лес этот был не настоящий, а давно умерший — в древних кремнистых сланцах и вулканических туфах собрали большую коллекцию хорошо сохранившихся отпечатков тропических растений. Эта находка вызвала большой интерес у наших рабочих — эвенов. Они с любопытством смотрели, как Константин Александрович бережно укутывал отпечатки в вату и аккуратно упаковывал в ящик.

В этот день нашему переводчику Алину пришлось изрядно потрудиться: эвены внимательно слушали мой рассказ о тропических лесах, произраставших в далеком геологическом прошлом на территории нынешней холодной Чукотки. Рассказал я и о вулканах. Кое-что мои слушатели, оказывается, уже знали о них от каюров, доставлявших грузы с Камчатки. Беседы такого рода пробуждали интерес к нашей профессии, к работе, которую мы вели, укрепляли нашу дружбу с местными жителями.

— Охотник надо много ходи, далеко ходи, стреляй белку, лови выдру, лисицу,— на ломаном русском языке делился своими мыслями Костя Чаин.— Однако охотник олени есть, собачки есть. Ему легко ходи. Твоя везде ногами ходи — где сила брать? Совсем плохо. Твоя симбир олень[1],— заканчивал он свой монолог по-якутски.

Но нам надо было работать, выполнять план, и мы снова уходили в маршруты.

За все время работы в поле мы не встретили ни одного человека и только в конце сезона набрели на две яранги чуванского колхоза. Хозяева отнеслись к нам очень радушно. Пригласили в ярангу, напоили чаем.

У чуванцев, как и у эвенов, да и у многих камчадалов, оказались целые арсеналы ружей. В основном это было американское нарезное оружие разных калибров и различных систем.

Меня заинтересовало: зачем так много оружия каждой семье? И вот какую любопытную историю поведал нам Алин.

---

[1] Все равно что олень *(якутск.)*

Все эти ружья не стреляют — нет патронов. Хитрый американский торговец нынче, допустим, привозил одни ружья и патроны к ним, а в следующий раз — другие ружья и другие патроны. Но стрелять зверя чем-то надо. Вот и приходилось охотникам покупать другие патроны и другие ружья. Расплачивались же каждый раз ценнейшей пушниной.

Хозяин яранги, заметив, что я не свожу глаз с мелкокалиберного винчестера, взял ружье и протянул его мне, сказав что-то.

— Возьми себе,— перевел его слова Алин.

— Спасибо, но это слишком дорогой подарок. Если продашь — куплю.

Алин быстро договорился о цене, и я стал обладателем замечательного сувенира. С этой винтовкой я не расставался все годы странствий по Чукотке, и она много раз выручала меня в тайге и тундре и, пожалуй, не один раз спасала мне жизнь. Эту ценную реликвию я храню по сей день как память о долгих годах жизни на Чукотке.

В первых числах сентября резко похолодало. Вершины гор покрылись снегом, и надо было возвращаться в Крепость, чтобы успеть на гидросамолете вылететь домой — в Певек.

Пятнадцатого сентября, сфотографировавшись на память и тепло распрощавшись с нашими друзьями из эвенского колхоза, мы отправились в обратный путь. Провожать нас вышло на берег реки все население Еропола.

Путь до Крепости представлялся нам в виде увеселительной прогулки. Течение реки быстрое, и нужно только успевать управлять лодкой, думали мы. Но когда наши тяжело нагруженные карбасы отчалили от берега, мы поняли, как глубоко заблуждались.

Быстрое течение действительно несло нас со скоростью курьерского поезда, но фарватер изобиловал порогами, перекатами, отмелями и крутыми поворотами. Русло часто разветвлялось на несколько рукавов. Стремнина прижимала нас к высоким обрывистым берегам, с которых до самой воды свисали ветви упавших огромных деревьев. Порой из воды торчали валуны и коряги. Приходилось то и дело маневрировать, изо всех сил нажимать на весла.

У нас было две лодки. На одной рулевым вызвался быть Фома Алин, а на другой согласился я.

Я не был новичком в таком деле. Еще в юности довелось подружиться с рекой, научиться чувствовать фарватер. Знал я и особенности горных рек, умел преодолевать пороги и перекаты.

Но Анадырь не родной мне Иртыш, в чем очень скоро пришлось убедиться.

Когда вдали показались самые опасные пороги, мы причалили к берегу, чтобы еще раз обсудить маршрут и договориться, как лучше преодолеть препятствие. В результате дискуссии мои спутники, не сговариваясь, все, как один, пересели в лодку Фомы Алина — как-никак местный житель, человек бывалый. А со мной в лодке остался только мой верный земляк Нургали.

Фома что-то замешкался, и мы с Нургали отчалили первыми. Но не успели добраться и до середины реки, как стремнина подхватила нас и понесла на пороги. Лодку, как в трубу, затягивало в грохочущую пучину. Кругом вздымались буруны пенящейся воды, торчали облизанные водой огромные камни.

Я крикнул Нургали, чтобы он приналег на весла, но мой голос потонул в шуме водопада. Нас несло прямо на камни. И все же я успел разглядеть небольшой просвет между двумя валунами. Лодка нырнула в эту щель, и через мгновение сразу стало как-то очень тихо. Пороги и с ними шум водопада остались позади.

Мы подгребли к берегу и стали дожидаться наших спутников. Те вскоре показались у противоположного

берега и, увидев нас, сперва долго удивленно молчали, а потом вдруг громко заговорили все разом. С трудом поняли мы, в чем дело.

Оказывается, испокон века проход через пороги считался возможным только у правого берега, где глубина воды больше, а мы, не зная этого, прошли там, где еще никто не отваживался пройти. Так, сами того не ожидая, мы сделались героями дня. Фома Алин долго еще рассказывал об этом случае всем местным жителям, и они почтительно цокали и одобрительно качали головами.

Когда мы добрались до Крепости, кругом уже лежал снег, но река Танюрер еще была чистой ото льда. Вскоре за нами из Анадыря вылетел самолет. Пролетая над рекой, пилот увидел на воде шугу и повернул обратно. Так мы опять застряли, теперь уже в Крепости, до начала зимней воздушной навигации. И снова разбили лагерь на берегу реки, принялись готовиться к зимовке.

По совету Феликса Томасовича решили, пока не замерзла река, запастись рыбой. Раздобыли небольшой невод и за три замета наловили около сотни щук — такое огромное множество было их здесь. Соорудили небольшой лабаз и сложили на него наш улов. Позднее хранили здесь и тушки зайцев, которых было так много, что мы их ловили петлями до двух десятков в день и снабжали ими всех наших знакомых.

Мы часто бывали в Марково, подружились со многими тамошними жителями, встречались с руководителями партийных и советских учреждений. Все они живо интересовались нашей работой, с нетерпением ждали продолжения поисков на будущий год. Ведь если геологи найдут нужные полезные ископаемые, жизнь здешнего края сразу невиданно преобразится...

В пору, когда реки сковывал лед и устанавливалась зимняя дорога, местные жители устраивали праздник начала зимы, начала езды на собаках.

Нужно заметить, что хорошие ездовые собаки — гордость каждого жителя Севера. Они никогда не называют их собаками, а обязательно — уменьшительно и ласково — «собачки».

Однажды нам посчастливилось быть участниками такого торжества.

В назначенный день в Марково съехались жители из окрестных мест. На замерзшей реке должны были состояться гонки собачьих упряжек с вручением призов победителям. Все выглядели празднично и нарядно. На каюрах новенькие разноцветные камлейки, малахаи и торбаса, меховые брюки из оленьего камуса и кухлянки. А главное — куда делась обычная флегматичность жителей тайги и тундры! Все были возбуждены, энергичны, деятельны. Раздавались громкие возгласы погонщиков-каюров, визг собак, смех и подбадривающие крики зрителей.

Каюры — большие мастера своего дела. Ловко управляя упряжками, они виртуозно перебрасывают тело с одной стороны нарт на другую, чтобы ногами не задеть мчащуюся рядом нарту или торчащие из сугробов ветви кустарника и деревьев...

Шли дни за днями. Давно уже замерзла река. Давно приведены в порядок коллекции и полевые материалы, прочитаны и перечитаны все имевшиеся в поселке книги, а самолета нет и нет. Здесь в дни вынужденного ожидания я успел просмотреть подшивки газет, которых мы не видели все лето. И каково же было мое ликование, когда в одном из номеров «Правды» я прочел в списке награжденных медалью «За трудовую доблесть» работников Бамтранспроекта — изыскателей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали фамилию моего друга Жени Алеева. Он оказался первым среди выпускников нашего института, кому была вручена высокая правительственная награда.

Ноябрьские праздники мы отмечали в Крепости. В демонстрации участвовали коллективы трех организаций: фактории, аэропорта и нашей партии — всего-то не больше двадцати человек. Митинг состоялся на крутом берегу реки возле фактории, где тогда было только два складских пакгауза и два-три небольших домика.

Почти на три месяца затянулась наша вынужденная зимовка в Крепости, и только когда ледяной покров на реке достиг полуметровой толщины, прилетел самолет. В канун нового, сорок первого года мы возвратились в Певек.

Так в первый же год жизни на Чукотке мне довелось совершить двухтысячекилометровый перелет по кольцевому маршруту над всей Чукоткой...

Закончился мой первый полевой сезон на Чукотке, от которого, несмотря на все перенесенные трудности, в моей памяти сохранились самые приятные воспоминания о работе, таежных приключениях, друзьях-товарищах, с которыми долгие восемь месяцев делили все радости и невзгоды. Но особенно запомнились мне встречи с местными жителями — камчадалами, чукчами, эвенами, чуванцами. Постоянное общение с суровой природой выработало у этих людей замечательные человеческие достоинства — честность, доброту, отзывчивость, в чем нам, геологам, не раз приходилось убеждаться.

В Певеке меня встречали жена и сын, которому было уже три полных месяца от роду, когда он впервые увидел отца. Назвали мы его Ростиславом: расти славным — было наше напутствие сыну в жизнь. Теперь ему тридцать пять, и он тоже геолог, работает в Казахстане, кандидат наук.

В 1941 году Дальстрой организовал большую Анадырскую экспедицию, и на другой год после нас там работало уже восемь геологических поисковых партий. А вблизи Еропола вырос новый поселок геологов.

С тех пор прошло ровно тридцать пять лет. И, рассматривая теперь свои старые, пожелтевшие от времени фотоснимки, не устаешь удивляться, как изменился этот край за такой сравнительно короткий срок.

ПЕРВАЯ ЗИМОВКА В АРКТИКЕ

Благополучно завершив полевые геологические исследования в верховьях Анадыря и возвратившись в Певек, я отчитался о проделанной за летний сезон работе и приступил к «камералке» — углубленному изучению собранных материалов и составлению геологического отчета. Всю эту сложную работу пришлось выполнять одному. Специалистов в управлении не хватало. Моих помощников переключили на другие работы. Лапин, выполнявший в экспедиции обязанности топографа, возглавил чертежное бюро, прораба-геолога Пузика направили на разведку Валькумейского оловорудного месторождения.

В ту, теперь уже далекую пору в Певеке не было специализированных лабораторий и специалистов узкого профиля. Начальники партий вынуждены были все делать сами и быть универсалами, в равной степени хорошо разбирающимися в вопросах стратиграфии, литологии, тектоники, петрографии, геоморфологии, минералогии, геохимии и даже палеонтологии. Опытному геологу нелегко все это объять, а что же говорить о нас, молодых специалистах, только начинающих свой творческий путь. Знаний явно недоставало, и опыта тоже.

Мне предстояло детально исследовать под микроскопом огромное разнообразие никогда не виданных ранее вулканических горных пород. В поле многие из них мы

различали только по окраске и называли условно: «светлая вулканическая», «темная вулканическая», «пестрая вулканическая». Теперь пришлось вплотную засесть за книги и основательно проштудировать литературу по петрографии изверженных горных пород и кристаллооптике, научиться работать с микроскопом. В обычных условиях на такое «переучивание» вряд ли нашлось бы время, но мы были в Арктике.

Наступила долгая полярная ночь с буранами и вьюгами. В небольшом поселке у каждого оставалось немало свободного времени, и коротали его по-разному. Многие увлекались тогда «безобидным» преферансом. Были и такие, которые частенько заглядывали в рюмку...

Меня избрали секретарем комсомольской организации Чаун-Чукотского РайГРУ, и хорошо помню, что забота о досуге молодежи была тогда одной из главных. Но организовать досуг было нелегко. РайГРУ своего клуба не имело, если не считать неуютную палатку-столовую, в которой проводились все общественные мероприятия. Нечто вроде клуба было в ведении секретаря райкома Н. Ф. Пугачева — комнатка в небольшом ветхом здании, но она не могла вместить даже сотой части быстро увеличивавшегося населения Певека. В ней часто показывали кино — одни и те же фильмы, так как самолеты зимой не летали и новые киноленты в поселок не поступали.

Вся культурная жизнь Певека в зиму сорокового — сорок первого годов была связана, в основном, с районными организациями, особенно со школой-интернатом, в коллективе которой были активисты, молодые учителя, организовавшие небольшую художественную самодеятельность. Постепенно в этот самодеятельный коллектив втянулись и сотрудники РайГРУ, и он вскоре стал общепоселковым.

Помню, что в художественной самодеятельности школьного коллектива тогда активно участвовал и часто

выступал с чтением стихов кудлатый паренек — учитель Николай Шундик, ставший впоследствии известным писателем.

В районном клубе в тот год я впервые познакомился с чукотскими национальными танцами и песнями в исполнении учащихся школы-интерната.

Это не были танцы в обычном понимании. Школьники подражали звукам и движениям животных, птиц, но делали это с подлинным мастерством. Нельзя было не удивляться тонкой наблюдательности танцоров, их знаниям жизни и повадок диких животных.

Наш коллектив коротал полярные ночи в напряженном труде. Отработав день и наскоро поужинав, почти все сотрудники РайГРУ снова возвращались на работу и задерживались на ней до полуночи. Естественно, что мы успевали не только выполнять дневные задания, но и много времени уделяли самообразованию, повышению квалификации младшего технического персонала. Многие коллекторы, рабочие становились квалифицированными поисковиками, топографами, разведчиками; среди них мои ближайшие помощники: Петр Чепский, Герман Тарасов, Василий Большаков.

Благодаря такой «специфике местных условий» и мне удалось в ту первую арктическую зимовку изучить полевые материалы, освоить новые для меня — гидрогеолога по образованию — методы петрографических исследований, досрочно написать отчет и заметно повысить квалификацию геолога-съемщика и поисковика, что впоследствии очень пригодилось. Не могу не помянуть добрым словом геолога Михаила Никитовича Злобина, который помогал мне в освоении петрографии и микроскопа. Он был большим специалистом в этой области и гораздо опытнее и старше меня.

В ту памятную зиму сорокового — сорок первого годов впервые я понял, что такое Арктика и зимовка на Севере.

Чем мне особенно запомнилась эта первая зимовка?

Нет, не тем, что мы месяцами не видели солнца, и даже не красочными сполохами северного сияния. Ветрами, страшными ураганными ветрами — «южаком», который сносил крыши с домов, валил столбы, рвал провода, укатывал в море железные бочки, сбивал с ног людей, превращал рыхлый снег в бетон из льда и песка, очищал от снега склоны певекских сопок.

«Южак» налетал внезапно и мог свирепствовать пять—десять дней. Когда он дул, сотрясались стены даже деревянных домов, которых было так мало в поселке. А что же говорить о палатках? Все кругом переполнялось его свирепым воем, свистом, грохотом... Из наших помещений выдувалось тепло, и, несмотря на то, что железные печки были раскалены докрасна, приходилось ходить дома в шубах, шапках и валенках.

А каково же было тем, у кого в семье только что родились дети? Младенцев надо купать, пеленать, кормить грудью, менять им пеленки. Попробуйте пожить с младенцем зимой на улице, и вы сможете понять, что такое зимовка в палаточной Арктике, когда бушует «южак» и ваше жилье насквозь продувает. Что только не придумывали жители Певека, чтобы спастись от «южака». Стены палаток и домов обкладывали штабелями пиленого льда и снега, обливали водой в морозные дни, чтобы они покрылись ледяным панцирем. Ничто не помогало! Ветер высушивал лед, сдувал глыбы из льда и снега. Опытные полярники, как, например, наш секретарь райкома Н. Ф. Пугачев, находили спасение только в землянках.

Дорогой ценой приобретался опыт жизни в суровых арктических условиях. Немало осталось там навсегда моих товарищей, застигнутых в пути пургой. Некоторых находили замерзшими, других не находили совсем.

Сейчас, когда я пишу об этом, передо мною лежит фотография современного Певека — города с многоэтажными каменными домами. И я думаю, что нынешние жители Певека вряд ли поймут меня, вряд ли поверят тому, о чем я рассказываю.

А ведь тогда все было именно так.

Зато первая зимовка в Арктике, несомненно, полезна для тех, кто хочет испытать самого себя, проверить свою силу и волю, оценить чувство истинной дружбы, товарищества. Так в нашем коллективе происходил «естественный отбор»: случайные пришельцы после первой же зимовки уезжали, зато оставались энтузиасты, влюбленные в свою работу, зараженные пафосом созидательного труда, романтикой поиска.

В напряженном труде и заботах прошла, наконец-то, долгая полярная ночь. Чаще стал показываться и все дольше задерживаться над горизонтом огромный оранжевый диск. И хотя солнце еще не грело, а лишь освещало заполярную тундру — это уже был признак приближающейся весны... Реже завывала вьюга... Зачастили самолеты с Большой земли. Они доставляли новых людей, увозили тех, срок работы которых по договору пришел к концу, и тех, кто не выдержал проверку Севером. Привозили почту, газеты, новые кинофильмы... Жизнь в поселке заметно оживлялась. Мы не успевали прочитывать газеты и журналы, которые доставляли большими кипами — сразу за несколько недель...

Закончился и мой, обусловленный договором срок работы на Крайнем Севере. Можно было складывать в чемоданы немудреный походный скарб и отправляться на оседлую жизнь в столицу родного Казахстана. Но бросать интересную работу, расставаться с приобретенными друзьями не хотелось. Решил съездить в отпуск и немного отдохнуть, чтобы набраться сил для новой работы. К тому же я никогда еще в жизни не был в отпуске. И самое главное — в семье подрастал сын, и, хотя он был уроженцем Певека, следовало уберечь его от цинги и вся-

ких лишений, которые тогда с трудом переносились даже взрослыми.

В те годы жизнь в Певеке была совсем иной, чем в нынешнее время. Свежие и соленые овощи не завозились, не было молока, яиц, фруктов. Аскорбиновую кислоту еще не изобрели, а витаминизированных продуктов — тем более. Единственным спасением от цинги было сырое мясо — строганина и горькая стланиковая паста, изобретенная на Колыме.

Мы решили съездить в отпуск, оставить сына у дедушки с бабушкой и опять вернуться на Чукотку.

Пришла весна. Отчет о результатах работ Еропольской геологорекогносцировочной партии был закончен. Можно отправляться в дальнюю дорогу.

И все же пришлось принять решение задержаться с выездом в отпуск из-за маленького сына еще на полгода — до осени. Ему весной должно было исполниться семь месяцев. Врачи считали, что в таком возрасте ребенок трудно перенесет долгую утомительную дорогу. В те времена не было еще прямого воздушного сообщения с центральными районами страны, приходилось добираться туда на перекладных, порой месяцами дожидаться воздушной или морской оказии в «транзитках» — палаточных городках, специально сооруженных для этого в горнопромышленных управлениях в Магадане и Находке. С грудным ребенком нечего было и думать отправляться в такой долгий и утомительный путь. Кроме того, врачи рекомендовали нам выехать с ребенком не весной, а осенью, чтоб избежать резкой перемены климата и прибыть в Алма-Ату не в разгар знойного лета, а зимой.

Так было решено задержаться на Чукотке до осени. А это означало провести летний сезон сорок первого года в поле, в тундре, с которой я еще не успел как следует познакомиться: мой предыдущий сезон прошел

в верховьях Анадыря — лесной зоне, где такая же хорошо мне знакомая тайга, как и на Колыме.

Я стал готовиться к выезду в поле...

Весной сорок первого года в Певек почти с каждым самолетом прибывали новые люди — шло планомерное пополнение кадрами Чаун-Чукотского РайГРУ.

Дальстрой в сороковых годах еще только начинал осваивать воздушные пути на Чукотку. Для магаданских авиаторов дело это было нелегким, и они практически ограничивались лишь грузо-пассажирскими перевозками между конечными пунктами: Магаданом и Певеком.

Вот почему самолет в жизни далекого северного поселка был праздником для всех и встречать его на берег замерзшей бухты выходило все население поселка. Певек обслуживался авиаторами Дальстроя и Главсевморпути, причем у нас, геологов, особенно тесные отношения сложились с Чукотским авиаотрядом ГУСМП, имевшим в своем распоряжении легкие самолеты, способные практически садиться на любом пятачке.

Летчики полярной авиации хорошо помогали геологам. Они забрасывали на своих самолетах геологические поисковые партии в самые отдаленные и труднодоступные районы. Кроме того, они уже хорошо освоились с условиями работы в Арктике, знали капризы чукотской погоды, могли ориентироваться по глазомерным картам и летать в сложных метеорологических условиях.

Имена пионеров освоения небесных дорог Чукотки пилотов Богданова, Конкина, Каминского, Сургучева, Катюхова, Бубнова, Соколова, Быкова, Пухова, Волобуева, Буторина, Бузаева и многих других представителей крылатого племени могут по праву стоять рядом с именами первооткрывателей месторождений олова и золота.

На Севере всегда с большим уважением относятся к летчикам полярной авиации. А в те годы, когда самолеты не были приспособлены к полетам в Арктике, осо-

бенно трудно приходилось тем, кто летал на У-2. На этих «небесных тихоходах» даже не было рации на борту. Получив «добро» на вылет, пилоты отправлялись в дальний рейс. Погода на Чукотке меняется быстро. Прогнозов никаких не было. Случалось, что, пока самолет летит, в месте назначения поднимается пурга. А горючего в обрез — только до места. Единственный выход в этом случае — садиться с риском разбить самолет...

Помню такой случай. Прилетел с мыса Биллингса на У-2 Конкин — командир Чукотского авиаотряда ГУСМП, а в Певеке — «южак». Долго кружил самолет над поселком. Красные ракеты пускал. Все жители Певека узнали, что пилот попал в большую беду, и, не сговариваясь, решили помочь. Обозначили место посадки в центре поселка, за зданием школы, где потише, и ждут с тревогой. Понял пилот, что тут надо садиться... Ветер сильный — с ног сбивает, а самолет на полном газу против встречного ветра почти на одном месте, словно птица, в воздухе повис. Швыряет его из стороны в сторону, вот-вот о землю ударит. Бросились люди к самолету, уцепились за нижние крылья, за колеса, за хвост да так к земле и притянули. На этот раз все обошлось благополучно.

С Севером не шутят. Он не терпит к себе панибратского отношения и жестоко наказывает за неосмотрительность, неосторожность. В этом приходилось убеждаться не один раз как на горьком опыте других, так и на своем тоже.

В сороковом году проводил поисковые работы в бассейне реки Ичувеем, сравнительно недалеко — в ста пятидесяти километрах от Певека — геолог Даутов Рахмет Махмутович. Это был его первый полевой сезон на Чукотке. По неопытности он разбил свой базовый лагерь в пойме небольшой речушки. Весновка уже заканчивалась, когда вскрылись ото льда реки и начался весенний паводок. Речушка превратилась в могучий горный поток,

который неожиданно обрушился на лагерь геологов... Это стихийное бедствие едва не привело к гибели людей.

О том, как это произошло, мне недавно напомнил в письме сам Рахмет Махмутович:

«...В весеннее половодье сорокового года наш поисковый отряд постигло стихийное бедствие — внезапно прорвавшаяся горная речка уничтожила основную базу. Весь годичный запас продовольствия оказался под водой, и значительная его часть была унесена паводком.

Наводнение застало нас врасплох, ночью. В течение часа люди мужественно вели неравную борьбу со стихией, бредя по грудь в бурлящей ледяной воде, спасали продукты и снаряжение. Вода быстро прибывала. Спасательные работы вести дальше было просто невозможно и опасно. Нужно было без промедления перебираться к подножию гор.

О помощи, пополнении продовольственных запасов, которых оставалось менее чем на месяц, нечего было и думать: мы полностью были отрезаны от внешнего мира, не располагали транспортом и средствами связи с Певеком и приморскими культбазами. Не известны нам были также стойбища и районы кочевья тундровых чукчей. А предстояло в безлюдных суровых тундровых условиях проработать четыре-пять месяцев, во что бы то ни стало выполнить задание по поискам олова и золота.

Единственным источником средств существования была охота на гусей, медведей и одичавших оленей.

В течение всего сезона полевых работ мы питались в основном дичью и заготавливали мясо впрок, на черный день.

Но, несмотря на такие тяжелые, полные лишений условия, была впервые установлена золотоносность бассейна реки Ичувеем...

Полевые работы затянулись. Наступила холодная и дождливая, со снегопадами осень. Быстро приближа-

лась суровая полярная зима. Дичи не стало — гуси улетели на юг, а медведи залегли в берлоги... Питания не хватало. Создалось тревожное положение...

На помощь со стороны не было никаких надежд. Дальнейшее пребывание в плену суровой тундры без продуктов и топлива могло привести к роковым последствиям. Оставался единственный выход — попытаться, пока не поздно, добраться до ближайших населенных пунктов.

Началась подготовка к большому, почти двухсоткилометровому тяжелому пешему переходу через обширную Южно-Чаунскую низменность на запад, к приморским чукотским стойбищам...

В нарту-волокушу, сооруженную из уцелевших лыж и обломков палок и досок, были погружены пробы, скромный запас провианта (одна банка мясных консервов, четыре пачки галет, девять-десять килограммов сушеной медвежатины и оленины собственной заготовки), самые необходимые в пути предметы...

Двадцать четвертого сентября, впрягшись в нагруженную нарту, мы отправились из верховьев реки Ичувеем по направлению к Чаунской губе.

Первые два-три дня, пока еще были силы, двигались сравнительно быстро, но с каждым днем идти становилось все труднее и труднее... Снег рыхлый. Лед под снежным покровом еще не окреп. Во многих местах проступала ледяная вода. Ноги мокли и немели от холода. Люди то и дело падали, выбивались из сил. Сказывалось сильное истощение. По существу, мы ничего не ели, а только поддерживали жизнь, получая по одной-две галеты и по горсточке сухой мясной крошки в сутки.

На восьмой день в тундре нас застала пурга... Продолжать путь означало верную гибель...

Разбушевавшаяся стихия в течение пяти дней держала в плену небольшой отряд голодных и беспомощных путешественников...

В первый день «пургования» норма пищи была сокращена вдвое, а на второй день — перестали выдавать совсем. У нас осталось не более полутора-двух килограммов мяса, которое решили сохранить как неприкосновенный запас.

С нами были три собаки. Одну мы решили зарезать и съесть, а двух приберечь на всякий случай. Кормили их обрывками шкур, ремней, запасной обувью (унты, торбаса).

В ночь с шестого на седьмое октября мы внезапно лишились оставшихся в живых наших четвероногих друзей — видимо, не выдержав голодовки, собаки ушли в поисках пищи...

Пурга прекратилась седьмого октября в полдень. Бросив нарту и взяв с собой только пробы и главные ценности, мы вновь отправились в путь.

С неимоверными трудностями одиннадцатого октября достигли низовьев реки Ичувеем. Здесь нам начали встречаться заросли чахлого кустарника. Впервые за все дни пути мы смогли наконец-то развести костер, согрелись около него и немного обсушились.

Каждому было выдано по горсточке мясных крошек и по кружке кипяченой воды.

Снега в низовьях реки было меньше. Идти стало легче, но зато приходилось часто преодолевать вброд не застывшие еще рукава и протоки...

Результаты тяжелых переходов, истощение и простуды вскоре дали о себе знать...

Двенадцатого октября я заболел. Вначале рабочие вели меня под руки. К вечеру следующего дня я уже не мог идти...

Четырнадцатого октября, собрав остатки сил и мобилизовав всю волю, я достал свой дневник и сделал в нем последнюю запись...

Это было мое завещание...

Я написал о бедственном положении отряда, об изнеможении людей, о своей болезни и о том, как поступить с материалами, пробами в случае нашей гибели...

Старшему рабочему передал схему нашего местонахождения. Тут же на местности сооружили опознавательный знак.

Оставив при себе одного рабочего, велю остальным направиться к предполагаемому жилью...

Ночь с четырнадцатого на пятнадцатое октября провел в мучительном бреду, а утром не смог встать. Никаких медикаментов у нас не было. Рабочий ничем не мог мне помочь...

Снова пришел в сознание, когда почувствовал, что кто-то пытается влить мне в рот какую-то густую клейкую жидкость... Слышалась непонятная гортанная речь. Слова: «коранг тиммен» (оленья кровь)... Потом, как сквозь туман, стал различать стоящих вокруг чукчей с длинными шестами в руках и с чаатами через плечи... А дальше опять ничего не помню...

Пришел в сознание через двое суток в чукотской яранге рядом с еще одним заболевшим рабочим. Потом мне рассказали, что в ярангу мы были доставлены на носилках случайно обнаружившими нас чукчами из стойбища...

Двадцать третьего октября нас двоих тяжелобольных на утлой байдарке чукчи доставили в Усть-Чаунский медпункт Главсевморпути, где я пролежал около месяца. Поставили диагноз — воспаление легких, истощение и цинга...

В первых числах декабря, в один из редких на Чукотке безветренных дней, легкая нарта, в которую было впряжено восемь пар сильных собак и которыми управлял лихой каюр Атка-Эттли, с курьерской скоростью доставила меня в Певек со всеми материалами и с первой вестью о золотоносности долины реки Ичувеем...»

На этом Даутов заканчивает свой рассказ.

В 1941 году Рахмет Махмутович выехал в центральные районы страны и больше не возвращался на Север, о чем мы искренне сожалели. Всегда жизнерадостный и общительный, он хорошо «вписался» в наш дружный геологический коллектив. Это был интересный человек.

Даутов первым пришел к мысли, что наиболее практичная и рациональная для геологов-поисковиков та одежда, какую испокон века носят аборигены Севера. Сам он из Усть-Чауна возвратился облаченным в новенькую, как говорят, с иголочки чукотскую одежду. К тому же за время пребывания в Усть-Чауне Рахмет Махмутович научился объясняться по-чукотски и подружился со многими местными жителями. Низенький, коренастый, со смуглым скуластым лицом и узкими глазами, его трудно было отличить от аборигенов, и чукчи неизменно оказывали ему свое особое почтение.

Спустя много лет, уже будучи в Алма-Ате, я вновь встретился с Даутовым. Он тогда работал геологом в зыряновской партии на Рудном Алтае и заочно заканчивал учебу на геологоразведочном факультете Казахского политехнического института.

Получив диплом инженера уже в преклонном возрасте, Рахмет Махмутович не остановился на достигнутом. Вскоре без отрыва от производства подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Сейчас Рахмет Махмутович на пенсии и живет в Актюбинске.

Скромный по своей натуре человек, уважаемый всеми коммунист, Рахмет Махмутович Даутов проявлял нетерпимость к любой несправедливости, убежденно и настойчиво добивался исправления ошибок, допущенных в отношении к другим людям. К сожалению, сам он не избежал несправедливого отношения к себе. Будучи первооткрывателем ичувеемских золотых россыпей на Чукотке, Даутов только после многих хлопот добился официального при-

знания своих бесспорных прав первооткрывателя. А ведь открытие, сделанное Рахметом Махмутовичем, едва не стоило жизни ему и его спутникам...

В сороковом году не только Даутову пришлось так трудно. Немногим легче было и в других экспедициях, которые в основном возглавляли новички, работавшие первый год на Чукотке и еще не освоившиеся с суровыми арктическими условиями.

Но, несмотря на все трудности, молодое районное геологоразведочное управление быстро набирало силы и форсировало геологическую разведку пыркакайских оловянных россыпей и рудного месторождения Валькумей. На Пыркакае всеми работами руководил геолог Николай Константинович Гулария, а на Валькумее — Николай Сергеевич Лычкин. Дела у них шли хорошо, к весне они подготовили минерально-сырьевую базу для организации двух первых на Чукотке оловодобывающих предприятий — прииска и рудника.

Не хватало рабочих, транспортных средств, материалов, оборудования. Не было дорог и средств связи. И все же в канун первомайских праздников прииск «Пыркакай», переименованный позднее в «Красноармейский», и рудник «Валькумей» были созданы. Так началось развитие горной промышленности на Чукотке — в настоящее время важного горнопромышленного района страны.

Создание первых оловодобывающих предприятий на Чукотке — результат самоотверженного труда всего коллектива инженерно-технических работников, рабочих и служащих Чаун-Чукотского районного геологоразведочного управления Дальстроя, но из их числа необходимо выделить двух человек, с именами которых связаны самые первые, самые трудные и самые тяжелые шаги на пути к богатствам, обнаруженным в недрах Чукотки, — это Николай Константинович Гулария и Николай Сергеевич Лычкин.

Николай Константинович Гулария приехал на Чукотку из солнечной Грузии, но он мало походил на грузина. Уже немолодой, высокий и худощавый, Николай Константинович был очень спокойным и уравновешенным человеком, не в меру застенчивым и молчаливым. И только слабый гортанный акцент выдавал в нем жителя Кавказа.

Перед Н. К. Гулария стояла нелегкая задача — организовать разведку оловянных россыпей в долине реки Пыркакай, почти за сто километров от Певека. Один-два стареньких, постоянно ломавшихся трактора ЧТЗ да около десятка собачьих упряжек — вот и все транспортные средства, которые в тридцать девятом году могли быть выделены для первого на Чукотке разведрайона.

Разведчикам Пыркакая приходилось тогда жить в палатках, отапливаться низкорослым северным кустарником, который с большим трудом добывали они сами из-под глубоких сугробов снега. Из-за нехватки транспортных средств часто бывали перебои с подвозом продовольствия, материалов, снаряжения. Люди мерзли, нередко голодали, но продолжали настойчиво и упорно трудиться, и разведка россыпей не прекращалась.

Николай Константинович буквально метался между Певеком и разведрайоном в повседневных хлопотах. Необходимо было обеспечить средствами для жизни и работы вверенных ему людей, добиться выполнения плана геологоразведочных работ и прироста разведанных запасов. А ведь надо было еще осуществлять и техническое руководство всеми работами, изучать геологические особенности месторождения, вести документацию и отчетность. Приходилось только удивляться, как успевал все это делать начальник разведрайона. Других геологов в то время не было.

И тому, что прииск «Пыркакай» был создан в сорок первом году, управление обязано больше всего именно этому человеку — Николаю Константиновичу Гулария.

Николаю Сергеевичу Лычкину — начальнику Валькумейского разведрайона было намного легче хотя бы потому, что его хозяйство находилось гораздо ближе к Певеку — всего в двенадцати километрах. Но и здесь было немало трудностей. Разведка коренного (рудного) Валькумейского месторождения была сопряжена с проходкой подземных выработок — шахт, квершлагов, восстающих, штреков, штолен. Для этого требовались квалифицированные рабочие, хорошее оборудование — компрессоры, буровая сталь, взрывчатые вещества, а также много электроэнергии. Но где все это взять?

Разведка давалась с большим трудом. Календарные графики ломались, планы срывались. Начальник разведрайона метался как белка в колесе, ликвидируя узкие места, аварии, прорывы. Он поспевал везде, где нужны были его помощь, совет, а нередко и смелое решение. О том, что этот человек был действительно смелым, свидетельствует следующий эпизод, который произошел несколько позднее описываемых событий.

В 1943 году Н. С. Лычкина назначили начальником рудника Иультин. Рудник пока числился только на бумаге. Все необходимое для работы — людей, механизмы, топливо, продовольствие, строительные материалы — предстояло завезти из Певека. Все это погрузили на корабль и отправили на косу Двух пилотов. Там, далеко на рейде, груз с корабля разгружался на баржи, которые затем катера подводили к берегу.

Вначале все шло хорошо, но вот поднялся шторм. Разгрузка прекратилась. Непогода затянулась. Время наступало уже зимнее. Нависла опасность застрять кораблю во льдах, а на борту еще оставалось много грузов — главным образом жидкое горючее в бочках. Капитан корабля предупредил, что ждет еще двадцать четыре часа, и, если шторм не утихнет, корабль уходит во Владивосток. Шторм не утих. Что было делать? Без горючего рудник

не мог начать работу. Тракторы и компрессоры были уже сгружены на берег, а горючего для них нет.

И тогда Лычкин решился на отчаянный шаг. Он дал указание сбросить бочки с горючим прямо за борт, в море, рассчитывая, что ветер и волны выбросят их на берег. Решение было очень смелым и ответственным. В условиях военного времени за потерю даже одной бочки горючего полагалось строгое наказание. Капитан это понимал и не стал выполнять указания без письменного распоряжения. Лычкин такое распоряжение подписал.

Бочки были сброшены в бушующее море, и корабль ушел.

Через несколько дней шторм утих. Лычкин отправился на катере обследовать берега косы Двух пилотов. Вернулся только поздно вечером, но бочек так и не нашел. С тех пор и поседел, говорят. На другой день отправились проведать соседнюю косу, ту, что восточнее устья реки Амгуэмы. И что же? Все до единой пятьсот бочек были на берегу.

Смелое решение дало возможность развернуть работу рудника и на триста процентов выполнить план добычи олова. Лычкин же был удостоен ордена Ленина.

Я мог бы привести немало примеров о таких смелых, волевых людях, работавших в те годы в Дальстрое. Север — вся жизнь на Севере воспитывала решительных и мужественных людей, не боящихся никаких трудностей, умеющих преодолевать их.

Весна сорок первого года ознаменовалась для жителей далекой Чукотки еще одним радостным событием. Полярная авиация открыла прямое пассажирское авиасообщение с Москвой. Впервые в небе Чукотки появился комфортабельный пассажирский самолет СИ-47 — «Дуглас», конструкции Сикорского, купленный в США. Когда он совершал пробный рейс, его встречали как самого желанного гостя.

Это тоже штрихи нового — больших перемен, происходивших тогда в Арктике. И мы были свидетелями того, как необжитый далекий край приближался к центру. Чукотка превращалась на наших глазах в экономически важный район страны на Крайнем Северо-Востоке.

Многие жители Певека воспользовались весной сорок первого возможностью совершить воздушное путешествие в Москву.

И мы, геологи, стали собираться в путь. Пришла пора выезжать в тундру, на летние полевые работы.

В КАНУН ВОЙНЫ

Весна сорок первого года, казалось, не предвещала ничего плохого жителям далекого заполярного поселка...

Дела в Певеке шли хорошо. Разведчики недр быстро увеличивали количество выявленных запасов олова в богатых россыпях Пыркакайской долины. Полным ходом шла разведка оловорудного месторождения «Валькумей». Производственные задания по горноподготовительным работам и строительству тоже систематически перевыполнялись. Успешно завершалась подготовка к открытию на Чукотке первых оловодобывающих горных предприятий.

Геологи тогда были главной фигурой в Управлении. Они возглавляли наступление на безмолвную снежную пустыню, как часто называли еще тогда бескрайние просторы Чукотской тундры. Небывалыми темпами развертывались геологопоисковые и геологоразведочные работы... Один за другим в тундре возникали новые поселки: Пыркакай, Куйвивеем, Валькумей, Иультин... Геологи становились, если надо было, строителями, горняками,

дорожниками... Они первыми оседали на жительство в новых местах, несли в тундру дыхание нового времени...

Местное население — чукчи стали свидетелями больших перемен, происходящих на земле их предков, и они неудержимо тянулись ко всему новому, что зарождалось в тундре...

Все чаще и чаще оленеводы и охотники навещали палаточные городки геологов. Они с интересом и огромным вниманием, как подлинные хозяева тундры, наблюдали за работой и жизнью геологов, а многие из них начали вливаться в нашу дружную семью. Появились рабочие-каюры, ученики мотористов, трактористы, слесари и радисты, подготовленные из числа коренных жителей Чукотки.

В Певеке все знали Колю Тыркырваургина, или просто Колю Тыркина, как мы его звали,— молодого парнишку из чукотского стойбища с острова Раутан, который работал помощником тракториста, но все свое свободное время проводил среди геологов. Это был очень смышленый и любознательный паренек. Он вскоре научился отличать пустую горную породу от руды и часто из длительных поездок по тундре возвращался с образцами горных пород, чем-либо привлекших его внимание. Коля Тыркин был общим любимцем в поселке и желанным гостем в каждой русской семье. Иногда к нему приезжали родственники, и тогда Коля приходил в гости вместе с ними. Они молча и не спеша угощались крепким чаем с галетами и с большим уважением наблюдали за Колей, у которого было так много русских друзей.

Каждый житель Чукотки знал Дмитрия Тымнетагина — первого чукчу-летчика, избравшего профессию, о которой всего каких-то пять-десять лет назад не могли ничего сказать даже самые хитрые шаманы.

И все это происходило в то время, когда в далеких стойбищах еще сохранялся вековой уклад в жизни се-

верного народа: еще были в обиходе каменные светильники, полозья нарт, сделанные из мамонтовой кости; еще шились оленьими жилами торбаса и кухлянки и кое-где все еще престарелые люди, по примеру своих предков, обращались к старшему сыну, чтобы тот помог им уйти из жизни, затянув туже ременную петлю на их шее.

Сколько сложенных из оленьих рогов холмиков, под которыми погребены обглоданные песцами человеческие кости, встречали мы на водоразделах в тундре! Немые свидетели большой трагедии медленно вымиравшего народа, эти погребения напоминали нам о безрадостном прошлом аборигенов Чукотки.

Только благодаря победе Великого Октября коренным образом изменилась жизнь чукотского народа. И мы были свидетелями этих первых преобразований. На наших глазах по соседству со стойбищами кочевников-оленеводов вырастали рабочие поселки строителей, дорожников, разведчиков недр. Открывались школы, больницы. Со всех концов страны ехали сюда представители советской интеллигенции, чтобы донести свет ленинских идей до этого отдаленного края...

Но по-прежнему суровой оставалась природа Чукотки, и она требовала больших физических усилий и огромного мужества от людей, живущих и работающих в этих условиях.

Чаун-Чукотское РайГРУ с самого начала возглавлял Иван Николаевич Зубрев — тогда еще молодой геолог. Скромный, даже застенчивый, он был талантливым организатором, прекрасным человеком и пользовался огромным авторитетом в коллективе. Я знал И. Н. Зубрева еще по Оротукану. И если бы меня спросили, какая черта в характере Ивана Николаевича представляется мне самой главной, я бы сказал — человечность, независимо от того, был ли он вашим начальником или подчиненным. Со всеми без исключения Зубрев был ровен, дружески внимателен, уважителен, что весьма немаловажно было тогда в Заполярье, в условиях оторванности от обжитых населенных мест. Не надо также забывать, что нам пришлось работать в особых условиях Дальстроя, когда на приисках, рудниках и в рабочих поселках еще не было административных органов Советской власти — выборных городских и поселковых Советов, милиции, гражданских судов. И, чего греха таить, нередко встречались в то время руководители, злоупотреблявшие вверенной им властью.

Вот почему горняки, геологи, строители и все трудящиеся приисков, рудников и поселков Дальстроя уважали требовательных, но скромных, простых и справедливых руководителей, каким являлся И. Н. Зубрев.

Чтобы в кратчайшие сроки создать на Чукотке мощную горнодобывающую промышленность, необходимо было развернуть широкие геологопоисковые и геологоразведочные работы в новых районах. Количество геологических экспедиций, отправлявшихся в тундру, увеличивалось с каждым годом, но все же их было недостаточно, и громадные территории, особенно вдали от побережья, оставались еще совершенно неизученными.

В сорок первом году мне поручили руководить Верхне-Кевеемской геологорекогносцировочной партией. Нам предстояло работать в самом сердце чукотской тундры — в верховьях реки Кевеем, о которой было известно только то, что она довольно многоводна и впадает в губу Нольде.

Район наших работ считался одним из тех, что географы называют «терра инкогнита» — земля неизвестная. Не только на геологических, но и на географических картах того времени верховья реки Кевеем обозначались большим белым пятном. Никто из исследователей еще не забирался так далеко от побережья Чукотского полуострова и с такими серьезными намерениями — провести планомерную геологическую съемку и поиски месторождений

полезных ископаемых. И это, конечно, налагало на нас особую ответственность.

Мы знали, что всего несколько лет до нас, в 1936—1937 годах, геологи В. И. Серпухов и Д. Ф. Байков, входившие в состав сотрудников полярной станции на мысе Шмидта, первыми отважились проникнуть в этот район, но их маршруты проходили значительно восточнее и ближе к обжитым местам.

Геологи в рекогносцировочных партиях работали на Чукотке в те годы небольшими группами в пять-шесть человек и не имели никаких транспортных средств и связи с внешним миром. За короткий летний сезон они, предоставленные самим себе, успевали исследовать огромную территорию площадью до пяти-шести тысяч квадратных километров.

Из всех видов геологических исследований рекогносцировочные самые трудные и ответственные, а значит, и самые почетные. Не каждому доверялась работа в геологорекогносцировочных партиях. Туда подбирались наиболее проверенные, сознательные и физически выносливые люди.

Вскоре состав партии был подобран. Вместе со мной отправлялись прораб-геолог Костя Дзахов, поисковик Петр Чепский и топограф Виктор Галев. Костя был родом из Осетии, я — из Казахстана, Петя — с Украины, а Виктор — из Белоруссии, как бы небольшое содружество представителей братских народов. И, забегая вперед, хочу сказать, что наше содружество оказалось очень надежным, работали мы хорошо, дружно...

В наше распоряжение поступило два трактора и двое саней, причем одни сани полностью пришлось загрузить бочками с горючим и запасными частями для тракторов. Ведь нам предстояло пройти по снежной пустыне почти пятьсот километров.

В конце апреля все сборы были закончены. Погрузившись вместе с отрядом геолога А. П. Коптева на санно-тракторный поезд, мы в канун Первомая отправились в путь.

Первые пятьдесят километров одолели быстро и без происшествий, так как на этом участке наш санно-тракторный поезд следовал по хорошо накатанной дороге к прииску «Пыркакай» (ныне прииск «Красноармейский»). Но как только свернули с наезженной дороги в долину реки Млелювеем и пошли по снежной целине, сразу же начались неприятности... Тракторы часто проваливались в глубокие сугробы, сани зарывались в снег, и машины буксовали... С помощью тракторов мы по очереди вытягивали тяжело груженные сани, выводили их на твердый наст и только после этого двигались дальше.

Было ветрено и холодно. Люди согревались в кукулях — теплых спальных мешках из оленьего меха. Но особенно мерзнуть не приходилось, так как мы часто вынуждены были брать в руки лопаты и откапывать то и дело застревавшие в сугробах тракторы.

Через несколько суток мы расстались с геологом А. П. Коптевым и в тот же день благополучно добрались до устья реки Ватапваам — левого притока реки Кевеем. Здесь, на правом берегу Кевеем, выбрали высокую малоснежную террасу и разбили на ней свой базовый лагерь, который должен был на целых полгода заменить нам родной дом...

Теперь необходимо было организовать в районе предстоящих работ две-три промежуточные продовольственные базы. Для устройства таких баз обычно использовались пустые железные бочки из-под горючего. В бочках делалась небольшая дверка, через нее загружалось продовольствие — консервы, крупы, сахар, галеты, соль, мука, табак и другое. Крышки наполненных продовольствием бочек завинчивались болтом с гайкой. Считалось, что в таком виде с ними в тундре ничего не случится...

На облегченных санях, в которые были впряжены цугом два трактора ЧТЗ, мы быстро развезли в намеченные места две базы. Наличие базового лагеря и двух промежуточных баз давало нам возможность работать налегке. Раз никакого транспорта летом у нас не будет, то мы и предполагали планировать работу так, чтобы ходить в маршруты от одного лабаза к другому, не перегружаясь большими запасами продовольствия и периодически освобождаясь от груза проб и камней.

После заброски промежуточных баз тракторы ушли в Певек, и мы остались одни в тундре. Началась продолжительная весновка — ожидание, когда сойдет снег, пройдет весенний паводок и когда можно будет приступить к исследованиям.

Раннее прибытие в район работ давало нам возможность хорошо осмотреться и подготовиться к первым маршрутам.

Топографических карт у нас не было, и нам приходилось самим вести глазомерную топографическую съемку. Качество глазомерных топографических карт в значительной степени зависит от точности промера и удачного расположения измеренного опорного базиса, а также от количества засеченных по компасу с концов базиса характерных ориентиров — вершин гор, озер, утесов, устий рек. Частично это можно сделать в период весновки, и мы не теряли времени зря... Пока держался снежный покров, совершали предварительные походы на лыжах, и если учесть, что при заброске промежуточных баз я вел подробные зарисовки местности и замерял пройденный путь, то к началу полевых работ мы уже хорошо знали район и могли рационально планировать маршруты.

Весновку использовали также для того, чтобы хорошо подогнать снаряжение, оснастить инструмент, заготовить тару для проб и вообще подготовить все необходимое для работы.

Однако во время весновки у нас оставалось все же достаточно свободного времени. Обычно в такие часы мы отправлялись на охоту. Пока лежал всюду снег, охота была не очень удачной и интересной. Встречались только зайцы, песцы и куропатки.

Но вот появились первые проталины, почернели склоны сопок, и над руслами еще замерзших рек потянулись первые вереницы гусей... У них здесь, по долине реки Кевеем, вероятно, пролегает древний маршрут перелета с юга на север, к месту гнездования по берегам губы Нольде.

Гусей было много, и они пролетали совсем низко. Мы хорошо изучили их маршрут, и нам не составляло никакого труда ежедневно добывать столько дичи, сколько необходимо было нашему повару для приготовления хорошего обеда...

Солнце с каждым днем все выше поднималось над горизонтом... Наступали белые ночи. Начинался нескончаемый полярный день. Теперь холодное северное солнце стало таким же ярким и теплым, как в снежных горах далекого Тянь-Шаня, где я бывал не раз.

К сожалению, я вспомнил об этом слишком поздно, когда внезапно ослеп...

У нас были защитные темные очки, но они мешали на охоте, и я ими не пользовался. За что вскоре и был наказан...

Возвратившись однажды с охоты, я почувствовал острую резь в глазах. К вечеру боль стала невыносимой. Никакие примочки и компрессы не помогали. Пришлось забинтовать глаза и целую неделю пролежать одному в палатке.

Это был хороший урок и для меня, и для моих товарищей. Впредь уже никто не забывал о светозащитных очках.

Тем временем приближалось лето...

Как только немного подсохло, спал паводок и стало возможным переходить речки вброд — отправились в первые маршруты.

К этому времени у нас уже был разработан стратегический план наступления на белое пятно, которое предстояло вытеснить с геологической карты Чукотки.

Первый удар решаем нанести в восточном направлении от лагеря — в сторону небольшого горного хребта, сложенного гранитами. Там, судя по ряду признаков, можно было надеяться обнаружить оловянные месторождения.

Работу начали сразу двумя отрядами. Отряд Кости Дзахова, в который вошли Петр Чепский, промывальщик и рабочий, должен был продвигаться, ведя съемку и поиск вверх по долине, а моя группа, в составе меня, Виктора Галева и одного рабочего, направлялась по водоразделу между долинами рек.

Оба отряда следовали в одном направлении и все время были в пределах взаимной видимости. В конце маршрута, рассчитанного на четыре-пять дней, отряды должны были встретиться на ближайшем лабазе, чтобы обменяться полученными результатами, запастись продовольствием и договориться о нашем дальнейшем продвижении.

В маршруты мы обычно уходили пешком на пять—десять дней и потому несли на себе все необходимое для жизни и работы: снаряжение, продовольствие, образцы горных пород, поисковые пробы и другие материалы, а также прихватывали палатку, спальные мешки, примус и даже стойки для палаток...

Нагрузка на плечи одного человека зачастую превышала допустимые пределы, но никто не роптал, ибо другого выхода не было.

Особенно трудно было преодолевать с тяжелым грузом на плечах широкие долины и заболоченные низменности... Высокие травяные кочки и вязкий мокрый глинистый грунт в ямках между ними не давали для ног устойчивой опоры... Человека бросает в таких местах из стороны в сторону... Он часто оступается, вязнет в глине, спотыкается...

Прибавьте ко всему этому режущую боль от ремней рюкзака, полевой сумки, бинокля, фотоаппарата, ружья... Полумрак и духоту под мокрым от пота накомарником... Тучи кровожадных насекомых... Набухшую и полную воды тяжелую обувь...

Нет, не напрасно среди геологов называлась такая тундра могильником. Это был тяжелый и изнурительный труд, который могли выдержать только физически крепкие и нравственно сильные люди...

Может быть, так казалось только мне одному. Ведь это был мой первый тундровый маршрут. А первый маршрут всегда самый трудный. Потом втягиваешься в работу, организм привыкает к перегрузкам, и трудностей почти не замечаешь. К тому же в первый маршрут всегда берешь с собой много лишнего, ненужного...

Потом, когда уже набрались опыта, мы совсем отказались от громоздких и тяжелых палаток и от меховых спальных мешков.

Вместо спальных мешков брали с собой легкие брюки из короткого оленьего меха (неблюя), меховую рубашку из пыжика и меховые носки. А палатку нам вполне заменял легкий бязевый полог... Не брали мы собой даже стойки для полога. Вместо них использовали всегда находившиеся при нас геологические молотки, ружья и лопаты.

Словом, в разгар полевых работ мы ходили в маршруты почти «налегке», и все же у каждого на плечах было не меньше 30—40 килограммов груза.

Весь груз, который приходилось носить с собой, распределялся с учетом сил и возможностей каждого. Я уже

считал себя физически крепким человеком — ревматизм и порок сердца не выдержали чукотского климата и оставили меня. Вероятно, таинственные защитные силы организма победили болезни. И я, как более сильный, не стеснялся перегружать себя. И вот в самый разгар напряженной работы у меня произошел разрыв мышц брюшной полости, а попросту — «заработал» грыжу.

Болезнь для меня была новой, и, как избавиться от нее, я не знал. Научился только заправлять обратно в полость живота ту часть кишечника, которая выдавливалась. Этим приходилось заниматься часто в течение дня, через каждые три-пять километров пути. При каждом сеансе самоврачевания я должен был почти становиться на голову и в таком положении устранять «неисправность». Процедуры были, конечно, болезненными, но пришлось привыкать. Привыкли к ним и мои спутники. Шутки и смех служили хорошей разрядкой от физического и духовного перенапряжения, но, откровенно говоря, в душе мне было не до шуток... Я знал, что существует опасность ущемления грыжи, а это — верный конец...

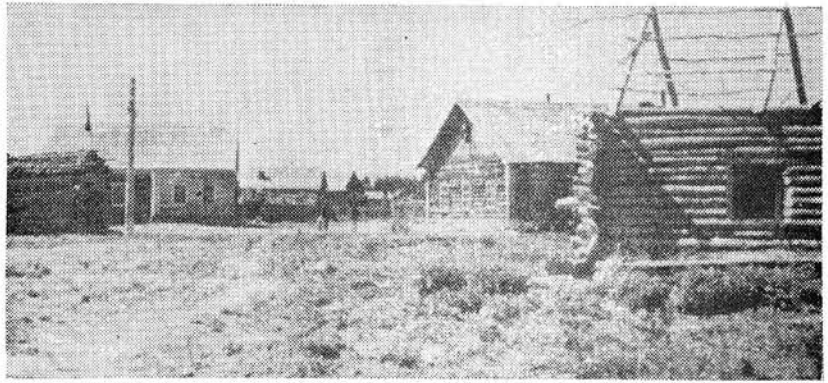
До ближайшего пункта, где могла быть оказана медицинская помощь, не менее двухсот километров, и у нас нет никаких средств сообщения или связи с внешним миром. Но так уж случилось, что и эта болезнь исчезла сама собой, и потому я окончательно уверовал в благотворные, врачующие силы труда и большого напряжения воли.

В конце первого нашего маршрута мы опять собрались все вместе. Это было в долине речки Нанаваам (Телетагин).

Местных жителей мы не встречали в этом районе, поэтому названия придумывали сами. Речка Нанаваам была так названа Петей Чепским с «секретом»: Нана — имя любимой девушки, которая осталась у него в Одессе, ну а «ваам» по-чукотски — река. А в общем походи-

Владимир Алексеевич Титов, в 1938 году руководил Верхне-Сеймчанской геологопоисковой партией. Фото 1970 года.

Контрольный замер разведочных шурфов. 1939 год.



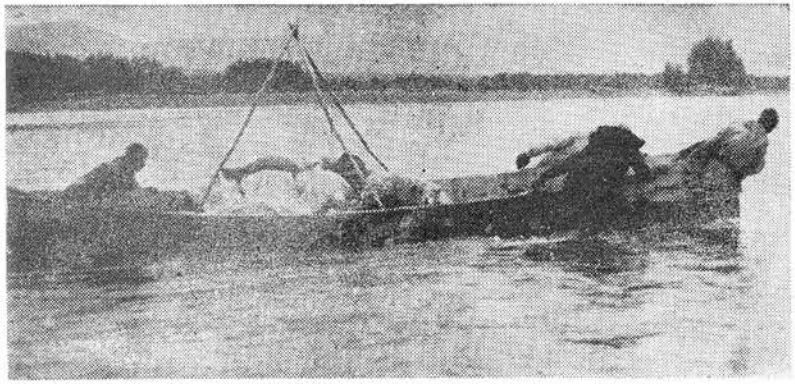
Село Марково. 1940 год.

Комсомольский субботник на прииске Оротукан. 1939 год.

Федор Боев, Петр Чепский, Спиридон Решетников и Леонид Михайлович Попов (слева направо). 1939 год.

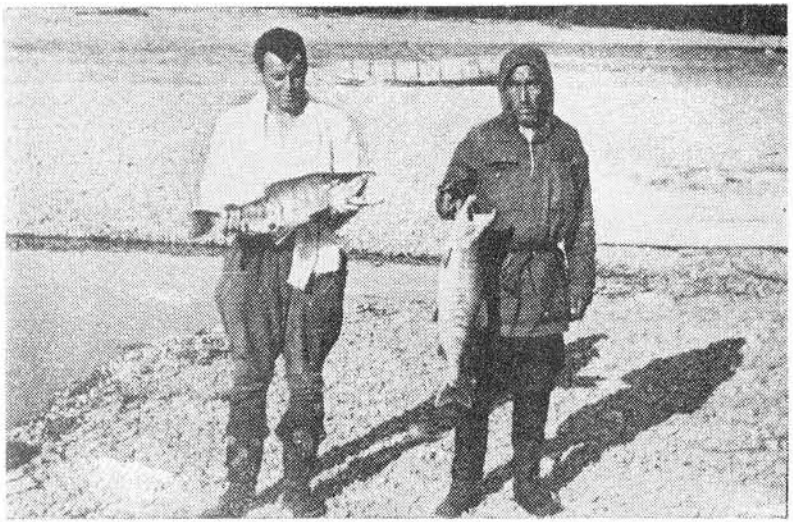
Рахмет Махмутович Даутов. Фото 1940 года.

Топограф Г. Н. Лапин с вулканической бомбой в руках. Фото 1940 года.



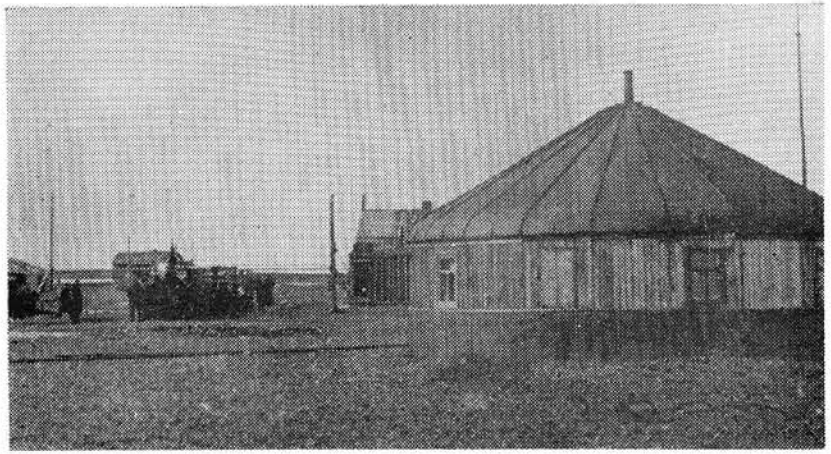
Так приходилось преодолевать быстрину на перекатах. 1940 год.

Г. Б. Жилинский и Фома Алин с пойманными лососями. 1940 год.



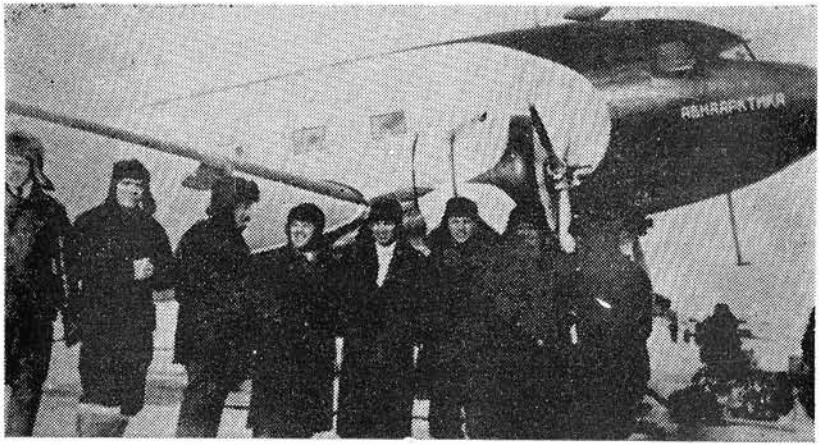
Так ведутся поиск и геологическая съемка. Справа Любовь Михайловна Шульц. 1940 год.

Снимок на память (слева направо): Г. Б. Жилинский, Долганский, Дилянский, Фома Алин, Костя Чаин, Иван Чаин и Дарья Чаин. 1940 год.



Певек в 1940 году.

Прибытие каждого самолета в Певек было большим праздником для жителей далекого поселка. Стоят (слева направо): Лапин, Контев, Гусев, Григорьев, Свентицкий, Тарасов, Галев, Даутов. 1942 год.



Иван Николаевич Зубрев — главный инженер Чаун-Чукотского горного комбината. Фото 1943 года.

В чукотской яранге на берегу бухты Амбарчик. Крайний справа А. В. Андрианов — один из пионеров геологического изучения Чукотки. 1944 год.

ло на чукотское название. Лишь много лет спустя кто-то из геологов узнал чукотское название этой речки — Телетагин. Но, возможно, и это название тоже с «секретом», как знать?.. Ведь осталась же на географических картах Колымы сопка Краузегаля, названная мною с таким же секретом.

Мы не знали тогда, что название речки Нанаваам — небольшого притока реки Тамнеквеем, впадающей в Кевеем, будет потом часто повторяться в геологических отчетах, звучать в наших устах и даже войдет в историю как первое месторождение золота на Чукотке.

Вскоре после начала работ в шлиховых пробах, взятых в долине речки Нанаваам, мы обнаружили присутствие оловянного камня и золота. Сразу же созрело решение: надо детально и более внимательно обследовать всю долину реки.

С нетерпением дождались следующего дня и раньше обычного приступили к работе. Медленно продвигаясь вверх по долине, ведем шлиховое опробование речных отложений и с каждой пробой все больше и больше убеждаемся, что первые результаты не были случайными... В каждой пробе после промывки оставался тяжелый черный шлих, состоящий из довольно крупных кристалликов касситерита. Иногда в нем поблескивали матово-желтые крупинки золота.

К концу дня мы добрались до истоков речки Нанаваам и окончательно убедились, что в ее долине нами открыты вполне хорошие россыпи олова и золота. В пробах, взятых с поверхности и из неглубоких шурфов, нередко попадались крупные, почти неокатанные рудные гальки с касситеритом, свидетельствовавшие о том, что где-то вблизи должно быть коренное месторождение олова. Труднее было предположить возможность открытия месторождений золота, так как условия опробования были плохими и в пробах, взятых с поверхности речных

отложений, встречались преимущественно мелкие знаки золота, а глубоких шурфов мы пройти не могли из-за обильного водопритока.

Сразу же было установлено, что касситерит в долину речки Нанаваам выносился в основном из ее правого истока, а золото — из левого, названного нами именем Марины Расковой, известной советской летчицы. Открытие нового перспективного оловоносного района и установление повышенной золотоносности его речных долин всех нас очень обрадовало. Усталость исчезла сама собой, и мы с удесятеренной энергией взялись за работу, которой теперь стало значительно больше. Предстояло не только выполнить задание по геологической съемке и поискам, порученное нам на весь сезон, но и попытаться более детально изучить открытые месторождения.

Решаем зайти на ближайший лабаз, чтобы запастись продовольствием и разгрузиться от проб и тяжелых образцов горных пород. Пока поднимались на перевал, погода резко переменилась. Низко над землей поползли темные тучи, заморосил дождь, пошел снег. Промокшие и уставшие, уже несколько часов бредем к месту, где были оставлены железные бочки с продовольствием. Несмотря на туман, снег и дождь, место нашего лабаза отыскали сразу, но бочек там не оказалось. Попались обрывки проволоки, которой были связаны вместе три двухсоткилограммовые бочки, деревянный шест, который был укреплен над бочками, но бочек нет нигде. Тщательно обследовали ближайшие окрестности в надежде обнаружить хотя бы одну из бочек, но так ничего и не нашли...

Голодные, совершенно промокшие и окончательно продрогшие, лишенные возможности обсушиться и отдохнуть, опять вынуждены были отправиться в путь — на нашу главную базу.

После очень утомительного почти тридцатикилометрового перехода показались наконец долгожданные палатки... Подходим ближе и не можем узнать наш «дом»... Палатки разорваны, имущество разбросано... Всюду следы погрома...

Но на этот раз погромщики не успели унести с собой все. Вероятно, мы им помешали.

Нам не составило большого труда установить, кто это сделал,— на палатках красовались их автографы — отпечатки лап бурых медведей.

Забегая вперед, скажу, что и второй наш лабаз, завезенный в верховья реки Этапваам, тоже оказался разграбленным. Но там мы все же нашли одну бочку. Медведи укатили ее почти за километр, и все содержимое в ней превратилось в месиво из муки, махорки, сахара, мыла, соли, галет, спичек, керосина.

Весь труд по организации продовольственных баз оказался напрасным. Нам пришлось работать, базируясь только на основной лагерь, а потерю продовольствия компенсировать охотой. Так возникли дополнительные трудности, которых мы не предвидели, но с которыми нельзя было не считаться.

Отдыха опять не получилось. Взялись за ликвидацию последствий погрома... Починили изорванные палатки, перебрали имущество и продукты. Вновь привели лагерь в надлежащий вид и стали собираться в маршрут.

Втайне каждый из нас надеялся рассчитаться с грабителями, да и не мешало запастись медвежатиной. Случая не пришлось долго ждать...

Утром следующего дня мы увидели, что по направлению к лагерю не спеша идет огромный медведь. Все наши огневые средства моментально были приведены в боевую готовность.

Вероятно, зверь все же почувствовал недоброе и свернул в горы. Он поднялся на склон сопки и прилег там отдохнуть. Пришлось изменить первоначальную стратегию и самим пойти на сближение.

Медведь дремал, и мы с Виктором смогли подкрасться к нему метров на тридцать-сорок. Прицельный выстрел из мелкокалиберного винчестера, с которым я никогда не разлучался в своих скитаниях по Чукотке, принес нам отличный охотничий трофей. Но тут произошло неожиданное...

Мне захотелось запечатлеть себя с этим трофеем для потомков. Было это недалеко от лагеря, и я посылаю Виктора за рабочими, чтобы они помогли отнести зверя в лагерь, и прошу его прихватить с собой фотоаппарат, а сам остаюсь стеречь добычу.

Вот уже возвращается Виктор. С ним Костя и рабочие. Они медленно поднимаются в гору.

Меня осеняет озорная идея. А что, если я сейчас сяду на медведя? Пусть знают наших!.. Сказано — сделано. Осторожно подхожу к зверю (огромный медведь страшен даже мертвый, особенно если с ним один на один) и, браво подбоченясь, опускаюсь на еще теплую тушу. И тут вдруг медведь зарычал... Меня как ветром сдуло. Без оглядки лечу с горы. Пулей пролетаю мимо приближающихся людей и только тогда останавливаюсь. У меня, вероятно, был такой вид, что товарищи испуганно смотрят, ничего не понимая. А я и сам еще не понял, что же произошло.

Постепенно, когда пришел в себя, сообразил. Опускаясь на убитого медведя, я своей тяжестью выдавил из его груди воздух, который, выходя из горла, и произвел рыкоподобный звук. Я же подумал, что медведь ожил...

В напряженном труде быстро пролетели дни. К концу июля основное задание было выполнено, и я стал собираться в Певек, чтобы успеть с последними пароходами выехать с семьей в отпуск на Большую землю.

В задании было предусмотрено, что я заканчиваю работу на месяц раньше, передаю партию Косте Дзахову и в первых числах августа возвращаюсь в Певек.

Мы опять собрались на главной базе. Привели в порядок все полевые материалы, подвели итоги. Наметили программу дальнейших работ. Составили информационную записку.

К этому времени мы уже хорошо изучили район, особенно восточную его часть, где расположены Тамнекваньские горы и где были открыты новые месторождения олова и золота. Несколько хуже изученной оказалась западная часть района — бассейны рек Ватапваам и Этапваам, куда мы смогли сделать всего несколько маршрутов. Но в целом результаты работ оказались хорошими, и мне было приятно возвращаться в Певек, имея при себе пробы с богатым содержанием касситерита и золота.

Наконец наступил день расставания с друзьями. Они нагрузили меня письмами к родным на «материк», снабдили их адресами...

В путь отправился один. Хотя предстояло пройти около двухсот километров, но дорогу я знал хорошо, и такое путешествие меня не пугало. Однако северная погода, в чем мне потом не раз пришлось убедиться, полна неожиданных сюрпризов.

И на этот раз на перевале из бассейна реки Ватапваам в Млелювеем меня застигла настоящая пурга.

Местность сразу сделалась неузнаваемой. Низко опустились серые тучи и поползли почти по самой земле. Крупными хлопьями повалил мокрый снег. Закружил и задул со всех сторон ветер. На расстоянии двухсот шагов уже невозможно было что-либо различить. Ориентироваться стало трудно, и я сбился с пути.

Проблуждав около суток, все же вышел к знакомому озерку, что на водоразделе Млелювеема с Ватапваамом, и вскоре спустился в долину реки Умкарыннет. Здесь должен был работать поисковый отряд Кости Ермолаева. Я издали увидел их палатку, но хозяев не застал —

все были в маршруте. Позаимствовав у Кости продуктов и переночевав в его спальном мешке, оставляю записку и отправляюсь в дальнейший путь.

До прииска «Красноармейский» добрался только на третьи сутки. Утомительный переход благополучно завершен. В рюкзаке ценные результаты нашей работы. Впереди — долгожданный отпуск, скорое свидание с родными, друзьями...

С хорошим настроением, позабыв про усталость, недавние блуждания в пургу, я переступил порог лачуги Феди Свентицкого, техника-геолога, работавшего тогда на прииске. Выпалил с порога ему все свои новости и жду, что сейчас он засыпет меня вопросами, будет интересоваться подробностями. А Федя как-то сразу помрачнел и говорит мне:

— Ты что, с ума сошел или действительно ничего еще не знаешь. Война идет...

— Какая война? Кто воюет?

— Мы воюем. Уже второй месяц... Фашисты напали на нас. Жмут, гады, на всех фронтах от Черного до Белого моря... Так-то вот! Об отпуске забудь. Торопись в Певек — там все узнаешь.

Вот так неожиданно и только в августе я узнал о Великой Отечественной войне... И это в наш-то двадцатый век! Век радио, авиации... Видимо, не до нас было в Певеке, иначе послали бы нарочного. Могли, наконец, даже сбросить вымпел с самолета... Впрочем, что бы от этого изменилось?

Сразу же вспомнил о своих товарищах, оставшихся там — в тундре. Для них все еще был мир... А ведь у Галева семья в Белоруссии, у Чепского все родные на Украине, в Одессе... Что с ними? Где они? Может быть, не успели эвакуироваться...

Надо спешить в Певек — там семья, товарищи, связь с внешним миром...

Пока мы ехали в Певек, выяснилось, что за лето я «потерял» пять суток. Все мои спутники утверждали, что сегодня восьмое августа, а на моем «календаре» было только третье.

Летом на Чукотке круглые сутки светло, и если погода пасмурная, то ночь ото дня никак не отличишь. А пасмурные дни за Полярным кругом не редкость. Часто целыми неделями моросит мелкий дождь, иногда идет мокрый снег. Серые косматые тучи спускаются прямо на землю и, вал за валом, ползут, гонимые ветром, по тундре.

В такую погоду в маршруты ходить нельзя. Вот и отсиживаешься под пологом или в палатке. Бывало, проснешься, выглянешь из палатки — дождь, снег. Ну и опять «добираешь». Иной раз посмотришь и на часы. Они исправно передвигают стрелки по циферблату, но ведь часов с календарями тогда еще не придумали. Вот и гадаешь: день сейчас или ночь. Когда же прояснится, покажется солнце, тогда только узнаешь, что сейчас день, а не ночь. А уж какой день по счету — трудно сказать. Бывало, соберемся после долгих маршрутов на базе и начинаем спорить, какое же сегодня число. У всех выходит по-разному.

Теперь такое, вероятно, не случается...

Певек поразил меня большими переменами, которые произошли здесь за последние месяцы. Всюду были видны строительные площадки. На рейде и у причалов стояли огромные океанские корабли, преимущественно лесовозы. Они везли игарский лес, предназначавшийся для Англии, но морские пути в Европу были отрезаны, и их повернули на восток и разгружали в портах арктического побережья, где строительный лес всегда считался дефицитным материалом. Певеку в этом смысле повезло — строители получили десятки тысяч кубических метров прекрасных пиломатериалов. Порт не справлялся с пе-

ревалкой такой массы грузов. Лес разгружали прямо в море — в отгороженное плотами («боном») прибрежное пространство.

В поселке было большое оживление. Всюду сновали грузовики и тракторы. Пыльно, шумно. Везде шла кипучая работа. На домах висели огромные аншлаги: «Все для фронта — все для победы!». Сразу чувствовалось, что жизнь вошла в другую, военную колею.

Вместо РайГРУ уже был организован горнопромышленный комбинат, который возглавил Василий Иванович Дятлов — тоже геолог, работавший до этого на Колыме. Иван Николаевич Зубрев стал главным инженером комбината, а обязанности начальника геологоразведочного отдела временно исполнял Николай Николаевич Сочеванов...

Разговор с руководителями комбината был короткий. Никаких отпусков. Все кадры закреплены до конца войны. Людей не хватает. Комбинат дает дефицитное стратегическое сырье, очень нужное оборонной промышленности. Потому наша главная задача — быстрыми темпами увеличивать оловодобычу, наращивать производственные мощности горных предприятий, непрерывным потоком отправлять продукцию на металлургические заводы страны.

— У вас хорошие результаты,— сказал мне Иван Николаевич Зубрев.— И олово и золото сейчас очень нужны стране. Возвращайтесь в свою партию и постарайтесь в оставшееся до зимы время выяснить промышленную ценность новых россыпных месторождений, а заодно и попытайтесь найти коренные месторождения.

— Кстати,— добавил Иван Николаевич,— мы можем помочь вам транспортными средствами. В Певек завезли лошадей. Получите четырех коней, возьмите с собой еще одного рабочего и отправляйтесь в путь-дорогу...

Через день мы уже в пути... Лошади навьючены фу-

ражом и продовольствием, а мой рюкзак — письмами и газетами. Я вез подшивки газет за все дни с начала войны и письма, пришедшие моим друзьям с «материка»...

Настроение было хуже всякого... Ведь вез я товарищам печальные новости.

На лошадях мы быстро добрались до места. Моего возвращения не ждали, потому были очень удивлены. Когда же я сообщил товарищам о войне, тревога охватила каждого. Жадно набросились они на письма, газеты, сразу притихли, и на какое-то время каждый остался наедине со своими думами.

Потом я сказал товарищам о задачах, поставленных перед тружениками тыла, перед горняками Чукотки, перед нами — геологами, передал просьбу руководителей Чаун-Чукотского горнопромышленного комбината о форсировании геологоразведочных работ...

Я понимал, что сейчас лучшее лекарство от тяжелых дум, тревог, душевных переживаний — напряженная работа. Поэтому мы тут же договариваемся о перебазировании лагеря в верховья речки Нанаваам и о развертывании поисково-разведочных работ на выявленных россыпях и в ближайших к ним окрестностях.

Вскоре пришлось убедиться, что личные тревоги и личное горе не затмили в моих товарищах общественного долга, гражданского самосознания, горячего патриотизма и любви к Родине. Никто не причитал по поводу случившегося, все мужественно встретили общую беду и работали с удесятеренной энергией.

В оставшиеся считанные дни до наступления зимы мы успели определить приблизительные контуры комплексной золото-оловянной россыпи в долине речки Нанаваам и золотой россыпи в долине ключа имени Марины Расковой (ручей Извилистый). Нам удалось найти и коренное оловорудное месторождение, которое мы назвали Кукенейским.

В верховьях ручья Извилистого мы заложили несколько разведочных шурфов, и в одном из них нам попались золотые самородки. Правда, они были меньше копеечной монеты, но зато это первые самородки золота, найденные в Чаунском районе... С них, по сути, началась научная проблема, изучение которой, в конечном счете, привело к открытию золотых россыпей Чукотки.

Кроме олова и золота, мы нашли также небольшие рудопроявления вольфрама, молибдена и полиметаллов. Было ясно, что наши открытия не случайны и поиски в этом районе надо продолжать. Так на карте появился новый Тамнеквуньский олово-золотоносный рудный узел и было доказано, что оловоносны на Чукотке не только прибрежные районы, но и районы, расположенные в глубине полуострова. Определилась целесообразность проведения геологических поисков еще дальше на восток от нашего района — в бассейнах рек Пегтымель и Кувет и к югу — в верховьях рек Ичувеем и Паляваам. Впервые после находок Р. М. Даутова нам удалось получить обнадеживающие данные о золотоносности Чаунского района.

В зимний камеральный период нужно было внимательно изучить и проанализировать новые факты и сделать из них правильные выводы как научного, так и практического значения — для рационального направления дальнейших геологопоисковых и геологоразведочных работ.

Лошади облегчили наше возвращение с полевых работ, и в канун годовщины Октября мы уже были в Певеке.

Так закончился полевой сезон сорок первого года — первого года Великой Отечественной войны, принесший нам как радость открытия месторождений олова и золота, очень необходимых сейчас стране, так и много горя, людских тревог и страданий, вызванных фашистским нашествием.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЗОЛОТО

Осенью сорок первого года, когда наша Верхне-Кевеемская геологорекогносцировочная партия возвратилась в Певек, война уже на все наложила свой отпечаток...

Суровее стали люди. Общее и личное горе они старались заглушить в напряженном и самоотверженном труде во имя грядущей победы. Каждый работал за двоих и троих, не считаясь со временем, трудностями и здоровьем. Но этого, казалось, мало. Угнетало сознание пребывания в глубоком тылу. Многие стремились на фронт, но редко кого отпускали. Надо было ковать оружие победы и здесь, на трудовом фронте, в тылу. Тем, кто уезжал на фронт, завидовали. Их провожали с особой теплотой. Наказывали безжалостно бить фашистов...

Неузнаваемо изменилась жизнь в Певеке. Днем и ночью кипела напряженная работа в порту. Короткая арктическая навигация была на исходе. Ледовая обстановка на море ухудшалась с каждым днем. Нависла угроза оказаться судам в ледовом плену. А в трюмах кораблей все еще было много грузов...

Все взрослое население Певека работало в порту.

Только в конце сентября ушли наконец последние корабли, но аврал в порту еще долго не прекращался.

Узкая галечная коса, на которую разгрузили суда, была вся завалена грудами мешков и тюков, штабелями бочек, ящиков и досок, кучами угля и кирпичей, огромными контейнерами с горными механизмами и другими грузами. Надо было успеть до начала осенних штормов

разобрать и уложить все это богатство, извлечь из бухты тысячи кубометров леса и пиломатериалов, разгруженных в спешке прямо в воду.

Складских помещений в порту было мало, а все ценности надо сберечь. Вот почему аврал не прекращался до тех пор, пока все грузы надежно не укрыли от непогоды.

Благополучное завершение морской навигации и хороший завоз необходимых грузов имели решающее значение для развертывания строительства горнопромышленных предприятий.

Первенцы оловодобывающей промышленности Чукотки — прииск «Красноармейский» и рудник «Валькумей» быстрыми темпами наращивали свои производственные мощности. Добыча олова увеличивалась день ото дня.

Корабли, покидавшие осенью сорок первого года причалы певекского порта, уже увозили в своих трюмах тяжелые железные бочки, наполненные превосходными оловянными концентратами — первой продукцией оловодобывающей промышленности Чукотки. Значение этого факта трудно переоценить. Чукотка начала давать металл для оборонной промышленности. А это так важно, ибо потребность в олове во время войны стала колоссальной. Своего олова тогда у нас в стране не хватало. Дефицит покрывался импортом олова из Англии.

Но фашистский флот перерезал морские пути в Северной Атлантике, и доставлять олово из Англии стало невозможно.

Чукотское олово, таким образом, превращалось в важный фактор грядущей победы.

Ушли корабли. Закончился аврал в порту. Жизнь постепенно начала входить в обычное русло военного времени.

С переходом на зимние квартиры я опять включился

в комсомольскую работу, которая стала более напряженной и разнообразной.

Но особое внимание приходилось уделять своей основной работе — обработке полевых материалов и составлению геологического отчета о результатах исследований Верхне-Кевеемской геологорекогносцировочной партии.

Наши данные об оловоносности района Тамнеквуньских гор были новыми. Они представляли несомненный интерес, но по сравнению с другими оловоносными площадями Чукотки (Пыркакайской, Куйвивеемской, Иультинской и Певекской) этот район выглядел менее перспективным, к тому же он оказался наиболее удаленным от обжитого побережья и труднодоступным. Месторождение россыпного олова речки Нанаваам, по нашим первым поисковым данным, вырисовывалось как промышленное, хотя конкурировать с ценными россыпями Пыркакайской долины оно не могло. Но в районе Тамнеквуньских гор мы выявили признаки повышенной россыпной оловоносности и в других долинах, открыли Кукенейское оловорудное месторождение, установили оловоносность гранитного массива. Район заслуживал более детального изучения, и против этого никто не возражал.

Если в отношении олова все было ясно, то совсем иначе обстояло дело с золотом. Этот факт хотелось бы подчеркнуть особо, ибо он в дальнейшем сыграл важную роль.

Золото часто встречалось в наших пробах, но преимущественно в небольших количествах — в «знаках», как в этом случае принято говорить. Знаки золота отмечались в пробах и в других районах Чукотки. К пробам со знаками золота привыкли и на них перестали обращать внимание как на поисковый признак. Кроме того, к началу сороковых годов, с легкой руки геологов Арктического института, о Чукотке укоренилось мнение как об оловоносной провинции, где золота нет и не может быть.

Интересно, что даже много лет спустя, когда на Чукотке уже работали золотые прииски, один из приверженцев таких взглядов Марк Исидорович Рохлин писал, что установленное им когда-то сходство чукотских пород с породами таких оловоносных районов, как Восточное Забайкалье и Восточное Верхоянье, «...для науки было гораздо ценнее, чем не подтвердившееся сходство с Аляской...»[1].

Имея уже некоторый опыт работы в золотой промышленности на Колыме, я более осторожно и без предвзятого отношения подошел к оценке полученных нами данных о золотоносности бассейна реки Кевеем. Приняв во внимание исключительно неблагоприятные условия опробования речных отложений и установленное нами закономерное увеличение содержаний золота в более глубоких горизонтах аллювия, я пришел к выводу о том, что наши данные о золотоносности речки Нанаваам и ключа Марины Расковой представляют практический интерес — здесь должны быть промышленные россыпи золота.

Этот вывод подтверждался двумя богатыми пробами, взятыми в верховьях ключа Марины Расковой и в долине ключа Опасного. Размер отдельных золотин достигал пяти миллиметров — это, по существу, небольшие золотые самородки. Такие пробы на Чукотке до нас никто не намывал.

Было ясно, что в долине ключа Марины Расковой следует предполагать наличие промышленной золотой россыпи, а значит, поиски золота там надо продолжать.

Руководители Чаун-Чукотского горнопромышленного комбината — все кадровые работники Дальстроя — Василий Иванович Дятлов и Иван Николаевич Зубрев согласились с моими выводами, и вопрос о продолжении поисковых работ на золото и олово в Тамнеквуньском районе был решен положительно. На сорок второй год утвердили запроектированную мною детальную Тамнеквуньскую геологопоисковую партию, которую опять поручили возглавить мне.

[1] М. И. Рохлин. Чукотское олово. Магадан, 1959.

Так нежданно-негаданно я оказался у самой колыбели появившейся на свет проблемы золотоносности Чукотки...

При составлении технического проекта партии и подготовке к полевым исследованиям я решил досконально изучить все материалы, затрагивающие эту проблему.

Всю зиму читал и перечитывал геологические отчеты поисковых партий, разыскивал архивные и литературные материалы по истории геологического изучения Чукотки, просматривал первичные геологические материалы — собирал по крупицам еще немногочисленные и разрозненные данные о золотоносности Чукотки.

И вот что мне удалось тогда установить.

Поиски полезных ископаемых на Чукотке начались **именно с золота.** Толчком для этого послужили сообщения об открытии на соседней территории Аляски богатейших россыпей. Золотая лихорадка, охватившая в конце прошлого века Аляску, побудила некоторых предприимчивых золотоискателей попытать счастье в соседней стране. Американские проспекторы хлынули на Чукотку. Обеспокоенное этим царское правительство России в 1900 году сначала запретило проведение на Чукотке частных поисково-разведочных и горных работ, но тут же предоставило исключительное право на поиски и добычу золота известному русскому предпринимателю В. М. Вонлярлярскому.

Организованное им Русско-Американское акционерное общество просуществовало до 1909 года и за это время успело снарядить на Чукотку несколько золотопоисковых экспедиций.

В 1900 году на Восточной Чукотке от этого общества проводил поиски золота геолог К. И. Богданович. В 1901 году — геолог Д. В. Иванов, в 1903 году — геолог И. А. Корзухин. Все они обнаружили присутствие золота в береговых косах и в долинах некоторых рек, но оказалось его мало, и россыпи промышленного значения не имели.

В 1906 году американским проспектором французом Е. Надо была открыта первая небогатая промышленная россыпь вблизи Анадыря, в долине речки Волчьей. Здесь в 1906—1908 годах американские проспекторы организовали прииск «Дисковери» и за три года хищнически добыли около 160 килограммов золота.

В 1909 году общество Вонлярлярского распалось, но по следам его Геологический комитет направил в 1912 году в бассейн речки Волчьей экспедицию во главе с геологом П. И. Полевым. Эта экспедиция никаких новых россыпей золота не обнаружила.

В 1910—1914 годах в бассейне речки Волчьей работала экспедиция треста «Лензолото», которую возглавлял геолог И. А. Юферов, но и она богатых россыпей золота не нашла.

Планомерное геологическое изучение территории Чукотки началось лишь в советское время, причем с самых первых шагов советские геологи, исходя из уже имевшихся данных и учитывая территориальную близость Чукотки к золотой Аляске, считали этот край заведомо золотоносным и уделяли много внимания поискам здесь золотых россыпей, особенно на Восточной Чукотке, где уже в 1928—1930 годах успела побывать первая золотопоисковая экспедиция Акционерного Камчатского общества (АКО). Экспедицию АКО возглавлял геолог В. В. Купер-Конин. Им были заново разведаны россыпи речки Волчьей. Они оказались бедными, непромышленными.

В 1930 году в районе залива Креста и Колючинской губы работала экспедиция треста «Союззолото» под руководством геолога Иванченко, который пришел к выводу о бесперспективности поисков золота в этом районе.

История геологического изучения Чукотки свидетельствует о том, что все экспедиции, направлявшиеся сюда, ориентировались в основном на поиски золота. И это было закономерно, так как признаки золотоносности здесь обнаруживались повсеместно. Не удавалось только обнаружить богатые россыпи.

Ошибка первых советских геологов, как и их предшественников, заключалась в том, что они, не зная особенностей геологического строения Чукотки, искали золото в непосредственной территориальной близости от Аляски — на берегах разделяющего Чукотку от Аляски Берингова пролива и, не обнаружив там богатых россыпей, уже не пытались или не могли заглянуть в более удаленные районы, такие, как Чаунский или Восточно-Тундровский.

Любопытно отметить, что еще в тридцатые годы некоторые партийные и советские руководители Дальневосточного края уже располагали сведениями о богатой золотоносности этих районов.

Так, например, на состоявшейся в Анадыре в 1932 году Первой Чукотской окружной партийной конференции председатель оргбюро Далькрайкома ВКП(б) по Чукотскому национальному округу М. Целоусов в своем докладе говорил:

«...Мы несомненно имеем большие залежи такого металла, как золото. Я нисколько не сомневаюсь в том, что у нас будет второй Алдан.

Особое внимание нужно будет сосредоточить на Восточно-Тундровском районе...»[1]

---

[1] Г. Рощупкин.— «Советская Чукотка», 1970, № 249.

Свою убежденность в том, что Чукотка будет золотой, М. Целоусов обосновывал рассказами местных жителей о находках золота по рекам Омолон, Большой Анюй, Малый Анюй, Бараниха и другим речкам указанного района.

Но об этом я еще тогда не знал, хотя Фома Алин, коренной житель поселка Еропол, в сороковом году рассказывал что-то похожее про верховья рек Анадырь и Малый Анюй.

К началу тридцатых годов после неудачных поисков золота экспедициями АКО и Союззолота интерес к полезным ископаемым Чукотки заметно снизился, но через два-три года неожиданно опять возрос в связи с началом освоения Северного морского пути, и это создавало благоприятные предпосылки для развертывания на Чукотке геологических исследований.

С 1933 по 1938 год на территории Чукотского национального округа Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП) были развернуты планомерные геологические исследования и поиски месторождений полезных ископаемых. Работавшими в это время на Чукотке геологами С. В. Обручевым, В. И. Серпуховым, Б. Н. Елисеевым, В. А. Вакаром, В. Г. Дитмаром, М. И. Рабкиным, А. В. Андриановым, Н. И. Сафроновым, А. П. Никольским, Ю. А. Одинцом, Н. И. Тихомировым, В. И. Малиновским, В. Н. Миляевым, М. Л. Молдавским, Г. Л. Вазбуцким, Б. Н. Ерофеевым и другими было открыто несколько богатых месторождений олова (Валькумей, Иультин, россыпи Пыркакайской долины и Куйвивеема и другие), и во многих шлиховых пробах были обнаружены знаки золота, свидетельствовавшие о том, что золото на Чукотке есть и его надо искать.

Любопытно отметить, что одна из наиболее крупных геологических экспедиций была в 1934 году направлена Главным управлением Северного морского пути на Чукотский полуостров, самую восточную часть Чукотки, с заданием искать золото. Одной из геологических партий этой экспедиции руководил А. В. Андрианов. Золота они не нашли, но в причинах отсутствия его рядом с золотой Аляской не разобрались, и именно это обстоятельство, по моему мнению, в дальнейшем привело Андрианова к ошибочному неверию в возможную золотоносность других районов Чукотки.

Блестящие результаты поисковых работ геологов Главсевморпути на олово на некоторое время отвлекли внимание геологов от золота, но все же и в этот период «оловянной лихорадки» некоторые геологи уже обращали внимание и на золото. Они в своих отчетах рекомендовали участки для более детальных поисков золота.

Одним из первых это сделал геолог В. А. Вакар, положительно оценивший в 1935 году район рек Большого и Малого Анюев по золоту. Геолог Ю. А. Одинец в 1936 году установил повышенную золотоносность речных отложений долины реки Амгуэмы и рекомендовал провести разведку золотой россыпи на так называемом «Участке скал» — ниже слияния рек Якитики и Амгуэмы.

Что же касается событий после 1938 года, когда все геологические исследования на Чукотке возглавил Дальстрой, я был уже в курсе их, так как с 1940 года сам стал непосредственным их участником (с 1938 по 1940 год происходила в основном только реорганизация геологической службы на Чукотке. Небольшие работы проводились лишь на открытых оловянных месторождениях).

Весной 1940 года в Певек была направлена первая большая группа геологов с Колымы: Р. М. Даутов, Г. Б. Жилинский, А. К. Курилик, К. А. Пузик, К. П. Ермолаев, Ф. А. Свентицкий и другие. В основном это были молодые геологи, но некоторые из них уже имели опыт работы на золотых приисках и в золотопоисковых и золоторазведочных партиях. Тогда же на Чукотку была на-

правлена группа опытных «золотарей» — промывальщиков из числа бывших золотоискателей и старателей, замечательных специалистов своего дела, в совершенстве владевших промывочным лотком и умевших безошибочно выбирать наиболее благоприятные места для взятия поисковых проб из речных отложений. Среди них были и такие, как шестидесятисемилетний Феликс Томасович Чеховский, исколесивший за свою долгую жизнь с лотком в руках все Забайкалье, Алдан и Колыму, который своим энтузиазмом золотоискателя и влиянием на поисковиков во многом содействовал открытию золота на Чукотке. Впоследствии об этих людях М. И. Рохлин писал: «...это был опытный народ. Они смело брались за дело, шли в тайгу, в тундру, в долины неизведанных ключей и распадков, к подножию безлюдных сопок, чтобы поставить там первую палатку, вбить в мерзлую землю первый колышек, где потом вырастали прииски и поселки. Они научились бороться с суровой природой колымского Севера и побеждать ее...»[1]

И совершенно не правы были те, кто утверждал, что на Чукотке до их приезда в 1947 году «...не было геологов, знающих поиски и разведку месторождений золота, хотя рядом была золотая Колыма с ее многочисленными опытными «золотарями», которые считали, что на Чукотке им делать нечего...»[2].

Мне лично на Чукотке повезло в том отношении, что моими ближайшими помощниками в работе всегда были очень квалифицированные «золотари» прорабы-поисковики и промывальщики, с некоторыми из них я работал до этого еще на Колыме, когда был старшим геологом золотых приисков и начальником золотопоисковых партий.

[1] М. И. Рохлин. Чукотское олово. Магадан, 1959.
[2] Н. И. Чемоданов. В двух шагах от Северного полюса. Магадан, 1968.

Мы, геологи, работавшие до Чукотки на Колыме, не только владели всеми приемами поисковых работ на золото (и на другие полезные ископаемые), но и хорошо знали металлогению Колымы и золота, а также региональные геологические особенности всего Северо-Востока СССР и Аляски. Этому способствовала прекрасная организация геологической службы Дальстроя, которую на протяжении многих лет бессменно возглавлял один из первооткрывателей Колымы, крупнейший советский геолог Валентин Александрович Цареградский. Он придавал большое значение четкой организации всех геологических служб, совершенствованию и унификации методов полевых исследований, документации, изучению и обобщению материалов. Особенно ратовал за постоянное общение геологов Колымы с крупнейшими советскими учеными академиками Юрием Александровичем Билибиным и Сергеем Сергеевичем Смирновым. Первого принято теперь считать в нашей стране отцом золота, а второго — отцом олова.

Новое пополнение, прибывшее в Певек с Колымы, внесло живую струю в коллектив переданной Дальстрою Третьей Чаунской экспедиции Главсевморпути и позволило уже в 1940 году резко увеличить темпы и объемы геологоразведочных работ на уже открытых месторождениях олова.

Значительное расширение фронта геологопоисковых работ и проведение поисков на более совершенной, принятой в то время в Дальстрое методической основе сопровождалось резким повышением эффективности работ и ознаменовалось новыми выдающимися открытиями. Большая заслуга в этом принадлежит лично начальнику Чаун-Чукотского РайГРУ, опытному геологу-поисковику Ивану Николаевичу Зубреву, уже тогда имевшему большой опыт работы в системе геологоразведочной службы Дальстроя.

Геологические исследования стали проводиться более целенаправленно и комплексно. Наряду с детализацией уже выявленных оловоносных площадей организовывались работы в новых, еще не изученных районах, широко велись поиски золота.

Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в 1940 году были получены первые обнадеживающие данные и по золоту.

Геолог Рахмет Махмутович Даутов в сороковом году впервые установил весовое содержание золота в рыхлых отложениях среднего течения реки Ичувеем и рекомендовал продолжать поиски золота в этом районе.

В результате наших работ в верховьях реки Анадырь тогда же было обнаружено повсеместное распространение золота в долинах рек Яблон, Еропол, Анадырь. Данная нами благоприятная общая оценка этого района послужила основанием для организации крупной Анадырской геологической экспедиции, и летом сорок первого года в бассейне реки Анадырь уже работала не одна, а восемь геологорекогносцировочных и геологопоисковых партий (А. А. Богданов, Л. М. Шульц, Г. В. Южаков, Б. Н. Ерофеев, С. Ф. Лугов, Б. А. Снятков и другие). Начальником Анадырской экспедиции был старый большевик Роберт Петрович Аушкап, а главным геологом — Борис Никонович Ерофеев. Экспедиция открыла несколько месторождений молибдена и установила признаки золотоносности некоторых долин.

Война помешала продолжению работ Анадырской экспедиции. В начале 1942 года она была ликвидирована, а все ее геологи переведены к нам в Чаун-Чукотское горнопромышленное управление.

Среди нового пополнения только Борис Авенирович Снятков и Сергей Филиппович Лугов ранее работали на Колыме, и один Борис Никонович Ерофеев — на Чукотке.

В 1940 и 1941 годах из Певека направили несколько специальных золотопоисковых экспедиций для поисков россыпей в бассейне низовьев реки Колымы и ее правых притоков.

В низовьях Колымы в 1940 году работали геологи К. М. Дзахов и прораб-поисковик К. П. Ермолаев.

В 1941 году А. В. Андрианов, П. Н. Ушаков и Н. И. Кикас вели геологическую съемку и поиски в бассейне правых притоков реки Малый Анюй. Им часто встречалось золото, но они к этому факту отнеслись невнимательно и, по сути дела, пропустили тогда перспективный золотоносный район, именуемый ныне Билибинским.

В том же сорок первом году в Чаунском районе работали еще три геологорекогносцировочные и одна поисковая партии. Геологи Р. М. Даутов и Ф. М. Швец-Шуст обследовали бассейн реки Паляваам южнее того района, где Р. М. Даутовым в 1940 году была установлена повышенная золотоносность аллювия. Однако здесь ничего интересного не оказалось. Геолог П. А. Петров работал в бассейне рек Млелювеем и Еольвегыргынвеем, а геологи М. Н. Злобин и А. П. Коптев — в бассейне реки Выйваам, по соседству с нашим районом. У них тоже встречалось в пробах золото, но лишь в знаковых количествах.

Млелювеемской геологопоисковой партией в сорок первом году руководил опытный колымский «золотарь» прораб-поисковик К. П. Ермолаев. Ему впервые удалось установить тогда повышенную золотоносность верховий реки Млелювеем, особенно в долине ключа Утро.

Вот, пожалуй, и все, что было мне известно о золотоносности Чаунского района к началу полевого сезона 1942 года.

Приходилось слышать также, что на промывочных приборах прииска «Пыркакай» иногда вместе с касситеритом остаются небольшие золотые самородки. Об этом

мне не раз рассказывал и старший приисковый геолог Федосий Иванович Черничко и мой друг Федя Свентицкий.

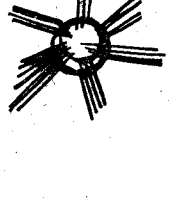
На фоне всех этих данных за всю историю поисков золота на Чукотке самые лучшие результаты были у нас, ибо в наших пробах встречалось золото крупное, с самым высоким содержанием.

По существу, уже в 1940—1941 годах Даутов, Ермолаев и автор этих строк впервые «зачерпнули» золото из промышленных россыпей, разведанных именно в этих долинах и в этих местах (река Ичувеем, ключи Утро и Марины Расковой) в последующие годы. Но тогда мы об этом еще не знали.

Разобравшись во всех материалах о золотоносности Чукотки, я составил себе специальную карту и нанес на нее все поисковые пробы с золотом. Карта очень наглядно показала, что золото не разбросано на Чукотке где попало, а четко приурочено к благоприятным геологическим комплексам, которые протянулись непрерывной полосой через всю северную часть Чукотки. Одновременно обнаружились характерные черты сходства геологии и металлогении Колымы и Чукотки, что еще больше укрепило во мне уверенность в перспективности поисковых работ на золото.

Поэтому, когда решился вопрос о продолжении поисковых работ в Тамнеквуньском разведывательном районе, я с воодушевлением взялся за организацию новой экспедиции, которой предстояло подтвердить или опровергнуть наши представления о промышленном значении оловянных и золотых россыпей данного оловоносного района.

Полные радужных надежд, мы готовились к выезду на полевые работы 1942 года.



ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Несчастья одно за другим обрушивались в сорок втором году на жителей Певека. То «южак» натворит в поселке таких бед, что объявляется общий аврал по ликвидации последствий разбушевавшейся стихии, то кто-то замерзнет в пути или станет жертвой вооруженных бандитов, то произойдет трагедия у кого-то в семье и за поселком добавится еще один маленький земляной холмик, то поступят тревожные вести с фронтов Великой Отечественной войны. Все это угнетающе действовало на психику людей во время долгой полярной ночи. Вдобавок ко всему случались частые перерывы в радиосвязи с Большой землей из-за непрохождения радиоволн во время северных сияний...

Все с нетерпением ждали весны — наступления полярного дня, прибытия первых самолетов, получения свежих газет, писем...

Но и приход весны на этот раз был омрачен трагическим событием.

В сорок втором году весеннюю воздушную навигацию, как всегда, первыми открывали летчики полярной авиации Главсевморпути.

Поступило сообщение, что с мыса Шмидта вылетел АНТ-6. Встречать самолет на берег бухты вышли почти все жители Певека.

И вот послышался гул моторов. К поселку, быстро снижаясь, приближалась ярко-оранжевая двухмоторная крылатая машина.

Летчик бывал в Певеке не один раз и хорошо знал место, поэтому он решил не осматриваться и, не делая круга, прямо с хода пошел на посадку...

Самолет пронесся над нашими головами по направлению бухты и, коснувшись раз-другой лыжами об лед, стал вновь набирать высоту...

И вдруг мы увидели, как машина накренилась набок и на глазах у оцепеневшей толпы встречающих прямо носом врезалась в лед... Над моторами в морозном воздухе заструились две ниточки пара...

После минутной растерянности все бросились к самолету... Но помощь уже была не нужна... Весь экипаж погиб, а из пассажиров только один чудом остался совершенно целехонек и отделался лишь ушибами и испугом.

Причиной катастрофы была беспечность пилота... На этот раз, против обыкновения, бухта покрылась торосами и посадочную полосу пришлось соорудить не в том направлении, как в прошлом году, а поперек. Пилот же, по привычке, зашел на посадку как обычно. Уже коснувшись лыжами льда, он только тогда увидел впереди торосы и понял ошибку... Самолет снова взмыл вверх, но скорость была потеряна, и при развороте машина клюнула носом...

С наступлением полярного дня в Певек начали прибывать люди.

Из геологов упраздненной Анадырской экспедиции первым появился у нас Николай Филиппович Григорьев. Он не стал дожидаться самолета, а купил упряжку собак и своим ходом приехал из Еропола. Вслед за ним скоро стали прибывать и другие анадырцы.

Наша Тамнеквуньская геологопоисковая партия тем временем уже собиралась к выезду в поле.

В полевой сезон сорок второго года нам предстояло продолжить геологические исследования в районе открытых в предыдущем году месторождений. Кроме того, в период весновки необходимо было выполнить значительный объем горных работ, чтобы быстрее получить данные для предварительной оценки запасов олова в россыпи речки Нанаваам и уточнить золотоносность ключа Марины Расковой.

Шурфовочные работы, предложенные мной в период весновки, были новым методом для геологов-поисковиков Чукотки. Этим способом можно было взять шлиховые пробы из глубоких горизонтов речных отложений, так как обычное опробование широких заболоченных долин для золота оказалось в условиях Чукотки неэффективным. Впоследствии этот метод поисков золотых россыпей полностью себя оправдал и стал широко применяться. Шурфовка долин в период весновки геологопоисковых партий позволила резко повысить результаты поисков золота, и в конечном счете эта методика помогла геологам открыть на Чукотке перспективные золотые россыпи. Кроме того, новый метод поисков россыпей сводил на нет непроизводительное использование рабочих во время длительной весновки геологических партий.

В соответствии с составленным мною проектом работ предусматривалось также вскрытие канавами и опробование рудных тел Кукенейского оловорудного месторождения, открытого буквально в самые последние дни предыдущего полевого сезона.

Мы очень тщательно готовились к предстоящим работам, так как понимали, что от результатов исследований будет зависеть судьба всего района, судьба открытых нами месторождений и дальнейших поисков золота.

Особенно серьезно пришлось подойти к составлению технического проекта и программы исследований, а также к определению структуры и состава партии. На этот раз все работы нужно было проводить на инструментальной топографической основе, поэтому в составе партии был предусмотрен специальный геодезический отряд.

В условиях военного времени каждый человек был на счету. С большим трудом к апрелю удалось укомплектовать состав партии и приступить к сборам в дорогу.

Из прошлогодних сотрудников партии со мной отправлялся только прораб-геолог П. В. Чепский. Геологом был назначен Александр Константинович Курилик, а коллектором — молодой паренек Герман Тарасов. Геодезический отряд возглавил топограф Петр Иванович Шумский.

Тамнеквуньская геологопоисковая партия оказалась многочисленной. В ней насчитывалось двадцать человек — втрое больше, чем в обычных геологорекогносцировочных партиях. Это было связано с тем, что требовались рабочие для горных работ и для топографической съемки.

Громоздкий состав партии и ответственность задания все значительно усложняли. Надо было брать с собой много продовольствия, снаряжения, горнопроходческих инструментов, взрывчатку, топливо, лес и многое другое. Все это нужно было завезти в район. А транспортных средств недоставало: тракторы требовались в первую очередь на горных предприятиях, интенсивно работавших на оборону страны.

К тому же состав рабочих был самый разношерстный, не проверенный в деле, а ведь предстояло прожить почти полгода бок о бок, вдали от населенных мест, в тундре. Всякое могло случиться...

В канун отъезда на полевые работы в моей жизни произошло важное событие. Я был принят кандидатом в члены Коммунистической партии, и это накладывало на меня еще большую ответственность.

25 апреля 1942 года, погрузившись на санно-тракторный поезд, мы отправились в путь.

Тяжело груженные сани часто застревали в снегу, ломались старенькие ЧТЗ, и мы только 14 мая добрались

до места. Столь позднее прибытие в район работ ставило под угрозу срыва весенние шурфовочные работы.

Свой лагерь разбили на западном склоне горы Кукеней, где отыскали небольшую ровную площадку, почти лишенную снега. Вблизи располагался участок канавных и шурфовочных работ. На другой же день приступили к горным работам.

Первые разведочные линии шурфов заложили в долинах речки Нанаваам и ключа Марины Расковой с таким расчетом, чтобы сразу же определить размеры россыпей и узнать, откуда выносятся в долину касситерит и золото (пути сноса). Мощность речных отложений оказалась небольшой — всего пять-шесть метров, валуны встречались редко, грунт еще был мерзлым.

Шурфовка шла успешно. Все работали хорошо, с энтузиазмом — и геологи, и рабочие. За время весновки — до десятого июня — мы успели пройти несколько разведочных линий шурфов и получили первые и довольно обнадеживающие сведения о размерах россыпей и о содержании в них олова и золота. Эти данные полностью подтверждали промышленное значение россыпей Тамнеквуньского разведрайона. Особенно радовали сведения о запасах золота в россыпи ключа Марины Расковой. Таких запасов Чукотка еще не знала. Полученные нами данные убедительно свидетельствовали о перспективности поисков золота в Чаунском районе, что заставляло по-новому подходить к оценке золотоносности всей Чукотки.

Чтобы обосновать этот значительный факт, приступаю к составлению докладной записки на имя главного геолога комбината Бориса Никоновича Ерофеева — одного из первооткрывателей Пыркакайских оловорудных месторождений. Летом нас должен был навестить старший инженер геологоразведочного участка А. В. Андрианов, и я намеревался передать с ним свою докладную.

Но вот сошел снег, и наступила пора отправляться в маршруты.

Небольшая площадь исследований и детальный характер работ позволили обходиться одним лагерем. Наши маршруты были только однодневные, и мы, по сути, работали все лето в стационарных условиях — никуда не кочевали. Каждый имел место в палатке, спальный мешок, сухой угол и даже маленькую печурку на случай непогоды. И все же работать было очень трудно. Местность высокогорная. Каждый день крутые подъемы и спуски. К тому же горы были загромождены огромными глыбами гранита. За день так находишься и напрыгаешься по камням, что еле-еле добираешься до палатки.

К наступлению лета работы у нас шли уже полным ходом.

На склонах горы Кукеней мы встретили еще несколько рудных жил с касситеритом, и все рабочие были заняты на проходке разведочных канав. Вскоре нашли еще одно небольшое месторождение олова, которое назвали Кевеемским.

Во всех открытых нами оловорудных месторождениях касситерит имел характерный кристаллический облик, в то время как в россыпях обычно преобладали рудные гальки, состоящие из плотных скоплений чрезвычайно мелких его зерен. Внешне такая руда очень напоминает роговики, и ее трудно отличить от пустой породы. Подобных рудных жил мы не нашли и потому продолжали вести поиски.

Вероятно, интересно узнать, как открываются рудные месторождения. Вот, например, небольшая справка об истории открытия Кукенейского оловорудного месторождения.

Случилось это в сорок первом году буквально в самые последние дни нашей работы. Уже наступила осень, погода резко ухудшилась, тяжелые серые тучи ползли по

земле, шел мелкий холодный дождь в перемежку с хлопьями снега...

Мы продвигались по речке Нанаваам, ведя шлиховое опробование. В пробах встречалось много зерен касситерита, угловатых и часто в сростках с кварцем. По этим признакам можно уверенно говорить о том, что рудные залежи расположены где-то совсем близко.

Речка Нанаваам в верховьях была совсем мелководной. В одном месте ее русло подмыло берег невысокой террасы, причем и сами скалы, и лежащие на них галечники имели цвет ржавого железа. Такие «обохренные» породы — хороший поисковый признак.

Охры (окислы железа) образуются при разложении рудных железосодержащих минералов, а последние часто являются спутниками касситерита.

Я шел вдоль террасы прямо по руслу реки и внимательно всматривался в эти обохренные породы. Неожиданно заметил небольшой кристаллик касситерита, прилипший к совершенно гладкой поверхности скалы. Попробовал взять его — не тут-то было! Он не прилип, а прирос, в буквальном смысле слова. Стал внимательно рассматривать каждую трещину, каждый прожилок и нашел еще несколько таких же приросших кристалликов касситерита. Потом обнаружил целую щетку — друзу мелких кристалликов, одну, другую... Устанавливаю, что все друзы приурочены к параллельным прожилкам-трещинам в породе, которые в обрыве террасы залегают почти вертикально. Затем нахожу участок, где таких прожилков сравнительно много. Стало ясно, что это штокверк — густая сеть тонких рудных прожилков. Отсюда вывод — открыто оловорудное месторождение штокверкового типа.

Большего сделать мы в тот сезон не смогли. Выпал снег, сразу же резко похолодало, и, свернув лагерь, мы отправились домой, в Певек.

Теперь же в 1942 году нам предстояло раскрутить ниточку, за которую зацепились осенью прошлого года: надо определить площадь месторождения, форму и состав рудных залежей, их размеры и среднее содержание олова в руде.

Вот этим мы и занялись.

В первые же маршруты я установил, что рудное поле Кукенейского месторождения расположено не там, где были найдены выходы штокверковых рудных прожилков, а на противоположном берегу реки, на склонах высокой горы, покрытой мелким щебнем обохренных роговиков. Здесь мы часто находили рудные обломки с крупными кристаллами касситерита. Плотные друзы этих мелких черных кристаллов выглядели иногда очень эффектно. Обладая ярким блеском, они играли на солнце всеми цветами радуги, и пройти мимо них было просто невозможно.

Как мы ни старались, нам так и не удалось найти руду, которая преобладала в россыпи речки Нанаваам. Вероятно, ее найдут другие, но первые шаги на пути к ней были сделаны все-таки нами...

Россыпи касситерита удалось установить и в других долинах, но там они были значительно беднее.

Детальный характер исследований давал возможность хорошо разобраться в особенностях геологического строения района, и я с увлечением занимался геологической съемкой.

Кукенейский гранитный массив оказался чрезвычайно интересным образованием, и я решил сверх задания выполнить небольшую исследовательскую работу. Впервые для изучения гранитов Чукотки применил методику картирования элементов протектоники, позволившую сделать очень интересные выводы и объяснить некоторые специфические особенности геологического развития района. Вновь было доказано поперечное, по отношению

к складчатости, положение гранитного массива и важное значение этого факта для направления поисков.

Подтвердились также и все мои прежние основные выводы, что укрепляло во мне веру в собственные силы и вооружало новыми фактами для будущих научных дискуссий с оппонентами — Анатолием Васильевичем Андриановым и Михаилом Никитовичем Злобиным, которые не разделяли моих взглядов на геологию и металлогению Чаунского района. Особенно упорно они возражали против положительной оценки поисковых данных о золотоносности Чукотки.

Анатолий Васильевич был весьма эрудированным геологом, добрым, уважаемым человеком, но имел и «слабые места». Он был слишком академичен в своих выводах и суждениях и очень осторожен, даже слишком осторожен в прогнозах и оценке месторождений.

При оценке результатов поисковых работ Анатолий Васильевич нередко ошибался, в том числе и в своих собственных результатах тоже. Помню, в сорок первом году он работал в бассейне Малого Анюя. В пробах у него часто встречалось золото. Но Андрианов не обратил должного внимания на это обстоятельство. А через десять лет там был открыт перспективный Билибинский золотоносный район.

Чрезмерная осторожность давала о себе знать и на его служебных делах. Он часто уходил от принятия ответственных решений. Мы же привыкли видеть в Дальстрое решительных и волевых руководителей.

Забегая вперед, скажу, что отмеченные особенности характера Анатолия Васильевича в конечном итоге привели его к трагическому исходу. В минуты тяжелых переживаний, работая уже в Ленинграде, он покончил с собой. Так нелепо оборвалась жизнь человека, много сделавшего хорошего на Чукотке и оставившего глубокий след в памяти всех, кому довелось встречаться с ним в

жизни. Он был подлинным первопроходцем — пионером геологического изучения Чукотки, именно пионером, потому что впервые высадился на Чукотскую землю с корабля в 1933 году, как член Первой Чукотской экспедиции Главсевморпути. Он участвовал и во Второй Чаунской экспедиции ГУСМП 1937—1939 годов, затем все военные годы работал на Чукотке. Почти полтора десятилетия прожил Анатолий Васильевич на Чукотке и все эти годы выезжал на полевые исследования в тундру. Без преувеличения можно сказать, что он исходил с геологическим молотком в руках все северное побережье Чукотки от Колымы до мыса Дежнева. Им были открыты месторождения олова в Куйвивеемском районе, установлена золотоносность правых притоков Малого Анюя, выяснены особенности геологического строения обширных белых пятен. Это был геолог-труженик, великий труженик.

Скептически относился к моим выводам о золотоносности Тамнеквуньского разведрайона и геолог Михаил Никитович Злобин, который позднее совершил такую же ошибку, как и Анатолий Васильевич. В 1944 году он дал, по сути дела, отрицательное заключение о перспективах золотоносности бассейна речки Баранихи. При составлении сводного отчета о результатах поисковых работ я опроверг его заключение и рекомендовал вернуться в этот район позднее и оказался прав. Сейчас там работает золотой прииск имени XXII съезда КПСС.

В те годы мне казалось, что коллеги просто не верят в меня: ведь они гораздо старше и опытнее, а я еще только начинал овладевать поисковыми навыками. Но мне во многом помогал опыт работы на золотых приисках и в поисково-разведочных партиях Колымы. Там я прошел хорошую производственную школу, узнал металлогению золота, поисковые признаки на золото, а также шлиховый метод и оценку золотых россыпей по поисковым данным. Им же никогда не приходилось иметь дела с россыпями золота, так как свою практическую работу они начинали не на «производстве», а в научных учреждениях, где основное внимание уделялось региональным геологическим исследованиям и разработке общегеологических вопросов стратиграфии, тектоники, вулканизма, но не поискам месторождений полезных ископаемых.

Словом, в вопросе оценки золотоносности Тамнеквуньского района мнения резко разошлись. Я оставался при своем твердом убеждении, что золото на Чукотке следует искать, а россыпи Тамнеквуньского района необходимо разведывать.

Расхождение в оценке золотоносности района повлияло и на неблагоприятное отношение к некоторым чисто геологическим результатам наших исследований.

Сохранились рецензии А. В. Андрианова и М. Н. Злобина на мои отчеты того времени, в которых они отрицали правильность моих выводов по стратиграфии, тектонике, магматизму, то есть наметились расхождения именно по тем вопросам, в которых они лучше всего разбирались.

В сорок первом году мне удалось впервые установить на Чукотке фаунистически охарактеризованные, точно такие же, как на Колыме, триасовые отложения, определить норийский возраст этих отложений и расчленить их на две различные по литологическому составу свиты: сланцевую и песчаниково-сланцевую, что имело большое значение для оценки перспектив золотоносности района по сходству его геологического строения с Колымой. Также впервые были установлены пластовые дайки лампрофиров, приуроченность Кукенейского гранитного массива к региональному разлому северо-восточного простирания и рудоконтролирующее значение этого разлома. Все это отрицалось в рецензиях на мои отчеты, а сейчас все эти выводы полностью подтвердились.

Краеугольным камнем наших противоречий являлось отношение к проблеме золотоносности Чукотки. Всем было известно, что изучение геологического строения Чукотки основывалось на предположении о ее геологическом сходстве с золотой Аляской. Потом случилось так, что на Чукотке буквально случайно открыли олово. И о золоте постепенно стали забывать, даже появились ошибочные выводы о том, что в геологическом строении Чукотки нет ничего схожего с золотой Аляской и что, дескать, золота на Чукотке нет и быть не может. А сравнить Чукотку с золотой Колымой почему-то никто не догадался.

В августе, как и предполагалось, нас навестил А. В. Андрианов. К этому времени мы уже имели много новых интересных данных. Анатолий Васильевич подробно ознакомился со всеми геологическими материалами, осмотрел месторождения, просмотрел пробы и рудные образцы, побывал на некоторых обнажениях и, в общем, остался доволен результатами работ.

Уходя от нас, он забрал с собой и мою докладную записку, в которой я вновь поднимал вопрос о необходимости организовать стационарную разведку месторождений Тамнеквуньского олово-рудного района и широким фронтом вести на Чукотке поиски золота. К сожалению, моя докладная записка не произвела на главного геолога Чаун-Чукотского горнопромышленного управления Бориса Никоновича Ерофеева должного впечатления. Она была сдана на хранение в фонды, где и находится до сего времени.

Однако через несколько лет изложенные в докладной записке выводы о промышленной золотоносности Чукотки полностью подтвердились.

Теперь я часто бываю в Москве и, когда встречаюсь с Борисом Никоновичем, напоминаю ему об этом случае.

— Помню, помню,— говорит он обычно со свойственным ему юмором,— как вы надоедали нам со своим золотом. Вот если бы взялись мы тогда с вами за него! Было бы дело!

— А что же мешало взяться за него? — отвечаю в тон ему. И мы оба смеемся... Но мне, откровенно говоря, бывает при этом совсем не до смеха...

Лето уже близилось к концу, когда на нас неожиданно нагрянули неприятности. Первая — кончились запасы соли. День-два терпели. Потом стали собирать и вываривать разбросанные вокруг лагеря кости от съеденных еще весною окороков. Они были чуть-чуть солоноватые. Но тут вспомнили, что у нас имеется немного соляной кислоты и соды. Смешали эту «химию» и получили полтора стакана рассола. Рассол скоро кончился, и пошли трудные дни пресной, в полном смысле слова, жизни...

Вторая неприятность — заболел цингой один рабочий. Он почувствовал недомогание еще весной, и мы все лето собирали для него бруснику. Но болезнь не отступала, и вот он уже не может ходить. А ведь нам надо до прииска «Красноармейский» добираться пешком. Сто пятьдесят километров человека на себе не пронесешь, а ждать выздоровления тоже нельзя: зима настигнет в пути — всем гибель.

Собрали большой совет и решили дожидаться первого снега, чтобы вывезти больного на нартах. Сделали пять нарт. И когда десятого сентября выпал снег, мы двинулись в путь-дорогу. Нарты тянули по два-три человека. Снег был рыхлый и мокрый. От сырости и от пота мы промокли и совсем выбились из сил. В первый день смогли пройти только три километра и поняли, что так далеко не уйдем. Решили оставить все лишнее, бросить нарты и идти дальше пешком, а больного вести под руки, сменяя друг друга через каждые сто шагов.

Спальные мешки мы уже не могли взять с собой. Вместо них берем одну легкую палатку и железную печку. Ночью будем топить ее кустарником и поочередно спать.

На другой день продвинулись уже километров на пять-шесть. Потом втянулись и пошли быстрее. Через полторы недели благополучно добрались до прииска.

На прииске нас ожидал приятный сюрприз: летом построили автомобильную дорогу и через несколько часов мы уже были в Певеке.

Поселок неузнаваемо изменился за те шесть месяцев, что мы его не видели. Было построено много жилых, производственных и культурно-бытовых зданий. Вырос первый двухэтажный дом — административное здание Чаун-Чукотского горнопромышленного управления, преобразованного из комбината.

Некоторые приметы свидетельствовали о том, что жители поселка уже освоились с жизнью на Чукотке. По улицам с громким гоготанием разгуливали целые стаи диких гусей — гуменников и казарок, а за штакетником около дома начальника управления В. И. Дятлова величаво прогуливались два белых лебедя и журавль. Все пернатые были пойманы в тундре маленькими пушистыми несмышленышами еще весной.

С преобразованием комбината в управлении появились новые производственные звенья, новые люди.

Заметно обновился и коллектив нашего геологоразведочного отдела. В него влились геологи, прибывшие в Певек из Анадырской экспедиции: Б. Н. Ерофеев, А. А. Богданов, Б. А. Снятков, С. Ф. Лугов, Л. М. Шульц, Г. В. Шульц и другие. Многие из них прибыли еще весной, но уже после нашего отъезда. Некоторые прямо из Еропола отправлялись к местам предстоящих полевых работ, и вот только теперь, осенью, все мы постепенно собрались вместе.

Много интересного рассказали геологи о результатах своих работ, но больше всего мое внимание привлекли поисковые данные Бориса Авенировича Сняткова. Проводя геологорекогносцировочные исследования в бассейне

Малого Анюя, он установил повышенную золотоносность в районе рек Лельвеургын и Коневаам.

Другой геолог — Николай Иванович Кикас обнаружил широкое распространение знаковой золотоносности в бассейне реки Большой Кепервеем. Такие же результаты были получены и геологами Петром Николаевичем Ушаковым и Александром Михайловичем Швецовым в бассейне реки Раучауа (Большая Бараниха). У других в пробах тоже встречалось золото, но спорадически и только в знаковых количествах.

Золото настойчиво напоминало о себе, и от этого факта нельзя было просто отмахнуться...

Началась долгая полярная ночь. Но теперь она нас уже не пугала, и не только потому, что мы привыкли к ее постоянному мраку, вьюгам и сполохам северного сияния, а просто в поселке прибавилось людей, появился хороший клуб, стало больше света и тепла. Жили мы дружно, много работали, умели и отдыхать.

Даже в полярную ночь можно было неплохо поохотиться. Тогда в тундре водилось великое множество песцов. Они заходили иногда даже в поселок, чтобы порыться в отбросах на помойках. Забредали на окрестные сопки одичавшие олени. Нередко встречались зайцы и белые куропатки. Звери и птицы не боялись тогда людей, и к ним можно было подходить с ружьем очень близко.

Припоминается такой забавный случай. Однажды во время охоты на склоне горы Янрапаак мне повстречался белый песец. Он безмятежно отдыхал, свернувшись клубочком за небольшим сугробом. На белом снегу заметно выделялись только три черные точки: глаза и кончик носа зверушки. Я подошел совсем близко, песец даже не пошевелился. Прицелился... Спустил курок... Но выстрела не последовало. Еще несколько раз прицелился — винтовка не стреляла. Зверек же при каждом щелчке курка только вздрагивал. Я скоро понял, почему винтов-

ка дает осечки. Затвор обычно густо смазывался ружейным маслом, на морозе оно стало совсем вязким, и у боевой пружины «не хватало силы», чтобы разбить капсюль патрона.

Тогда я достал спички, высыпал их кучкой на снег, поджег и на таком своеобразном костре стал разогревать затвор. Песец спокойно дожидался, когда я закончу свои приготовления...

Особенно интересно было охотиться ранней осенью на зайцев. Их тогда водилось так много, что они кочевали по тундре большими стадами.

С первым снегом зайцы обычно уже одевались в зимний белоснежный наряд. Но первый снег нередко сходил или же сдувался со склонов сопки ветром. Зайцы становились заметными и пугливыми. Они прятались под камнями, но белый наряд выдавал их на черном фоне камней. В такие моменты я брал бинокль и прямо с крыльца своего дома изучал все белые точки на склоне сопки. Замечал, где сидят зайцы, брал ружье и... никогда не возвращался без добычи.

1942 год ознаменовался большими достижениями коллектива Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. План добычи металла был значительно перевыполнен, а фактически добыча составила 332 процента по отношению к предыдущему году. Не отстали от горняков и геологи. Годовой план прироста разведанных запасов олова они выполнили на 360 процентов. Это был весомый вклад тружеников далекой Чукотки в укрепление обороноспособности нашей страны.

Высокий патриотизм жителей Крайнего Севера проявился не только в трудовых свершениях, но и в массовых взносах крупных денежных средств из личного бюджета на нужды фронта. Горняки, геологи, обогатители, строители — все труженики Певека и горных предприятий вносили деньги на покупку боевых самолетов, танков,

оружия и неоднократно получали в ответ благодарности Верховного Главнокомандующего за заботу о Советских Вооруженных Силах.

Певек жил общими интересами со всей страной, со всем советским народом.

Высокой политической активности трудящихся Чаун-Чукотского горнопромышленного управления содействовало создание в ноябре 1942 года политотдела, начальником которого в годы войны бессменно был замечательный человек, умелый организатор — Михаил Васильевич Васильев. Он проявлял постоянную заботу об укреплении первичных партийных организаций, об авангардной роли коммунистов на производстве, о сплочении коллектива.

В настоящее время М. В. Васильев руководитель одного из крупных магаданских предприятий.

Наступил памятный 1943 год.

В феврале Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР большая группа работников Дальстроя за успехи в хозяйственном освоении районов Крайнего Севера была награждена орденами и медалями СССР. В нашем коллективе орденом Ленина были награждены начальник управления В. И. Дятлов, главный инженер управления И. Н. Зубрев, начальник Пыркакайского разведрайона М. В. Данилов; орденом Трудового Красного Знамени — главный геолог управления Б. Н. Ерофеев, начальник прииска «Красноармейский» А. П. Кулаков; орденом «Знак Почета» — старший геолог прииска «Красноармейский» Ф. И. Черничко и другие.

В списке награжденных медалью «За трудовую доблесть» значилась и моя фамилия. Эта награда остается для меня самой ценной.

Второе памятное событие произошло в моей жизни через два месяца. В апреле меня приняли из кандидатов в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

1943 год остался для меня особенно памятным еще и потому, что именно тогда я пришел к окончательному убеждению о возможности открытия перспективного золота на Чукотке.

В своей докладной записке на имя Б. Н. Ерофеева и в отчете о результатах работы Тамнеквуньской партии за 1942 год я впервые обосновал вывод о сходстве, в основных чертах, металлогении Чаунского района с металлогенией Колымы, Индигирки и Яны.

В подтверждение этих строк приведу выдержки из своего отчета: «...особенно следует отметить повышенную золотоносность, которая обеспечивает реальную возможность попутной добычи золота». И далее: «...значение золотоносности района имеет, кроме того, теоретический интерес, подтверждая сходство металлогении Чаунского района с общей металлоносностью Яно-Колымской области.

Это дает некоторое основание предполагать возможность наличия на Чукотке золотоносной провинции, подобной золотоносным поясам Колымы, Индигирки и Яны...»

Напомню, что в то время никто из работавших на Чукотке геологов не верил в ее большое золото, хотя ежегодно появлялись все новые и новые данные, свидетельствовавшие о широком распространении золота в речных отложениях.

Постоянно и всеми возможными путями я старался доказать коллегам и руководителям управления необходимость широкого проведения поисковых работ на золото.

Но в рецензии на мой отчет за 1942 год рецензент А. В. Андрианов по поводу высказанного предположения написал, что «...это предположение вряд ли обосновано, поскольку широко проведенные поисковые работы в Чаунском районе дали в этом отношении отрицательные результаты...».

Ошибочное мнение А. В. Андрианова благодаря его авторитету стало доминирующим среди геологов, работавших в то время на Чукотке. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что в 1941—1942 годах, в связи с войной, коллектив геологов в Певеке значительно обновился. Многие кадровые геологи Дальстроя — опытные «золотари», посланные в 1940 году с Колымы на Чукотку, уехали, на смену им прибыло новое, но не колымское пополнение. Все это затрудняло организацию специальных поисково-разведочных работ на золото, тем более, что точка зрения А. В. Андрианова считалась официальной, так как он был руководителем геолого-поисковых работ, а позднее — главным геологом Чаун-Чукотского горнопромышленного управления.

Но на этом история с золотом не заканчивается, о ее продолжении будет сказано в следующих главах.

В САМЫЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Широкое планомерное наступление геологов на неизученные территории Чаунского и Восточно-Тундровского районов, начатое в 1940 году Чаун-Чукотским РайГРУ, значительно сократило число белых пятен на геологической карте Чукотки, были найдены новые перспективные площади и месторождения, подготовлен фронт для широкого развертывания более детальных работ в последующие годы.

Огромная заслуга в этом принадлежит геологам А. В. Андрианову, Р. М. Даутову, К. М. Дзахову, К. П. Ермолаеву, И. Н. Зубреву, М. Н. Злобину, Н. И. Кикасу, А. П. Коптеву, А. А. Курилику, П. А. Петрову,

П. Н. Ушакову, Ф. М. Швец-Шусту, А. М. Швецову и многим другим.

Геологорекогносцировочные работы в этот период умело сочетались с более детальными исследованиями, проводившимися на территории уже освоенных районов, что способствовало быстрейшему изучению и промышленному освоению минеральных богатств Чукотки.

Но из-за трудных условий военного времени, когда не хватало людей, транспортных средств, снаряжения, продовольствия, решено было переключить основные силы геологов-поисковиков на детальное изучение ближайших от Певека районов. Каждое новое открытое здесь месторождение могло быть быстро освоено, что внесло бы значительный вклад в укрепление оборонной мощи государства.

В связи с реорганизацией работ количество геологических партий начиная с 1943 года резко сократилось. В Певек прибыла большая группа геологов из расформированной Анадырской экспедиции. Были также сокращены объемы поисковых работ, и геологов-поисковиков С. Ф. Лугова, Ф. М. Швец-Шуста, Л. М. Шульц, Г. В. Шульца, А. А. Богданова, К. А. Пузика, А. М. Швецова перевели на работу в стационарные разведочные партии на Пыркакай, Валькумей и Иультин. Большую группу геологов-поисковиков откомандировали в Магадан. Уехали Р. М. Даутов, П. Н. Ушаков, П. А. Петров, А. А. Курилик, К. М. Дзахов, А. П. Коптев и другие. Отозвали в Магадан И. Н. Зубрева. В геологопоисковом отделе остались А. В. Андрианов, Б. А. Снятков, Н. И. Кикас, М. Н. Злобин, С. А. Крутяков и я. Все, кроме Андрианова и меня, из числа недавно прибывших на Чукотку.

Мы тогда с полным пониманием отнеслись к такой реорганизации и были готовы выполнять любое задание.

Однако реорганизация привела к тому, что наш небольшой, но до этого дружный коллектив распался.

Сложившиеся традиции и хорошие отношения между людьми стали заметно меняться и, увы, не всегда в лучшую сторону. Появились новые веяния и в производственной сфере деятельности. Работать стало гораздо труднее.

В полевой сезон 1943 года меня направили на поиски оловорудных месторождений, поручив возглавить Велькувеемскую геологоразведочную партию. Но, к сожалению, это был заведомо неперспективный район.

Настоять же на проведении работ в открытом мною перспективном Тамнеквуньском разведрайоне мне так и не удалось.

Из других намечавшихся на 1943 год геологических партий заслуживала внимания только Куйвивеемская геологопоисковая партия, которую возглавил техник-геолог Сергей Александрович Крутяков.

Пришлось согласиться возглавить Велькувеемскую геологоразведочную партию, хотя нецелесообразность ее организации для меня заранее была совершенно ясной. Я долго и настойчиво возражал, но со мной никто не соглашался.

Как я сожалел тогда, что нет рядом И. Н. Зубрева, замечательного геолога-поисковика, который, несомненно, понял бы меня с полуслова! Так, благодаря «новым веяниям», я впервые в жизни взялся за организацию таких работ, в успех которых сам не верил. Не верили в успех этой партии и другие геологи, лучше меня знавшие этот район. Настораживало и другое: по логике вещей и по установившейся в Дальстрое традиции, Велькувеемскую партию надлежало возглавить не мне, а М. Н. Злобину, который работал там в предыдущий сезон, хорошо знал район и был первооткрывателем в его пределах небольших оловорудных проявлений. Не знаю почему, но наши новые руководители нарушили эту святую традицию.

М. Н. Злобина почему-то оставили в Певеке и поручили поиски рудных жил на горе Янрапаак, расположенной за поселком.

Третья Усть-Колымская геологоразведочная партия направлялась в 1943 году в низовья реки Колымы. Начальником ее назначили Б. А. Сняткова.

Мне же пришлось, как я уже сказал, согласиться возглавить Велькувеемскую геологоразведочную партию. Она должна была проводить поиски оловорудных месторождений в двух далеко отстоящих друг от друга районах: в бассейне речки Умкарыннет и в правых притоках реки Велькувеем. Получалась какая-то «лоскутная» партия.

Основных исполнителей назначалось всего двое: я и прораб П. В. Чепский. Завхозом-десятником взял с собой П. Л. Махнева, а промывальщиком Б. А. Филиппова.

В течение полевого сезона мы добросовестно выполнили все запланированные виды и объемы работ, но никаких существенных результатов, как и следовало ожидать, не получили. Сезон этот даже не оставил в памяти заметного следа, кроме той досады, о которой я говорил выше.

Не могу только не вспомнить нашего промывальщика Бориса Филиппова, который оказался большим оригиналом. Сам он из Ленинграда, работал там во Всесоюзном геологическом институте и был вполне цивилизованным человеком. Но вот на Чукотке, особенно когда приходилось ему выезжать в поле, Борис превращался почти в первобытного человека. Высокий, крепкий, выносливый, покрытый с ног до головы густой рыжей шерстью, он даже внешним видом чем-то напоминал наших далеких предков.

В Певеке Филиппов работал в шлифовальной мастерской и считался хорошим специалистом. Но какая же

непролазная грязь царила в его камнедробильном цехе, в котором он работал и жил. Сам он редко умывался. Спал голым в кукуле из оленьих шкур и питался чем бог пошлет, чаще всего мясом и жиром нерпы, поэтому его «берлога» была пропитана специфическим запахом нерпичьего жира.

Однажды в маршруте подстрелил я куропатку. Нести ее вызвался Боря. Шел он следом за мною. Ветер дул нам в спину. И скоро я обратил внимание на проносившиеся мимо меня птичьи перья и пух. Вероятно, подумал я, Борис решил на ходу ощипать куропатку. Каково же было мое удивление, когда я оглянулся и увидел, что он на ходу уже доедает сырую куропатку. Все лицо и руки у него в крови, в волосах застрявший пух — вид, скажу прямо, страшный.

Вот таким чудаком и оригиналом был этот ленинградский парень. Зато на здоровье свое он никогда не жаловался. Сырое мясо и нерпичий жир содержат много витаминов, и Борис, наверное, знал об этом.

Когда мы возвратились с полевых работ в Певек, то ничем похвалиться не могли.

Не было ничего интересного также у Б. А. Сняткова и М. Н. Злобина. Только С. А. Крутякову удалось подтвердить ранее известные данные о перспективности оловянных россыпей Куйвиеемского района. Неплохие результаты были и у Н. И. Кикаса, изучавшего оловянные штокверки Пыркакайского района.

Все начальники партий засели за составление геологических отчетов, и скоро жизнь вошла в нормальную колею.

Мне пришлось составлять на этот раз не один, а два отчета — по участку речки Умкарыннет и ключа Зеленого, а также речки Велькувеем и ключа Солнечного. Оба участка не представляли никакого интереса даже в чисто геологическом отношении. Признаки оловоносности,

установленные здесь раньше М. Н. Злобиным, А. П. Коптевым и К. П. Ермолаевым, как я и ожидал, оказались только признаками — месторождений мы не нашли, их там и нет.

Отчеты были написаны быстро, и я остался «безработным». На 1944 год объемы геологопоисковых работ еще больше сокращались, и Борис Никонович Ерофеев предложил мне должность старшего инженера по разведке рудных месторождений. Дело это для меня было совершенно новым, но отчасти я даже обрадовался такому назначению, потому что работал на Севере уже седьмой год и еще ни разу не был в отпуске. Ежегодные изнурительные скитания по тундре давали о себе знать, потому я не отказался от небольшой передышки.

Вероятно, тем, кто в настоящее время работает на Чукотке, не совсем понятны подобные мотивы. Сейчас люди живут там в нормальных условиях, имеют возможность хорошо питаться, регулярно отдыхать. Тогда же таких возможностей не было.

Особенно много неприятностей причинял нам недостаток в пище витаминов. Авитаминоз был массовым явлением. Нередко давала о себе знать цинга.

При авитаминозе человек становится вялым, безразличным, сонливым, теряет работоспособность. Сидишь иной раз на работе, пишешь отчет и вдруг засыпаешь... Голова медленно клонится к столу, падает... и ты просыпаешься. Или разговариваешь, например, с человеком и замечаешь, как у него начинают закатываться глаза и голова клонится набок... Через две-три минуты снова это повторяется. Если же работаешь с микроскопом, то такое клевание носом приводит к тому, что набиваешь себе синяк под глазом. В таких случаях единственное спасение — выйти на свежий воздух и побродить немного.

Помню, особенно страдали авитаминозом Николай Иванович Кикас и Петр Николаевич Ушаков. Последнему даже пришлось из-за этого совсем уехать с Чукотки. Мы же спасались тем, что ели сырое оленье мясо (строганину).

В 1944 году в Певек стали завозить продукты из США. Тогда мы впервые получили аскорбиновую кислоту и сушеные фрукты.

У матросов и корабельных коков за большие деньги можно было достать лук, чеснок, свежий картофель и даже апельсины (наши дети впервые узнали, что это такое). Появились средства борьбы с цингой и авитаминозом.

Мое назначение старшим инженером совпало с началом подготовки материалов к подсчету запасов по Иультинскому месторождению, и мне было поручено составить объяснительную записку. Это был первый подсчет запасов по Иультину, и я с воодушевлением взялся за работу. Дело в том, что Иультинское месторождение открыто в 1937 году Володей Миляевым — моим земляком и сокурсником по институту, и я еще от него слышал много интересного об этом месторождении.

Случилось так, что после открытия Иультинского месторождения там работало много геологов — М. И. Ваганов, Н. Е. Гатиев, Г. В. Шульц, Н. С. Лычкин, Д. И. Овчинников и другие, но никто из них не составил полноценного геологического отчета, потому геологические особенности месторождения и его промышленное значение были еще не совсем ясны.

Мне вместе с Михаилом Андреевичем Гусевым, который проводил пересчет запасов Иультинского месторождения по состоянию на конец 1943 года, пришлось извлечь из архивов все первичные геологические материалы и углубиться в их изучение. Материалы в большинстве случаев оказались совершенно «сырыми» — черновыми набросками, составленными наспех, в разных масштабах и условных обозначениях. Разбираться во всем этом

было трудно, но интересно. Отчет был составлен, и приятно отметить, что мои коллеги-геологи отозвались о нем весьма положительно.

Особенно был доволен Борис Никонович Ерофеев моей объяснительной запиской к подсчету запасов, в которой впервые совершенно ясно и четко раскрывались огромные перспективы промышленного освоения Иультинского месторождения. Эти материалы явились основанием для принятия в 1946 году Дальстроем смелого решения о незамедлительном начале строительства Иультинского горно-обогатительного комбината и об организации Чукотстроя.

Случилось так, что это первое знакомство с Иультином решило потом мою дальнейшую судьбу, и все послевоенные годы на Чукотке я посвятил изучению Иультинского месторождения. Мне посчастливилось в 1947—1950 годах произвести детальную геологическую съемку (масштаба 1:2000 на инструментальной топографической основе) всего рудного поля Иультинского месторождения, что дало возможность составить (вместе с М. И. Рохлиным) первый генеральный проект разведочных работ, сделать (вместе с И. Н. Любимцевым) первый генеральный подсчет запасов и написать первую научную работу о структурногеологических особенностях этого уникального месторождения. Но это было потом...

В наступившем 1944 году произошли большие изменения и в руководящем аппарате Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. Перевели в Магадан Б. Н. Ерофеева. Вместо него обязанности главного геолога управления временно стал исполнять А. В. Андрианов, а меня назначили вместо него руководить всеми поисковыми работами.

Однако направление геологопоисковых работ на 1944 год уже было определено, и я не мог внести в план необходимые уточнения.

В 1944 году управление организовывало четыре партии: Баранихинскую во главе с М. Н. Злобиным, Куйвиеемскую — продолжавшую свои исследования под руководством С. А. Крутякова, Валькумейскую во главе с Н. И. Кикасом и Иультинскую, которой руководила Любовь Михайловна Шульц.

Женщина-геолог в Арктике? Согласитесь — это не часто можно встретить и сейчас. А тогда вообще воспринималось как чрезвычайное явление. И в самом деле, даже представители сильного пола — крепкие, здоровые мужчины не всегда могли переносить неудобства и трудности жизни и работы в геологических партиях на Чукотке. А Любовь Михайловна выглядела хрупкой и слишком женственной, чтобы можно было видеть в ее лице серьезного конкурента нашему брату поисковику-ветерану.

В 1944 году Л. М. Шульц досталась самая трудная и самая отдаленная партия — Иультинская, до этого она год работала тоже в нелегком Иультинском разведрайоне. Партия ее снаряжалась и укомплектовывалась в основном не в Певеке, а в разведрайоне, и, несмотря на огромные трудности, полевые работы были проведены хорошо, производственное задание перевыполнено. Самое же главное — партия Л. М. Шульц открыла недалеко от Иультина два новых перспективных оловянно-вольфрамовых месторождения — Солнечное и Светлое, за что Любовь Михайловна была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В дальнейшем Л. М. Шульц еще долго работала в полевых партиях на Чукотке, была главным геологом Чукотстроя, внесла свой весомый вклад в изучение недр этого сурового края, была награждена вторым орденом Трудового Красного Знамени. Эта героическая женщина и по сей день работает в Магадане.

Летом Анатолий Васильевич Андрианов пригласил меня сопровождать его в инспекционной поездке в При-

колымский разведрайон, где в то время вели разведку россыпей геологи Александр Михайлович Швецов и Дмитрий Иванович Овчинников.

Более двух недель длилось наше ледовое плавание на пароходе (по пути в бухту Амбарчик заходили на мыс Шмидта).

Во время войны торговые корабли были вооружены скорострельными пушками «Эрликон» и имели небольшой отряд военных моряков. Так было и на нашем пароходе.

В пути команда проводила учебные занятия и стрельбы, часто объявлялась военная тревога. Все моряки команды, как мы узнали, были участниками Великой Отечественной войны. На груди одного из них сиял орден боевого Красного Знамени. Эту награду он получил за героизм, проявленный при отражении налета фашистских самолетов на караван судов в Баренцевом море.

Мы с Анатолием Васильевичем впервые за все годы войны видели ее живых участников и потому с огромным интересом слушали их фронтовые рассказы. Нужно заметить, что во время войны даже сводки Совинформбюро доходили до нас с большими перебоями. Вся связь Певека с внешним миром осуществлялась через коротковолновую радиостанцию, но зачастую, особенно в зимнее время, радиосвязь на несколько дней полностью прерывалась из-за непрохождения радиоволн. Это явление, объясняемое электромагнитными возмущениями в верхних слоях атмосферы, внешне проявлялось в виде живописных северных сияний.

Высадившись в бухте Амбарчик, мы на тракторе добрались до базы разведрайона. Анатолий Васильевич остался инспектировать разведочные работы, а я отправился в геологопоисковую партию М. Н. Злобина, который в этом году работал в бассейне реки Баранихи. В попутчики мне выделили одного рабочего.

До базы М. Н. Злобина по прямой не более тридцати километров. Такое расстояние обычно мы преодолевали за восемь—десять часов. Погода уже несколько дней держалась устойчивая, ясная, теплая. Поэтому отправляемся налегке, никаких теплых вещей и съестных припасов с собой не берем.

И скоро за такую беспечность мы крепко поплатились. Мне пришлось еще раз убедиться, что Север не терпит к себе панибратского отношения.

Первый перевал преодолели легко и быстро. С его вершины определили направление дальнейшего пути и двинулись напрямую. При подъеме на второй перевал погода внезапно резко изменилась. Ветер подул с моря и стал нагонять на берег тяжелые серые тучи. Вал за валом тучи шли прямо на нас и опускались все ниже и ниже. Заморосил дождь, потом пошел снег. Мы тут же промокли. Замерзли и от холода дрожали так, что зубы выстукивали громкую дробь. Видимости совсем не стало. Нас окутала густая снежная пелена, земля моментально покрылась толстым слоем снега. Идти пришлось, ориентируясь только по компасу.

Часа через три-четыре вышли в долину, где, по нашим расчетам, должна была находиться база партии. Встретили закопушки — следы опробования долинных отложений. Кое-где сохранились отпечатки кирзовых сапог. Все свидетельствовало о том, что лагерь где-то совсем близко. Пробовали кричать. Стреляли в воздух. Но нас окутывала только белая безмолвная пелена. Мы уже вконец замерзли, а тут еще начал мучить голод. Набрели на небольшой кустарник. Попытались развести костер. Но мокрые спички не зажигались.

Что делать? Решаем идти вниз по течению реки, которая обязательно приведет к морю. А берег моря где-то рядом. Там должны быть чукотские яранги, а значит, люди, тепло, пища... Море выбрасывает на берег много

древесины — будут дрова. Надо спешить к морю... А сил уже нет...

Достаю из рюкзака неприкосновенный запас — пузырек с чистым спиртом.

Выпиваем его и закусываем мокрым снегом. Спирт немного согревает. Идти становится легче. Но вот походка... Сознание абсолютно ясное, а ноги не слушаются, выделывают какие-то кренделя. Тут и без спиртного по кочкам шли спотыкались, а теперь и подавно. Смешное это, вероятно, было зрелище, если посмотреть со стороны. Идут два до ниточки промокших человека, выкручивают ногами какие-то несуразные па, да вдобавок горланят марш из кинофильма «Веселые ребята»: «Легко на сердце от песни веселой...». Вот так и прошагали мы еще километров двадцать пять — тридцать. И все же вышли на берег моря и нашли там яранги. Чукчи очень удивились таким гостям. Они накормили нас и уложили спать, укутав теплыми оленьими шкурами.

Когда же мы проснулись и узнали, где находимся, определили место по карте, то оказалось, что только по прямой мы прошли без остановки более ста километров. А сколько еще петляли?..

Через сутки погода улучшилась, силы наши немного восстановились, и мы продолжили свой путь.

От берега моря до партии Злобина было совсем близко, и мы на этот раз благополучно добрались до места назначения.

В лагере застали только сторожа. Все находились в маршрутах, и неизвестно, где они и когда вернутся.

Время нашего возвращения было строго обусловлено. Поэтому ждать или искать М. Н. Злобина мы не могли. Оставляем ему корреспонденцию и записку с уточнением задания и отправляемся в обратный путь.

На этот раз все обошлось хорошо, и мы без приключений возвратились в свой разведрайон.

Приколымский разведрайон был организован весной 1944 года. В задачу его входила поисковая разведка россыпей в бассейне реки Погынден — правого притока реки Малый Анюй.

Время было военное, трудное, и управление не могло выделить на организацию разведрайона достаточно транспортных средств и рабочей силы. Район был труднодоступным. Он находился почти в трехстах километрах от Певека и примерно на таком же расстоянии от города Среднеколымска. За организацию разведрайона взялись опытные разведчики Дмитрий Иванович Овчинников и потомственный «золотарь» Александр Михайлович Швецов. А. М. Швецов был одним из первопроходцев Колымы, он участвовал в первой геологической экспедиции Ю. А. Билибина 1928 года. В 1929 году А. М. Швецов вместе с С. Д. Раковским и еще одним рабочим открыли первую золотую россыпь на Колыме и организовали старательский прииск «Утиный». Александр Михайлович работал на этом прииске более десяти лет, затем в течение многих лет участвовал в поисковых и разведочных партиях. Хорошо знал золото, любил тайгу. Кроме того, Александр Михайлович когда-то жил в Среднеколымске и среди местных жителей слыл своим человеком. Вероятно, лучшего руководителя для Приколымского разведрайона вряд ли можно было найти.

Но трудности все же оказались гораздо значительнее, чем предполагалось, и организация разведрайона не клеилась.

Разведка россыпей шла плохо, объемы шурфовочных работ не выполнялись, потому люди здесь не задерживались...

И у руководителей разведрайона по первым, по существу, случайным данным шурфовки сложилось отрицательное мнение о дальнейшем продолжении работ.

Вскоре Приколымский разведывательный район был

ликвидирован, и вопрос о перспективности его так и остался открытым.

Осенью 1944 года мне поручили составить отчет о результатах геологопоисковых работ Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. Необходимо было уже приступать к проектированию геологических партий на следующий, 1945 год.

Ознакомившись с информационными записками начальников партии, я обратил внимание на то, что у М. Н. Злобина в бассейне реки Баранихи систематически встречалось золото. Было видно, что золото приурочено к определенным долинам. Пробы свидетельствовали о наличии широкой перспективной зоны, в пределах которой могли быть выявлены промышленные золотые россыпи. Однако сам Михаил Никитович результаты своих работ оценил отрицательно и район этот считал бесперспективным.

Я не согласился с таким выводом и в своем сводном отчете написал, что к этому району необходимо в дальнейшем вернуться и провести широкую шурфовочную разведку. Позднее, в 1956 году, в бассейне реки Баранихи геолог А. И. Григорьев открыл перспективные золотые россыпи, и в настоящее время там работает крупный прииск имени XXII съезда КПСС.

В 1944 году к нам в Певек впервые на несколько дней прилетели академик Сергей Сергеевич Смирнов и начальник Геологоразведочного управления Дальстроя Валентин Александрович Цареградский — крупнейшие знатоки геологии Северо-Востока и его минеральных богатств.

Они с большим интересом знакомились с новейшими данными по геологии и полезным ископаемым Чукотки и не скрывали своего восхищения успехами, достигнутыми коллективом Чаун-Чукотского РайГРУ всего лишь за каких-то три-четыре года.

Мне тоже пришлось докладывать о материалах по геологии и полезным ископаемым Тамнеквуньского района. Вокруг моего сообщения развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой оба авторитетнейших геолога поддержали мою точку зрения и высказались за то, что золото на Чукотке надо искать, и не от случая к случаю, а планомерно и целеустремленно.

Такая солидная поддержка окрылила меня, и, приступив вскоре к составлению проектов поисковых работ на 1945 год, я воспользовался на этот раз своим правом руководителя геологопоисковых работ и запроектировал специальную поисково-разведочную партию на золото.

Выбор был сделан в пользу наиболее перспективного, с моей точки зрения, легкодоступного и уже освоенного района, расположенного всего лишь в сорока-пятидесяти километрах к юго-востоку от прииска «Красноармейский». Он охватывал верховья рек Млелювеем, Ватапваам и правые притоки Ичувеема — Правый и Средний Ичувеем, включая долину и самой реки Ичувеем в среднем и верхнем ее течении. Именно на этой площади еще Р. М. Даутовым, К. П. Ермолаевым и отчасти в результате наших работ были получены первые обнадеживающие данные по золоту.

В составленном мною проекте Верхне-Млелювеемской геологопоисковой партии на 1945 год предусматривалось пройти в весновочный период четыреста погонных метров разведочных выработок по линиям, намеченным поперек долин в среднем течении речки Ичувеем и ее правых притоков — Правый Ичувеем, Средний Ичувеем и других.

Кроме того, Верхне-Млелювеемская партия должна была «закрыть» на геологической карте Чаунского района обширное «окно», образовавшееся на стыке между районами работ других партий — Малиновского, Даутова, Ермолаева и нашей партии 1941 года.

Однако при рассмотрении проектов геологопоисковых работ на научно-техническом совете ЧЧГПУ Верхне-Млелювеемская партия из плана работ на 1945 год была исключена — сказалось неверие в перспективное золото Чукотки большинства членов совета. Эта ошибка отодвинула время открытия Ичувеемских золотых россыпей на четыре года.

Проект Верхне-Млелювеемской партии был сдан в геологические фонды и хранился там в назидание потомкам. Им пользовались, его читали все геологи и при нас, и после нас. Многие не придавали большого значения этому проекту, но были и такие, которые все чаще и чаще возвращались к нему, пока наконец в 1949 году обстоятельства не заставили новых руководителей Чаун-Чукотского РайГРУ организовать наконец эту партию.

Но и в этом случае руководствовались не задачами поисков золота, а тем, что к юго-востоку от прииска «Красноармейского» — в самом центре обжитого и освоенного района, на геологической карте Чаунского района все еще красовалось большое белое пятно, и с этим нельзя было больше мириться. Вот тогда и вспомнили о проекте Верхне-Млелювеемской партии. Работы были осуществлены и дали блестящие результаты. Были открыты новые месторождения олова и перспективные россыпи золота. С них, по сути, и начался золотой век Чукотки. К сожалению, случилось это уже без меня. Я тогда работал на востоке Чукотки в Чукотстрое и занимался не менее интересными делами — выяснением подлинных перспектив Иультинского района и его оловянно-вольфрамовых месторождений.

Но это было позже. А тогда отказ в организации Верхне-Млелювеемской партии был для меня равносилен поражению в бою. Мучило сознание предвзятого отношения к большому делу и своей беспомощности. Решаю совместить руководство геологопоисковым отделом с практической работой. Вновь становлюсь начальником Верхне-Апапельхинской геологоразведочной партии, которая была запроектирована мною для поисков месторождений олова на восточном продолжении Куйвивеемского района. Район этот представлялся мне весьма перспективным, и я вновь с большим желанием и энергией включился в работу.

Ранней весной мы с Александром Алексеевичем Богдановым — старшим инженером по разведке россыпных месторождений объехали верховья реки Апапельхин на аэросанях и выбрали участки для шурфовочной разведки. Четвертого мая вся партия была доставлена в район на тракторах. Я же возвращался в Певек для организации других партий, поручив руководить шурфовочной разведкой прорабу Павлу Васильевичу Бутриму. Он, правда, не имел никакого опыта для такой работы. Был хорошим картографом, чертежником, но только не разведчиком россыпных месторождений.

Кроме Павла Васильевича, в Верхне-Апапельхинской геологоразведочной партии тогда работали коллектор И. А. Бруй, десятник Б. А. Филиппов, промывальщик Н. П. Васенин и десять рабочих-шурфовщиков.

В Певеке, отчитавшись за камеральные работы и проводив все партии в поле, я дождался, когда пройдет весенняя распутица, и отправился к себе в Верхне-Апапельхинскую партию.

Это было уже в июне. Война с гитлеровской Германией закончилась полной победой нашего народа, и мне хотелось быстрее доставить это радостное сообщение моим товарищам, которые уехали в апреле и ничего еще не знали.

Весть о полном разгроме фашистской Германии встретили в партии с ликованием. Все с нетерпением ожидали этого. Ведь немалая заслуга в победе над врагом и тружеников Крайнего Севера, которые мужественно и само-

отверженно разделяли огромное напряжение военных лет вместе со всем советским народом.

Для многих теперь конец войны предвещал возможность скорого выезда в долгожданный отпуск, встречи с родными, близкими. Но складывать чемоданы было еще рано — продолжалась война с Японией...

Шурфовую разведку россыпей к моему приходу уже закончили. По первым разведочным данным, район верховий речки Апапельхин выглядел малоперспективным. Касситерит в речных отложениях встречался повсюду, но содержание его было невысоким. Это разочаровало меня.

Через день-другой организую геологическую съемку и поиск. Первый же маршрут, во время которого были обследованы ближайшие склоны гор, спускавшиеся прямо к лагерю, убеждает меня, что прежнее мнение о районе как о перспективном было правильным.

На противоположном правом склоне долины речки Апапельхин обнаруживаем обильные свалы рудных обломков с крупными и многочисленными кристаллами касситерита. Отдельные обломки размером с кулак состояли целиком из оловянного камня. Это месторождение мы назвали Безымянным.

Начало удачное. Последующие маршруты дали еще более обнадеживающие результаты: и на других сопках встречались обломки и целые глыбы оловянной руды. Поражало разнообразие типов оруденения. Попадалась руда с совершенно бесцветными кристаллами касситерита, а также медово-желтыми, бутылочно-зелеными, коричневыми, черными.

Через два дня были найдены обнажения горных пород, в которых мощные рудные тела выходили прямо на дневную поверхность. Так нам удалось открыть еще одно оловорудное месторождение, которое назвали Террасовым. Проведенная канавная разведка позволила выяснить его промышленную ценность.

Помню, здесь мне посчастливилось найти уникальный минералогический образец — большую друзу чистых, почти прозрачных кристаллов касситерита медово-желтого и бутылочно-зеленого цвета. Эта друза размером с медвежью голову была чрезвычайно эффектна. Надо заметить, что кристаллы касситерита обладают высоким показателем преломления света, почти, как алмаз. Солнечный луч они разлагают на все цвета радуги, и потому прозрачные кристаллы трудно отличить от настоящих бриллиантов. Именно так выглядела найденная мною друза. Она могла быть гордостью любого минералогического музея страны.

Мы бережно выкололи глыбу с кристаллами и доставили ее потом в Певек, а позднее — в Магадан. Долгие годы друза украшала минералогический музей Геологоразведочного управления Дальстроя. К сожалению, сейчас этот редчайший экспонат бесследно исчез.

Геологическая съемка и поиски продолжались. Были еще найдены многочисленные рудные точки, интересные минералогические образцы. Район получил благоприятную оценку. Были открыты и частично разведаны два перспективных оловорудных месторождения. Вот только россыпи мы недооценили. Я охарактеризовал их как малоперспективные, а позднее, при более детальной разведке, среди них выявили две крупные и ряд менее крупных промышленных россыпей.

Во всяком случае, начало развитию Верхне-Апапельхинского рудного района все же было положено. Сейчас в этом районе работают оловодобывающие предприятия и выросли горняцкие поселки: Западный, Северный, Восточный и другие. Сюда проложена автомобильная дорога, и теперь из Певека до верховий речки Апапельхин рукой подать.

Осенью, когда мы возвратились в Певек, на Земле уже был мир. Япония капитулировала, и наша страна

приступила к залечиванию ран, нанесенных второй мировой войной.

Так завершились самые трудные военные годы нашей работы на Чукотке. Впереди открывались новые широкие горизонты. Предстояла напряженная работа по дальнейшему раскрытию минеральных богатств, скрытых в недрах чукотской земли.

За эти годы Певек превратился в большой благоустроенный поселок. Здания уже не умещались на узкой галечной косе, они поднялись на склоны сопок и даже шагнули за перевал. Старые, ставшие теперь историческими первые постройки, сохранившиеся еще от экспедиций Главсевморпути, совсем затерялись среди добротных многоквартирных жилых зданий и служебных помещений.

По-хозяйски, серьезно и надолго обживали люди новые места. Если в первые годы население Певека состояло только из взрослых, то теперь одних уроженцев его насчитывалось около пятидесяти человек. В поселке были построены хорошие ясли и детский сад.

Кое к кому из жителей Певека приехали с «материка» родители. Появились старички и старушки. Люди стали жить большими семьями и в хороших домах.

Приехали и ко мне мои родители, а с ними сестра и племянница.

Надо сказать, что не каждый мог решиться в преклонном возрасте, все бросив, отправиться в военное время на Чукотку. Долго не решались на это и мои родители-пенсионеры, но в конце концов тяготы жизни заставили их сняться с насиженного места и покинуть родной Семипалатинск. Больше года добирались они до Певека и много хватили горя в пути. Продовольственных карточек у них не было, и мне стоило большого труда поддерживать их из Певека. И неизвестно, добрались бы они до меня или нет, если бы не помощь магаданских друзей

и не любезность летчика Ястребова, который на свой страх и риск перегрузил ТБ-3 сразу четырьмя пассажирами. Так «зайцами» и прилетели они из Магадана уже в самом конце войны.

Певек на наших глазах превратился в крупный населенный пункт, стал важным экономическим и промышленным центром и хорошим морским портом на северном побережье Чукотского полуострова.

В поселке был построен отличный клуб. Появились возможности для развертывания культурно-массовой работы. Среди жителей поселка нашлось немало талантливых людей, и вскоре был создан хороший коллектив художественной самодеятельности.

Особенно успешно работал драматический коллектив. Некоторые участники его, как, например, маркшейдер А. П. Ястребов и геолог Л. В. Андрианова, выступали на уровне профессиональных артистов.

Немало забот доставляли нам дети. Они быстро росли и требовали к себе все больше и больше внимания. В связи с этим возникало много сложных проблем, в том числе проблема игрушек и новогодних елок. Игрушки в Певек не завозились. И родителям приходилось проявлять немало изобретательности, чтобы выйти из этого затруднительного положения.

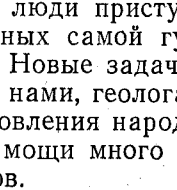
Помню, когда сыну исполнилось пять лет, мне пришлось собственноручно сооружать ему настоящий педальный автомобиль, доставивший немало радости всем певекским мальчишкам.

Проблема новогодних елок тоже была решена, и довольно оригинально. За неделю до Нового года мы разыскивали и ломали в поймах рек небольшие веточки чахлых кустарников. Ставили их в воду, и они вскоре покрывались яркими зелеными листочками. Затем брали черенок от лопаты, просверливали в нем многочисленные отверстия и в эти отверстия вставляли зеленые ветви. Полу-

чалось приличное «деревце». Украшенное игрушками, оно вполне заменяло собой новогоднюю елку.

Во всяком случае ребятишки и взрослые веселились около такой эрзац-елки нисколько не хуже, чем около настоящей.

Первым уроженцам Певека, детям геологов, горняков и строителей, сейчас уже по тридцать — тридцать пять лет, и многие из них пошли по стопам своих родителей. Они, насколько я знаю по своим сыновьям Ростиславу и Евгению, сохранили в памяти самые хорошие воспоминания о своем детстве — детстве, прошедшем в Певеке и Эгвекиноте — небольших поселках далекой Заполярной Чукотки. Не многим выпала доля родиться, окрепнуть и вырасти в Арктике, поэтому даже запись в метриках о рождении, в паспорте и анкете «уроженец Чукотки», мне кажется, звучит не только экзотично, но и гордо.



ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Наконец-то наступил долгожданный мир на Земле. Советские люди приступали к залечиванию тяжелых ран, нанесенных самой губительной в истории человечества войной. Новые задачи исключительной важности встали и перед нами, геологами, — стране необходимо было для восстановления народного хозяйства, укрепления ее оборонной мощи много золота, олова, вольфрама и других металлов.

Осенью 1945 года все геологопоисковые партии после завершения полевых работ снова возвратились в Певек.

В поселке во всем угадывался интенсивный трудовой

ритм. Чаще стали прилетать самолеты из Анадыря, Магадана, Москвы. Оживленнее обычного было в певекском морском порту, где у причалов и на рейде стояли огромные «либерти» — океанские корабли, предоставленные США Советскому Союзу по ленд-лизу. Они завезли в Певек большую партию американских товаров.

По улицам поселка носились огромные «студебеккеры» и юркие «джипы», «доджи» — военные автомашины повышенной проходимости, так необходимые в то время на Чукотке для транспортной связи с приисками, рудниками, разведочными районами; скрежетали гусеницами, одетыми в стальные «калоши», новенькие тракторы «алис-чальмерс» и впервые появившиеся бульдозеры «катерпиллер».

С пароходов сгружались экскаваторы, компрессоры, передвижные электростанции, мощные дизели, горно-обогатительное оборудование, инструменты, строительные материалы...

На многих ящиках, в которые было упаковано оборудование, красовались яркие круглые ярлыки с изображением звездно-полосатого флага и надписью на русском языке: «От одной из объединенных наций».

Основной поток грузов в 1945 году шел в Певек из США. В обиходе у жителей Чукотки появилось много предметов американского производства. Некоторые из них были непривычны для нас. Например, вызывали недоумение строительные гвозди с совершенно гладкими шляпками. Рабочие шутили: «Не будет ли молоток при ударе по таким шляпкам соскальзывать и бить по пальцам...» Но постепенно люди привыкли к заморским вещам и даже к белоснежному, но совершенно безвкусному хлебу из маиса (кукурузной муки) и к консервированному мясному фаршу.

Особенно рады были горняки и геологи: появилось много техники — автомашин, тракторов, бульдозеров,

так необходимых для широкого развертывания работ горных предприятий и освоения новых месторождений и новых районов.

Пользуясь благоприятными условиями, я вновь поднимаю вопрос об организации Тамнеквуньского разведрайона. Руководители управления на этот раз соглашаются с моими доводами. Начальником созданного Тамнеквуньского разведрайона назначают опытного разведчика и золотоискателя Петра Семеновича Иванова, а старшим геологом — меня.

Как только установился и окреп снежный наст, мы отправляемся в путь...

Три санно-тракторных поезда, нагруженные всем необходимым для строительства жилых и рабочих помещений и для производства шурфовочной разведки россыпей, быстро преодолели почти двухсоткилометровое расстояние и в канун годовщины Октября мы прибыли на место.

Собственно, само выражение «на место» не совсем точно. Там, где нам предстояло жить и работать, ничего еще не было, и место для нового поселка нужно было еще только подыскать.

Решили поселок построить на правом берегу ручья Марины Расковой, там, где этот ручей впадает в речку Нанаваам.

Работа спорилась, и через несколько дней в новом поселке геологоразведчиков появились три первых «дома» — брезентовые палатки, натянутые на каркас из досок и жердей. В одной, самой большой, жили рабочие, в другой расположились контора и столовая, а в третьей устроился Петр Семенович с женой и дочуркой лет пяти. Там же размещалась и моя каморка.

В нашем поселке имелась своя передвижная электростанция и даже небольшая самодельная радиостанция, на которой мы так и не смогли наладить связь с Певеком.

В Тамнеквуньский разведрайон управление выделило всего около тридцати человек рабочих, а из транспортных средств только шесть захудалых собачек. На них мы с большим трудом могли подвозить пробы для промывки и воду для столовой, а также развозили по палаткам лед и каменный уголь.

Отопление в помещениях было «печное». Приходилось непрерывно топить железные печи — бочки, приспособленные из-под жидкого топлива. Эта система отопления, широко распространенная в те годы на Чукотке, работала в буквальном смысле слова «на ветер». В помещениях поддерживался своеобразный «микроклимат»: на стороне, обращенной к печке,— очень жарко, а с противоположной стороны — совсем холодно, так что нередко волосы во время сна примерзали к стенам палатки.

Мне нужно было заканчивать отчет о результатах полевых работ Верхне-Апапельхинской геологопоисковой партии и подсчитать запасы по месторождению «Террасовому», поэтому, доставив всех на место, возвращаюсь вместе с тракторами в Певек.

Снова в разведрайон я еду уже в январе как председатель участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Союза ССР. Это были первые послевоенные выборы в органы высшей народной власти, и потому им придавалось особенно большое политическое значение.

Перед отъездом из Певека меня детально проинструктировал начальник политотдела Михаил Васильевич Васильев и строго-настрого наказал, чтобы после голосования все избирательные материалы незамедлительно доставить в Певек.

Учитывая большую удаленность района, неустойчивую погоду и отсутствие какой-либо связи с Тамнеквуньским разведрайоном, руководители управления пошли даже на то, что выделили в мое распоряжение два быст-

роходных трактора «алис-чальмерс». Казалось, все предусмотрено до мелочей, чтобы выборы и быстрая доставка результатов голосования в Певек были обеспечены при любых обстоятельствах.

Тракторы «алис-чальмерс», или «алисы», как их все просто называли, были быстроходными машинами, с просторными теплыми кабинами, но только уже изрядно подносившиеся. Завезли эти тракторы из США без запасных частей. Машины не были рассчитаны на работу вдали от ремонтных баз. Они заводились от электрических стартеров, но не имели никаких приспособлений для запуска двигателей вручную.

Словом, тракторы были ненадежными, и именно поэтому мне выделили не один, а два. В случае поломки одного можно было надеяться благополучно завершить поездку на другом.

Но один трактор сломался еще на полпути к разведрайону. Мы оставили его в тундре и добрались до места на втором.

Вечером, в канун выборов, провели собрание избирателей, показали кое-какие диафильмы, предусмотрительно захваченные с собой, и разошлись по домам.

На другой день — девятого февраля 1946 года — все избиратели дружно проголосовали за кандидата в депутаты Верховного Совета Союза ССР от трудящихся Чукотского национального округа — товарища Отке, и мы, члены участковой избирательной комиссии, подсчитав голоса и оформив протоколы, часам к десяти утра закончили все свои дела.

Надо было торопиться в Певек, чтобы успеть вовремя доставить выборные материалы в Окружную избирательную комиссию. В Певеке, мы знали, для отправки их в Анадырь уже ждал специальный самолет.

Я быстро собрался в обратный путь. И вот тут-то «заморская» техника подвела...

Двигатель трактора с первых оборотов не завелся. Тракторист снова и снова нажимал на стартер, но мотор не поддавался. Дело кончилось тем, что аккумуляторы стартерной батареи окончательно разрядились, а без них завести мотор вообще нельзя.

Что делать?

В разведрайоне имелась нарта и шесть захудалых собачек. Выручить могли только они. Но двух человек везти им было не под силу. С одним же каюром отправить избирательные материалы я, конечно, не мог. Оставалось только ехать мне одному.

Но февраль — самое вьюжное время года на Чукотке, и отправляться одному в такое путешествие очень рискованно. К тому же я никогда не был каюром. Да и собачки оказались настолько слабыми, истощенными, что большой груз они не смогли бы везти.

Время шло, и надо было принимать решение. До ближайшего поселка — прииска «Красноармейский» расстояние небольшое — всего «каких-то» 150 километров. Прикинул, что если ехать налегке, то на собачках за сутки доберусь. А одни сутки можно обойтись без сна, значит, и без спального мешка, без палатки и без горячей пищи. Беру с собой только пару лыж, несколько бутербродов, фляжку с водой для войдания нарт, одеваюсь полегче и отправляюсь в дорогу...

День был уже на исходе, когда я тронулся в путь. В феврале полярная ночь в самом разгаре и днем темно так же, как и ночью. Но мне повезло — наступило полнолуние, и ночью даже было светлее, чем днем.

Первые километры пути преодолел легко и быстро. Собачки бежали под гору и по проторенной, хорошо знакомой им дорожке. Но вот миновали последние шурфы, сворачиваю на снежную целину. И тут собачки начинают рыскать в разные стороны, сбиваются в кучу и в конце концов останавливаются. Все мои попытки заставить их

двигаться вперед — тщетны. Тогда я встаю с нарт и волоку всю упряжку за собой. Кажется, собачки поняли меня и послушно идут на поводу. Снова сажусь на нарты, и снова собачки встают как вкопанные.

Кричу на них до хрипоты, но никакие возгласы «хак-хак!», «поть-поть!», «кхыр-кхыр!» не помогают. Пускаю в ход последнее средство — тяжелый остол, которым обычно притормаживают нарты на крутых спусках. Удары оказываются действеннее окриков, и нарта начинает медленно двигаться вперед. Но меня везти собачки не хотят, или им это просто не под силу, и мне приходится бежать трусцой возле нарт, держась одной рукой за деревянную дужку.

Снежный наст в узких речных долинах не очень прочный. Ноги часто проваливаются в глубокий снег, и бежать становится все тяжелее. Скоро выбиваюсь из сил и присаживаюсь на нарты. Собачки моментально останавливаются. Приходится опять вставать на ноги и бежать рядом с нартами. Так, с большим трудом, совершенно выбившись из сил, поднимаюсь на первый перевал. Осматриваюсь...

Светлая лунная ночь. Тускло мерцают звезды в вышине. По земле едва приметно метет слабая поземка. Кругом, насколько можно окинуть взглядом, искрящийся голубоватый снег. Только снег... И так тихо, что отчетливо слышишь стук собственного сердца. Вот она — Великая безмолвная белая пустыня...

Но любоваться суровой красотой ночного северного пейзажа нет времени. Надо спешить — впереди еще долгий путь и как бы пурга не застала.

Сажусь на нарты. Собачки, немного отдохнув, довольно резво несутся под гору. Спускаюсь в долину реки Кевеем. Мне здесь знакомо все — каждый бугорок, каждый куст, каждый овраг. По этому маршруту я зимой и летом проходил уже много раз. Теперь не страшно заблудиться. Только бы не застала пурга. Уже закрутила поземка, и теперь внезапно ураганом может налететь ветер. Надо спешить...

Идти становилось все труднее и труднее. Долина реки Ватапваам, по которой теперь пролегал мой путь, была покрыта глубоким, но рыхлым снегом. Снежный наст не выдерживал даже собачек. Они проваливались и обрезали о плотную верхнюю кромку снега свои лапы, оставляя следы крови на снегу.

При спуске с водораздела немного отдохнул. Пытаюсь встать на лыжи, но тогда надо бежать либо впереди, либо сзади нарт. И в том, и в другом случае трудно управлять собачками. Когда я попытался идти на лыжах вслед за нартами, собачки чуть не убежали от меня... Вероятно, почуяли впереди зайца или куропатку и так рванули, что я с трудом их догнал... После этого я уже не отпускал из рук нарты, так и бежал рядом, держась одной рукой за дужку, пока не валился на нарты от усталости.

Бежать по глубокому снегу было тяжело. Белье и одежда на мне давно уже промокли от пота. От ветра и холода защищала только легкая камлейка из пыжика, которую я обычно носил поверх телогрейки мехом наружу, как кухлянку. Меховой малахай я часто сбрасывал на плечи, и волосы тут же покрывались инеем. Рукавицы из оленьего камуса были совсем мокрыми внутри, но руки еще грели.

На груди под фуфайкой у меня была алюминиевая фляжка с водой, чтобы войдать полозья нарт. Делается это обычно так: через несколько километров пути останавливают упряжку, нарты опрокидывают и по их полозьям быстро проводят оленьим мехом, смоченным водой. Вода моментально замерзает, полозья покрываются тонкой ледяной пленкой, делаются гладкими и легче скользят по снегу.

В самом начале пути я раза два или три войдал нарты, но потом меня стала мучить жажда, снегом ее не мог утолить — пришлось пить воду из фляжки.

От длительного и утомительного бега рядом с нартами я совсем выбился из сил. По опыту знал, что от питья воды в этом случае надо воздержаться, но воздержаться не мог и то и дело отглатывал воду из своей фляжки. После этого я стал еще быстрее слабеть и чаще опускаться на нарты.

К началу следующего дня с трудом все же добрался до второго перевала, что почти на полпути до прииска. Здесь еще во время первого рейса мы предусмотрительно установили палатку, чтобы в ней могли найти приют путники. Я вспомнил об этой палатке и поспешил к ней, как к спасительному убежищу.

Нарты сами скользили вниз по крутому склону, и, чтобы они не налетели на собачек, приходилось энергично работать остолом — тормозить.

День начался погожий, но какой-то сумрачный — один из тех дней, когда на Севере все окутывается сверкающей и ослепляющей белой пеленой, когда трудно даже определить, где земля, а где небо. Маленькая травинка, торчащая из сугроба, в такой белой мгле кажется большим бревном. Представление о расстоянии и пространстве куда-то исчезает. Вот и на этот раз так же. Чувствую, что нарты быстро несутся вниз, но, где склон горы, где овраги — понять невозможно.

Вдруг собачки исчезают из поля зрения, и я вместе с нартами кубарем лечу в пропасть... На счастье, под обрывом намело большой сугроб, и я отделался только ушибами и испугом...

Распутываю упряжку и выбираюсь из глубокого оврага.

Вот уже и место, где стояла палатка. Но ураганные ветры сорвали ее, и теперь видны только жерди от каркаса. Собрал остатки деревянного каркаса и разжег на снегу костер. Достаю из рюкзака свои бутерброды, но аппетит пропал, и почти все отдал собачкам. Они тоже сильно переутомились и сразу же свернулись клубочками, намереваясь поспать. Я присел на нарты, чтобы отдохнуть и обдумать дальнейший путь. Дорога предстояла еще длинная, а сил ни у меня, ни у собачек совсем не оставалось.

Усталость взяла свое, и я не заметил, как задремал... Проснулся от сильного толчка — засыпая, упал с нарт.

Сразу же спохватился, что засыпать опасно — можно замерзнуть. Продолжать путь тоже нельзя — надо дать отдохнуть собачкам. Решил переждать еще часок.

Идти дальше становилось все труднее и труднее. Вот уже и долина реки Млелювеем — это недалеко от прииска, но впереди еще один трудный перевал.

Все чаще и чаще присаживаюсь на нарты... Бежать уже не могу. Медленно плетусь, точнее, механически переставляю ноги рядом с нартами...

Перехожу долину речки Умкарыннет. Она мне знакома еще с 1941 года, а в 1943 году я проводил здесь поиски месторождений олова. Можно свернуть вправо и через два перевала выйти к прииску «Красноармейский», но можно дойти до устья речки Майна, и тогда на пути будет только один перевал.

Выбираю второй путь — он легче.

Ниже устья речки Умкарыннет, на правом склоне долины Млелювеем, высокая сопка. Здесь всегда зимой дуют сильные ветры. Они намели большие сугробы и образовали высокие и твердые как камень снежные заструги. Между застругов — этих северных надолб — снег сдут до самой земли. Надо форсировать это препятствие, и дальше опять будет ровный снежный наст. Перетаскиваю собачек и нарты через высокие заструги буквально

на руках. Всего около километра пути по застругам, а ушло на это почти полдня.

Временами ловлю себя на том, что беззвучно плачу... Никогда со мной ничего подобного не было... Вероятно, сказались и восемь лет безвыездной напряженной работы на Севере, и физическое переутомление в этом сверхмарафонском пробеге, и полное одиночество в полярную ночь среди безмолвной снежной пустыни...

На следующий, последний перевал поднимался уже в конце дня. Заканчивались вторые сутки непрерывного бодрствования в пути. Я медленно плелся сзади нарт, еле-еле волоча ноги... Вершина перевала была уже совсем близко, как вдруг собачки рванулись вперед и в тот же миг исчезли за перевалом, оставив меня одного. С трудом поднявшись на вершину перевала, я увидел вдали яркие электрические огни. Это был прииск «Красноармейский»... Значит, собачки почувствовали близость жилья и, собрав последние силы, помчались туда. Все бы ничего, да на нартах рюкзак с выборными материалами. С мрачными мыслями спускаюсь с перевала. Выбираю места покруче, чтобы можно было скользить сидя, — это ускоряло спуск и экономило силы.

Скоро замечаю впереди на снегу черные пятна — это мои собачки. Нарта опрокинулась, зацепилась за снежный заструг, и они остановились. Рюкзак на месте — он крепко привязан к нартам, а вот лыжи и остол потерялись. Возвращаться по следу и искать вещи нет сил, хотя вижу, что одна из лыж валяется всего в каких-то ста или двухстах метрах.

Сейчас для меня это уже огромное расстояние, и я машу на все рукой...

Поднимаю нарты, распутываю упряжку собачек и продолжаю свой путь к прииску.

Поздно вечером через двое суток утомительного пути благополучно добрался до прииска.

Сбросил свою камлейку у Феди Свентицкого — знакомого геолога, работавшего на прииске, и отправился в контору, чтобы позвонить в Певек. Подхожу к двери, пытаюсь взяться за ручку и... не могу поднять руку... От неожиданности даже растерялся. Потом сообразил — пропитанная потом телогрейка, как только я снял с себя кухлянку, замерзла и превратилась в твердый ледяной панцирь — так много влаги перешло из моего организма в одежду за этот невероятно трудный маршрут.

Скоро мне выделили трактор с санями. Федя снабдил меня меховым спальным мешком, и я весь путь от Певека проспал как убитый. А на другой день разразилась пурга.

Потом, вспоминая об этой своей «северной эпопее», я ругал себя за то, что согласился воспользоваться таким ненадежным средством сообщения, как наши полудохлые собачки. Гораздо быстрее и легче я мог бы преодолеть тот же путь пешком или на лыжах. Но север есть север, где не всегда и все можно заранее предусмотреть. И подобные передряги обогащали нас бесценным опытом, закаляли волю, укрепляли веру в собственные силы.

Закончив все дела в Певеке, я скоро снова отправился в свой Тамнеквуньский разведрайон.

Разведочные работы у нас шли плохо. Сказывался недостаток жилья, топлива, продовольствия. Не хватало рабочих.

С большим трудом удалось нам закончить к весне несколько десятков шурфов и определить приблизительно размеры двух россыпей: оловянной (с золотом) — в долине речки Нанаваам и золотой (без касситерита) — в долине ручья Марины Расковой. Оба месторождения оказались не очень богатыми, но вполне рентабельными для отработки.

Наши работы подтвердили промышленную ценность и значительные запасы золота в первой, открытой в Ча-

унском районе золотой россыпи. Золото оказалось небогатое, но довольно крупное. Встречались даже небольшие золотые самородки весом до десяти — двадцати граммов.

Это было первое вполне реальное чукотское золото, которого только от опробования разведочных шурфов у меня скопилось около килограмма — полная коробка из-под папирос «Казбек».

С июня 1946 года запасы золота в россыпях Тамнеквуньского района были утверждены территориальной комиссией по запасам месторождений полезных ископаемых, и чукотское золото впервые появилось в своде полезных ископаемых страны.

Любопытно, что когда летом 1946 года мне нужно было уезжать в отпуск в центральные районы страны, то я долго не мог сдать накопившееся у меня от опробования шурфов золото: никто не хотел его принимать.

Раньше я работал на прииске «Майорыч» и знал, как строго учитывается золото и как бережно следует относиться к этому металлу. А тут надо уезжать, а золото никто не принимает.

В конце концов мне пришлось водворить коробку с золотым песком на одну из полок стеклянного шкафа, стоявшего в кабинете главного геолога ЧЧГПУ Анатолия Васильевича Андрианова. По иронии судьбы первое чукотское золото было вручено тому, кто всегда считал, что золота на Чукотке нет и быть не может.

Передавая золото, я пожелал Анатолию Васильевичу почаще смотреть на него, чтобы оно постоянно напоминало ему о том, что золото на Чукотке есть и надо только заниматься его поисками.

В тот же день я впервые в жизни отбыл в свой первый трудовой отпуск.

Так закончился мой певекский период жизни и работы на Чукотке.

СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ

Уезжая летом 1946 года в свой первый трудовой отпуск, я не собирался навсегда покинуть Певек, ставший для меня второй родиной. Но когда, помыкавшись в течение нескольких месяцев по разоренной войной стране и еще более устав, я добрался, наконец, до Магадана, главный геолог Дальстроя Б. Н. Ерофеев уговорил меня не возвращаться на прежнее место работы. Я был назначен главным геологом Чукотстроя и вместо Певека оказался в Заливе Креста, вскоре увлекся новой работой и с головой ушел в нее.

Неожиданно в 1949 году пришла телеграмма от Ерофеева: он спрашивал о моем согласии возвратиться на работу в Певек и сообщал, что там предстоит развертывание работ на золото. В то время я уже не меньше, чем золотом, заинтересовался иультинскими делами, завершив которые, собирался уехать на «материк» и перейти на научную работу в Академию наук Казахстана. Поэтому на запрос из Магадана ответил твердым отказом.

Так из телеграммы Ерофеева я впервые узнал, что наконец-то все поверили в золотоносность Чукотки. Для меня это была очень радостная новость, так как она подтверждала правильность сделанного мною еще в 1941—1942 годах очень смелого, как теперь говорят, научного прогноза.

В 1952 году я защитил кандидатскую диссертацию, которая по сути подвела логическую черту под всем, что было сделано мною за годы работы на Чукотке.

В 1969 году мне, как участнику Всесоюзного совеща-

ния по геологии россыпей, которое проходило в Магадане, представилась счастливая возможность через девятнадцать лет снова побывать на Чукотке. Комфортабельный Ан-24 позволил в считанные часы и без каких-либо неудобств совершить беспосадочный перелет до Певека. Видимость в течение всего полета была отличной, и я буквально прилип к иллюминатору, когда мы пролетали над Чукоткой.

Из иллюминатора были видны большие современные поселки с рядами многоэтажных каменных зданий, корпусами промышленных предприятий. Почти на всем протяжении пути от Малого Анюя до Певека виднелись следы горных работ, шоссейные и временные дороги, прииски, линии высоковольтных электропередач и телефонной связи.

Но вот и Апапельхино — воздушные ворота города Певека. Аэродром расположен как раз там, где раньше у меня было излюбленное место охоты, где я хорошо знал каждое озерцо, каждое болото.

С волнением спускаюсь по трапу самолета и подставляю лицо ласковому прохладному ветерку, чтобы он отогнал старых знакомых — кровожадных комариков. Свидание с прошлым... Трудно это передать. Но еще труднее выразить свое изумление при встрече с настоящим.

В Певеке меня очень радушно встретили горняки и геологи, с ветерком прокатили на новенькой «Волге» по отличному шоссе — по тем самым местам, где я ходил когда-то пешком, изнемогая от гнуса и усталости.

На прииске «Комсомольский» мне показали самую северную драгу и другие современные методы добычи золота. В забоях не было людей — работали мощные бульдозеры и водометные пушки.

Мои гостеприимные хозяева были так любезны, что даже показали мне золотоприемную кассу, и я погрузил руку в золотой песок, который давно уже из объекта

торячих научных споров превратился в столь весомую и ощутимую реальность.

Когда я стоял рядом со жбаном, доверху наполненным чукотским золотом, мое сердце переполняли чувства глубокой благодарности к людям, которые осуществили мечту мою и моих товарищей, деливших со мной все тяготы кочевой жизни геолога-поисковика.

Геологи моего поколения и наши преемники сделали немало хорошего в далеком Заполярье. На некогда пустынных просторах Чукотки ныне появились города и рабочие поселки, атомная и дизельные электростанции, хорошие аэродромы, шоссейные дороги, океанские порты, прииски и рудники. Чукотка стала, по образному выражению журналистов, «валютным цехом страны». И все это произошло за каких-то двадцать лет. Таких темпов освоения Арктики история еще не знала!

Новое поколение геологов продолжает на Чукотке летопись славных трудовых свершений, начатых первопроходцами тридцатых — сороковых годов. Среди них, пришедших нам на смену, многие уже прославили себя замечательными открытиями. Но немало и молодых людей, которые только делают здесь свои первые шаги на пути к еще не раскрытым тайнам земных недр — тайнам природы. Пройдут годы, и они приподнимут завесу над этими тайнами и, подобно нам, передадут эстафету молодым, пришедшим им на смену. Они тоже оставят свой след на Земле — добрую память потомкам. Счастливого вам пути и новых открытий, искатели!

О себе же могу добавить: в моей жизни случилось так, что интерес к проблемам Севера во мне никогда не затухал и я всегда в меру своих сил стремился быть ему полезным. И сейчас грандиозность задач, поставленных перед геологами Северо-Востока, настолько увлекла меня, что я вновь загорелся желанием принять самое активное участие в предстоящих исследованиях.

До скорой встречи, Север!

Жилинский Г. Б.

Ж 72 Следы на Земле. Записки участника первых геологич. экспедиций на Чукотке. Магадан, Кн. изд-во, 1975.

207 с., 8 л. ил. (Первопроходцы).

В книге автор — один из геологов-первопроходцев — делится воспоминаниями о работе первых геологических экспедиций 30—40-х годов по изучению «белых пятен» на карте Чукотки, об открытии здесь богатых золотых россыпей, о трудностях и радостях жизни геологов.

Ж $\frac{0294-29}{М-149(03)-75}$ 36—75 55(09)

Герман Борисович ЖИЛИНСКИЙ

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ

Линогравюры **И. Е. Гриценко.**

Редактор **Л. А. Савельева.** Художественный редактор **Д. Д. Власенко.** Технический редактор **Л. В. Выдрина.** Корректор **Г. А. Козеева.**

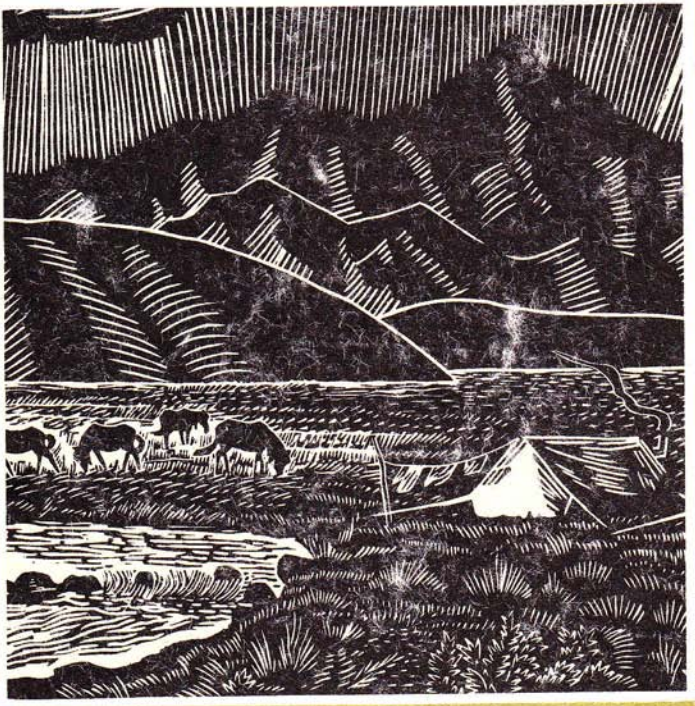
Сдано в набор 27/VI 1975 г. Подписано к печати 10/X 1975 г. АХ—01043. Бумага тип. № 2. Формат 70×108/32. Объем 6,5 физ. п. л. + 0,25 физ. п. л. вкладки, 12,91 усл. п. л. + 0,52 усл. п. л. вкладки, 9,59 уч.-изд. л. Тираж 30 000. Заказ 4467. Цена 31 коп., в пер. № 5 41 коп.

Магаданское книжное издательство, 685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан, пл. Горького, 9.

41 коп.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск
4

Магаданское книжное издательство